

*Тяжело отпускать...
когда так приятно
сдаваться...*

 СВОБОДИ
МЕНЯ

*Серия
«Преследуя пламя»*

Энн Мари Уолкер и
Эми К. Роджерс

Алессандра Синклер знает, что Хадсон Чейз — последний мужчина, которого ей стоит желать. Парень из бедных кварталов города вырос в мужчину, который сделает все, чтобы добиться успеха, даже если это разобьет сердце Алли. Но всякий раз, когда они оказываются рядом, притяжение становится очевидным. И теперь, когда они работают вместе, держаться подальше от Хадсона просто невозможно, как и держать чувства в узде... Хадсон однажды уже потерял Алли и отказывается терять ее вновь. Он решительно настроен использовать их деловое партнерство, чтобы вновь разжечь между ними искру, которая все еще тлеет. Но чем ближе он к победе, тем яснее становится, что все еще есть секреты, способные их разлучить...

Освободи меня

Энн Мари Уолкер, Эми К. Роджерс

Глава 1

Алли изо всех сил пыталась игнорировать синие сигнальные огни на подъездной дорожке у дома родителей. Но из гостиной открывался прекрасный вид на вымощенный кирпичом двор как раз перед входной дверью. И она знала, что сразу за дворовым фонтаном из известняка стоит ряд офицеров в униформе, выстроившихся в живой барьер вдоль желтой заградительной ленты. А за этой лентой стоит толпа репортеров с камерами и микрофонами, выискивая лучшую точку обзора между собравшихся у ворот зевак.

Вместо этого она сосредоточилась на детективе, стоящем перед ней. Женщина средних лет, одетая в костюм, который лучше пошел бы мужчине, волосы убраны в тугий пучок. Но несмотря на суровую наружность, когда она сказала Алли, что пора давать показания, в ее глазах плескалась нескрываемая доброта,

Алли кивнула, но не заговорила. После звонка в 911 она едва сказала пару слов.

Детектив встала и потянулась во внутренний карман пиджака за блокнотом. От движения показался полицейский значок, прикрепленный на поясной ремень, и кобура на боку.

Глаза Алли закрылись, голову заполнили образы выстрелов и крови.

Столько много крови...

— Алессандра.

Открыв глаза, она увидела Бенджамина Вайса, генерального юридического советника Ингрэм Медиа, пробирающегося к ней через фойе. Как всегда, он был одет в безупречный темный костюм и галстук, из нагрудного кармана выглядывал идеально сложенный платок. Только в этот раз галстук был завязан криво, а лоб покрылся слоем пота.

— Приношу свои извинения, — сказал он, задыхаясь. — Я приехал, как только узнал, но дороги забиты фургонами репортеров.

Как только узнал? Алли понятия не имела, кто звонил мистеру Вайсу, но была рада его присутствию. Бенджамин Вайс был не только семейным адвокатом, но и лучшим другом отца.

Детектив Грин и мистер Вайс обменялись парой тихих слов, и затем детектив приготовилась начать. Она присела на кофейный столик напротив Алли и сняла колпачок с ручки.

— Расскажите мне, что случилось после того, как вы завернули на подъездную дорожку, — сообщила она. Ее тон был полностью деловым; всего лишь еще один день в работе детектива отдела убийств.

Алли попыталась заговорить, но вместо слов вырвалось лишь сдавленное рыдание.

Мистер Вайс положил руку ей на плечо.

— Может, воды? — спросил он, глянув в сторону кухни и побледнев, когда его взгляд увидел сцену, развернувшуюся в столовой.

Не смотри.

Алли сосредоточила взгляд на ручке детектива и ответила мистеру Вайсу.

— Я в порядке.

Ни один человек в Чикаго не поверил бы этому заявлению, но бутылка воды ничем не поможет. И учитывая состояние ее желудка, она все равно сомневалась, что смогла бы ее выпить.

— Просто не торопитесь, — сказала детектив Грин.

Алли прерывисто вздохнула и стала пересказывать события последних часов.

— Я поняла, что что-то не так, как только открыла входную дверь.

— Почему? — спросила детектив.

— Сигнализация не издала ни звука.

— Хотите сказать, она не была включена?

Алли покачала головой.

— Нет, я имею в виду, она вообще не работала. Даже если она не активна, система все равно издает сигнал, когда открываешь дверь или окно.

Детектив Грин нацарапала несколько слов на небольшом листке бумаги.

— Что случилось после того, как вы вошли в дом?

— Я видела, что в кабинете отца горел свет, так что направилась первым делом туда.

Слезы застлали глаза Алли. Она обвела взглядом пространство обшитой панелями гостиной, затем посмотрела в прихожую, прямо на входную дверь. Горло сжалось от мысли о том, как уверенно она себя чувствовала, шагая через прихожую. Сколько Алли себя помнила, все в ее жизни диктовалось тем, что будет лучше для фамильного наследия. Но в этот раз родители перегнули палку. Устраивать за ее спиной брак, который был не больше, чем обычным деловым соглашением — это стало последней каплей. Она перестала играть роль покорной дочери и собиралась недвусмысленно им об этом заявить.

Но когда она коснулась дверной ручки...

— И тогда вы обнаружили тело?

— Да, — прошептала она, вспоминая безжизненное тело ее отца, обмякшее на столе. Алли перевела взгляд на салфетку, которую комкала в руках. Та больше напоминала какую-то веревку.

— Ваш отец часто бывал дома днем?

Пару месяцев назад Алли ответила бы без колебаний. Ее отец никогда не бывал дома в середине дня. Но в последнее время он отдалялся, позволяя Джулиану руководить повседневными вопросами и готовя его к передаче бразды правления после их свадьбы.

Джулиан.

От одной лишь мысли о бывшем женихе по спине побежали мурашки. Алли потрогала остатки синяка, которым он наградила ее на прошлой неделе. Она тщательно постаралась замаскировать фингал консилером, но макияж уже точно смылся слезами.

— Мисс Синклер? — подтолкнула детектив Грин.

— О, эм, нет. Обычно только мама и экономка, — Алли резко втянула воздух.

— Она в порядке, — заверила ее детектив Грин. — Она отсутствовала, выполняя поручения, вплоть до недавнего времени.

— Полагаю, ее показания вы тоже запишете? — спросил мистер Вайс.

Детектив кивнула.

— Нам еще понадобится подтверждение судмедэксперта, но, похоже, все случилось вскоре после ее ухода. Если это так, преступники могли поджидать, когда она уйдет, думая, что дом будет пуст.

Со стороны столовой донеслась вспышка, и, не подумав, Алли посмотрела туда. Вспышка. Фотограф стоял спиной к ней, направив камеру на зеркальную стену. Алли смотрела на его отражение, пока он делал снимки крови, разбрызганной по стене, прямо за тем местом, где в последний раз стояла ее мать. Вспышка. Он подошел ближе, подстраивая

объектив, и она знала — он выхватывает детали, которые она увидела, впервые войдя в комнату — кровь и серое вещество, смешавшееся с осколками стекла и кости. Вспышка. Присев на корточки рядом с обюссонским ковром, пропитавшимся кровью, он сфотографировал лицо ее матери, ее открытые глаза с застывшим в них ужасом.

Алли ощутила, как к горлу подступает желчь, и на секунду подумала, что ее сейчас стошнит. Это не ее жизнь. Это какой-то ужасный сон, результат просмотра слишком большого количества сериалов про полицейских. Это должно быть сном.

— Зачем они это делают? — прошептала она, хотя не собиралась произносить это вслух.

Детектив Грин оторвалась от своего блокнотика.

— Что делают?

— Зачем они надевают мешки на ее руки?

Детектив посмотрела на мистера Вайса, затем снова на Алли. На мгновение поколебавшись, она ответила ровным голосом.

— Чтобы не потерять улики, которые могли остаться в результате борьбы.

Суматоха у входной двери привлекла внимание Алли. Двое мужчин в темных костюмах резко развернули каталку на мраморном полу. На их спинах белыми буквами было написано "КОРОНЕР", и когда они повернулись к библиотеке, она увидела длинный черный пакет, вытянувшийся во всю длину каталки.

О боже...

От мысли о том, что это ее отец лежит в виниловом мешке на молнии, с ее губ сорвался произвольный вскрик.

Мистер Вайс протянул свой носовой платок, и она приняла его.

— Если вы не возражаете, я бы хотел отвезти мисс Синклер домой, — напряженно проговорил он. — Она прошла через суровое испытание.

Детектив Грин окинула Алли оценивающим взглядом, затем встала и расправила складки на шерстяных брюках.

— Мне придется взять более детальные показания утром, — она протянула визитку. — Тем временем, если вы что-то еще вспомните.

Мистер Вайс взял визитку.

— Спасибо, детектив, — перед уходом он заверил, что его отдел позвонит и назначит встречу.

— Я договорился о машине, тебя отвезут домой, — сказал он Алли, когда они остались одни. — И частный охранник останется у твоего особняка на ночь.

Ее глаза расширились.

— Просто мера предосторожности, — быстро добавил он. — Сейчас полиция думает, что это было лишь неудачное ограбление, но я не хочу рисковать твоей безопасностью.

Алли кивнула.

— Могу я кому-либо позвонить для тебя?

Хадсон.

Это было первое имя, которое пришло в голову, оно крутилось на уме последние несколько часов. Она нуждалась в нем как никогда. Нуждалась в силе его рук, обнимающих ее, держащих ее, когда не оставалось сил стоять.

Но она не позволяла себе звонить ему. Она не могла. Только не после того, как он ее обманул. Она должна двигаться вперед. Не оборачиваясь назад.

Хадсон Чейз вычеркнут из ее жизни. На сей раз навсегда.

— Я позвоню своей подруге Харпер.

— Она случайно не рыжая?

— Да, а что?

— Она избавила тебя от необходимости совершать звонок, — он слабо улыбнулся. —

Она с адским упорством штурмует заграждения последний час.

Да уж, это наверняка Харпер.

— Не могли бы вы провести ее к гаражу и договориться, чтобы машина встретила нас там? Я совсем не хочу иметь дело с толпой снаружи.

— Конечно. И я прослежу, чтобы ваши машины отогнали в город к утру.

Алли встала.

— Спасибо за ваше... — голос сорвался. Она знала, что никогда не сумела бы закончить предложение.

Нахмурившись, он кивнул.

— Есть еще кое-что, что мы должны обсудить до твоего отъезда.

— Это может подождать до завтра?

— Боюсь, что нет. Хотя некоторые репортеры уедут, когда поймут, что тебя больше нет в доме, некоторые останутся, пока не будет сделано заявление. Я могу отдать приказ пиар-отделу подготовить что-то от лица компании в целом, или ты можешь написать свое собственное обращение, если хочешь. Кроме того, стоит вопрос внутреннего сообщения для твоих сотрудников, но его можно подготовить завтра.

— Моих сотрудников?

О чем, черт подери, он говорит?

Он встретил ее взгляд с таким же непониманием. Мгновение спустя морщинка меж его бровей разгладилась.

— Прошу прощения, я думал, ты осознала, — его голос был мягким, но непреклонным. — Как ты знаешь, твой отец и мать владели крупными пакетами акций Ингрэм.

Это была не новость. Десятилетиями компания, построенная с нуля ее дедом по материнской линии, находилась в руках частных владельцев. Так было до тяжелых времен в конце 70-х, когда отец был вынужден сделать компанию открытым акционерным обществом, но даже тогда ее семья владела контрольным пакетом.

— Поскольку ты единственная наследница их собственности, эти доли теперь принадлежат тебе. Алессандра, ты новый крупнейший акционер Ингрэм Медиа.

Алли потерла лоб. Она даже не думала о том, как смерть родителей повлияет на семейный бизнес, не говоря уж о ее собственной роли. Сотни вопросов метались в ее голове, но головная боль мешала сосредоточиться.

— Мне жаль. Я знаю, что ты устала. Мы можем отложить это на завтра, а сегодня выпустить лишь заявление от лица компании. Пиар-команда подготовит текст, и если хочешь, я могу согласовать его с мистером Чейзом.

Алли вскинула голову. Хадсон? С какого перепугу он будет согласовывать это с Хадсоном? Она поняла ответ, как только мистер Вайс начал растолковывать.

— За последние несколько месяцев различные инвестиционные компании скупали акции Ингрэм. До недавнего времени мы не осознавали, что все эти сделки делались под руководством одного человека. Как это повлияет на повседневные операции, будет видно со

временем. Крупная часть активов все еще в руках небольшого количества мелких акционеров, но недавние закупки мистера Чейза сделали его вторым крупным держателем акций Синклер/Ингрэм, — он тяжело выдохнул. — Мы можем обсудить это более подробно через несколько дней. Не хочу заваливать тебя информацией.

Слишком поздно.

— Хорошо.

— Пойду найду твою подругу, — он неловко похлопал Алли по руке и повернулся к двери. Пока она наблюдала, как он уходит, в голове неожиданно возник вопрос. В свете всего произошедшего это было нелепо, но по каким-то необъяснимым причинам она хотела знать.

— Мистер Вайс? — позвала она еще до того, как он вышел в фойе.

Он повернулся к ней.

— Да?

Алли глубоко вздохнула. Возможно, все не так плохо. Возможно, она сумеет ограничить их взаимодействие.

— Какая разница?

— Прости?

— Разница между долями акций, между мной и... — ее голос сорвался на его имени.

Она прочистила горло и попыталась еще раз. — Какая разница в долях акций между...

Проклятье. Почему эти чертовы слова не выходят из ее рта?

— Между тобой и мистером Чейзом?

Она кивнула.

— Один процент.

Вес сегодняшнего дня свалился на ее плечи, и Алли рухнула на диван. Вдобавок ко всему, похоже, Хадсон Чейз был ее новым бизнес-партнером.

Во время утренней службы в Четвертой Пресвитерианской Церкви Алли едва смотрела на два гроба. Вместо этого она сосредоточила внимание на пасторе, говорившем о вечной жизни, органистке, аккомпанировавшей хору, или даже на пылинках, круживших в разноцветных лучах света, проникавшего сквозь витражные окна. Все что угодно, лишь бы избежать реальной причины, по которой все они здесь находятся. Даже стоя на подиуме и обращаясь к пяти сотням незнакомцев, она как-то ухитрилась притвориться, что это неправда. Двое людей, которых она превозносила, не были ее родителями. Это был бизнесмен и его жена-филантропка, не ее отец и мать. Не ее единственная семья.

Но когда она села в первом ряду складных деревянных стульев под тентом, стало почти невозможным не смотреть на два гроба из красного дерева, стоящие рядом друг с другом. Запах, источаемый каскадом лилий на гробах, был почти удушающим, несмотря на прохладный ноябрьский воздух. И вид этих гробов, расположенных над тщательно прикрытыми свежевырытыми могилами, безжалостно напоминал об ее потере. Ее родители были мертвы, застрелены в собственном доме, и полиция подозревала, что это лишь случайный акт насилия. Алли знала, что в ее возрасте глупо считать себя сиротой, но именно так она себя ощущала. Неважно, что ей было 27, ее родителей не стало, и она никогда не чувствовала себя более одинокой.

Последние несколько дней ее горе было всепоглощающим, изнуряющая печаль сплеталась с яростью, тлевшей глубоко внутри. Она подозревала, что лишь эта ярость помогала двигаться дальше. Мысль о том, что каждый день может принести новую зацепку, заставляла ее подниматься с постели, когда утром она пробуждалась от беспокойного сна, полного ужасных образов. Но она злилась не на стрелка, а на своих родителей. Они мертвы, и теперь она никогда не сможет поговорить с ними лицом к лицу, сказать, что завязывает с жизнью по негласному кодексу империи Ингрэм-Синклер. Она никогда не сможет сказать им, насколько зла на них за попытку контролировать ее жизнь. Насколько ненавидела их за попытку манипулировать ею и выдать за Джулиана. Сколько боли ей причинил бесконечный поток лжи. Или как в глубине души, несмотря ни на что, она любила их, ведь они были ее родителями.

Ее тело сотрясло беззвучное рыдание.

Харпер взяла Алли за руку и крепко сжала.

— Ты в порядке? — прошептала она.

Со слезами на глазах Алли встретила с обеспокоенным взглядом подруги и кивнула. Харпер почти постоянно была рядом с ней с того самого момента, как прорвалась через баррикады в ночь убийства. Она настояла, чтобы Алли осталась у нее — предложение оказалось невероятной удачей, потому что как только водитель подъехал к Астор Плейс, обнаружилось, что весь квартал забит репортерскими фургонами. Харпер в одиночку противостояла бушующим журналистам, оставив Алли за тонированным стеклом лимузина, и сама забрала ее вещи из особняка. И это было лишь начало. Она сидела рядом с Алли, когда та выбирала надгробия, торчала на кухне, пока та встречалась с детективами. Алли ни за что не справилась бы со всем этим безумием, если бы не Харпер, и она будет вечно ей за это благодарна.

Ветер сменился, и воздух затрещал от электрических зарядов, пробежавшихся по коже Алли. Все ее чувства обострились, и инстинктивно она посмотрела налево. Она не замечала толпы, окружившей два катафалка, но посмотрев через кладбище, поняла, что под белым тентом сидело по меньшей мере три сотни человек. Предчувствие спиралью свернулось в животе Алли, она всматривалась в ряды лиц, искала того, чье присутствие ощущала так же явственно, как если бы он сидел рядом и держал ее за руку.

Хадсон Чейз.

Одна лишь мысль о нем заставила сердце заколотиться быстрее. Он всегда оказывал на нее такое влияние, с момента их первой встречи десять лет назад. Ее друзья из яхтенного клуба, возможно, видели в нем лишь очередного городского парня, нарывавшегося на проблемы, но Алли видела то, что скрывалось под типичным образом с рваными джинсами и кожаной курткой. Она знала настоящего Хадсона. Того, кто брал ее на долгие прогулки по пляжу. Того, кто смешил ее до слез. Того, от чьих поцелуев подкашивались колени.

Когда два месяца назад она обернулась и увидела его, от одного вида перехватило дыхания. Даже десять лет спустя между ними все еще оставалась связь, столь осязаемая, что ее пульсацию, казалось, можно было увидеть. Все в нем взывало к ней на примитивном уровне. Начиная от темных непослушных волос, в которые хотелось запустить пальцы, до того, как он держал ее на танцполе, все ее тело томилось по нему так, как ни по кому другому. Он тоже чувствовал это, и несмотря на ее помолвку, добивался ее с неослабевающей страстью, пока не завладел ее телом и душой — и затем предал ее худшим из возможных способов.

Женщина в широкополой шляпе изменила позу, и у Алли перехватило дыхание. Она отвернулась, лишь мельком заметив темные волнистые волосы, но сомнений не осталось. Это он. Она сжала руки в кулаки, ногтями впиваясь в ладони. Как посмел он прийти сюда? После всего, что сделал ради кражи компании отца, Хадсон Чейз посмел явиться на его похороны?

Заиграли волынки, но Алли едва расслышала их сквозь шум крови в ушах. Харпер потянула ее за локоть, побуждая встать, когда пастор подошел, чтобы выразить последние соболезнования. Алли протянула руку, ощущая дрожь в коленях.

— Они были замечательными людьми, Алессандра. Их уход — ощутимая потеря для всей паствы.

Все, что она сумела выдать в ответ — тихое 'Спасибо'.

Харпер наклонилась ближе.

— Может, тебе лучше присесть обратно? Ты бледная как привидение.

— Нет, мне нужно... — Алли глянула через плечо Харпер как раз тогда, когда мужчина позади женщины в широкополой шляпе поднялся. Грудь сдавило.

Это не он.

— Что тебе нужно? — спросила Харпер.

— Ничего, — пробормотала Алли. Да что с ней не так? Хадсон Чейз был последним кого она хотела бы видеть на похоронах родителей. И все же из всех эмоций, бурливших сейчас в ее груди, самым сильным было... разочарование.

Тихое бормотание окружило ее, когда все присутствующие начали собираться к машинам. Некоторые медлили, и Алли эгоистично надеялась, что они не подойдут к ней. Как новый крупнейший акционер Ингрэм Медиа, она знала, что с некоторыми людьми она должна здороваться и пожимать руки. Но как ребенок, чьих родителей вот-вот опустят на

шесть футов под землю, она хотела лишь остаться в одиночестве. По правде говоря, несмотря на злость и ощущение, что ее предали, в данный момент она больше всего хотела оказаться в объятиях Хадсона. Почувствовать, как его руки гладят ее по волосам. Слышать его хрипловатый голос, шепчущий ей на ухо, что все будет хорошо, и знать, что так оно и будет, даже если все свидетельствует об обратном.

Алли выпрямилась. Она должна перестать думать о Хадсоне, как о каком-то рыцаре на белом коне, который прискачет и спасет день. Он был темным рыцарем, чье двуличие причинило ей слишком много боли, чтобы вновь впускать его в свою жизнь.

С другого конца тента Элизабет Прескотт помахала ей рукой в перчатке. Алли вздрогнула. Она определенно не была готова к очередной болтовне с друзьями матери. Алли оглянулась вокруг, и через мгновение широкие плечи заслонили ее от остальных посетителей.

— Машина к вашим услугам, мисс Синклер. Как только вы скажете.

Алли изо всех сил попыталась изобразить улыбку.

— Спасибо, Клейтон. Я готова ехать прямо сейчас.

Сдержанно кивнув, он прошептал что-то в микрофон, едва заметный на рукаве темного костюма. Алли никогда не хотела обзаводиться телохранителем, но мистер Вайс был непреклонен, настаивая, что дополнительная защита необходима для обеспечения ее безопасности, пока полиция еще ведет расследование. В конце концов, она согласилась временно усилить меры предосторожности. В тот момент ее уступка была скорее для спокойствия мистера Вайс, но нужно было признать, что в такие моменты подобное щиту присутствие Клейтона было ей на руку.

— Сюда, мэм, — он указал в сторону задней части тента.

Вдалеке Алли различила черный лимузин, ждущий у основания холма. Она помедлила, задержавшись рукой на полированном дереве отцовского гроба перед тем, как уйти. Они с Харпер почти дошли до машины, когда она услышала, как кто-то зовет ее по имени.

— Алессандра, — позвал Бенджамин Вайс, догоняя ее. — На пару слов, пожалуйста.

— Я подожду в машине, — сказала Харпер. Она забралась в лимузин, и Клейтон, закрыл за ней дверь, занял позицию в нескольких футах отсюда. Алли знала, что из-под черных солнцезащитных очков острый как бритва взгляд сканирует толпу, а под отлично сшитым костюмом скрывается заряженный пистолет. Она постаралась не думать о причинах этого, сосредотачиваясь на мистере Вайсе.

— Извиняюсь, что поднимаю эту тему сейчас, — сказал он, — но совет созвал экстренное совещание в штаб-квартире Ингрэм. Я надеялся отложить это до следующей недели, но учитывая кончину твоих родителей и открывшиеся закупки мистера Чейза... Уверен, ты понимаешь их обеспокоенность.

Алли кивнула. Конечно же, другие члены совета беспокоились. Ричард и Виктория Синклер мертвы, а теперь их дочь, почти незнакомка для них, оказалась у штурвала вместе с мужчиной, который последние несколько месяцев тайно скупал их активы. Ну, когда не трахал ее на каждой удобной поверхности. Что ж, хотя бы последнее не было достоянием общественности. И без того трудно будет встретиться с Хадсоном лицом к лицу, сидеть с ним за одним столом. К счастью, никто из совета не знал об их личных отношениях.

— Когда? — спросила она.

— Завтра утром, — мистер Вайс вручил ей краткий список вопросов на повестке дня, прежде чем скрыться в ожидавшем его легковом автомобиле.

Плотнее запахнув пальто и скрестив руки на груди, Алли смотрела поверх лимузина на ряд надгробий и пыталась уложить все в голове. Две недели назад, покидая пентхаус Хадсона, она не собиралась больше с ним видеться. Теперь ей осталось менее двадцати четырех часов, чтобы подготовиться к их первому совместному собранию совета. Она понятия не имела, как отреагирует, находясь с ним в одной комнате, но одно знала точно — надо держать дистанцию. И никогда, ни при каких обстоятельствах, не оставаться наедине с ним.

Худший. Гребаный. День.

Нет, вычеркните. Дерьмовые дни в его жизни следовали один за другим, и сегодняшнему придется становиться в очередь.

Хадсон подцепил пальцем безупречный узел на шее и резко дернул за дорогую удавку, выходя из лифта в пентхаус. Тишина не стала сюрпризом. По правде говоря, когда-то он был бы ей бесконечно рад. Но теперь она его убивала. Его легкие кожаные туфли слишком громко стучали по деревянному полу, а галстук ощущался на шее точно наждачная бумага. Он подумал о бесчисленном количестве раз, когда он приходил домой, до чертиков уставший на работе, и обнаруживал ревущую музыку или гребаную видеоигру, занявшую весь экран домашнего кинотеатра. Вместо этого квартира превратилась в мавзолей. Боже, он бы что угодно отдал, чтобы пентхаус вновь наполнился этим шумом. Как минимум это приглушило бы его мысли, которые в данный момент были подобны оглушительным крикам, полосующим мозг точно нож.

Хадсон взялся за барный стул у стойки, подумывая швырнуть его. Он хотел нарушить тишину и пустоту, хотел вдарить кулаком по реальности настоящего и прошлому, дающему о себе знать, хотел изменить его курс. Если бы он только мог, его родители были бы все еще живы, Ник не был бы чертовым наркоманом, и... он уронил голову, резко выдыхая... он не стал бы по-королевски лажать с Алли.

Отпустив стул, который стискивал до побеления костяшек, Хадсон снял пиджак, повесил его на спинку стула и вверх бросил галстук. Сделав это, он вспомнил про телефон. Откинув лацкан, он достал аппарат, но когда от нажатия клавиши включился дисплей, он показал лишь огромное ничто. Ни сообщений. Ни пропущенных звонков. Какого черта он ожидал? Прошло две недели, и Алли ни разу не перезвонила.

Он уставился на экран, где светилась фотография Алли, которую он сделал во время их поездки на озеро Женева. Она сидела верхом на его Харлее, маняще улыбаясь ему, щеки все еще покраснелись от вина. Но теперь вместо этой идеальной улыбки он мог представлять лишь то, какой хрупкой она выглядела, сидя перед двумя гробами, вцепившись в рыженькую рядом с ней. Страдание запечатлелось в изящных чертах заплаканного лица, и это рвало его на части. Когда ее плечи сотрясались от сдерживаемых рыданий, он должен был быть благодарен, что ее поддерживает подруга. Вместо этого он ей завидовал. Хадсон хотел, чтобы она стискивала его руку. Он хотел, чтобы она рассчитывала на него, на его поддержку, когда весь известный ей мир рухнул.

Он нажал клавишу, обрывая приступ мазохизма.

Черт, ему нужно выпить.

Засунув телефон в передний карман джинсов, Хадсон подошел к холодильнику и распахнул дверь, обнаруживая, что желанное пиво закончилось. Выругавшись, он захлопнул его обратно и пошел наверх, в игровую комнату. Он не потрудился включить освещение — света, исходящего сквозь стеклянную дверь холодильника, было достаточно для его цели. Схватив бутылку Heineken, он открыл ее и большим пальцем подбросил крышечку. Наблюдая, как она упала прямо в мусорное ведро, он внезапно осознал, где Ник научился этому искусному трюку.

Телефонный звонок, эхом раздавшийся по пустой комнате, заставил Хадсона вздрогнуть. Поставив бутылку на стол, он вытащил телефон из кармана.

— Чейз, — ответил он, не глядя на экран.

На другом конце трубки отозвался сиплый голос.

— Привет.

— Ник, привет, как...

Ник оборвал привет-как-дела.

— Это было в новостях?

— Пара строк в Трибуне, не более, — Хадсон не был удивлен. Мертвым наркодилерам не отдают первую полосу. — Ник облегченно выдохнул, но Хадсон все равно чувствовал скрытое напряжение. — Ты не должен об этом беспокоиться, понятно? Я позаботился обо всем.

— Что ты имеешь в виду? Копы будут меня искать. Ориентировки и прочее дерьмо, верно?

Хадсон провел рукой по волосам.

— Никто тебя не ищет.

— Почему ты так уверен? Что, если кто-то видел, как...

— Не так, Ник. Не по телефону.

— Почему? Ты думаешь, кто-то подслушивает?

— Нет. Но я...

— Дерьмо собачье, твоя линия прослушивается? За тобой следят? — Хадсон слышал мгновенно нарастающую дикую панику.

— Господи Боже, Ник, нет. Но меня уже вызывают в участок по поводу убийства Синклеров. Не хочу рисковать.

Ник фыркнул.

— Ну да, как будто ты убил родителей Алли.

— Они должны исключить меня из числа подозреваемых, и я намерен сотрудничать.

Все что угодно, лишь бы не давать им причины поглубже копнуть в его личную жизнь. Заглянуть в дерьмо, похороненное в его прошлом — это как потянуть за ниточку. Дерни за нее, и все вывалится наружу.

— Что, если они просто играют с тобой? Что, если им что-то известно?

— Как я уже сказал, не волнуйся об этом, — у Ника была сильная степень зависимости, и Хадсон меньше всего хотел, чтобы у него случился рецидив, и он умер у него на руках. Только не под его присмотром. Если понадобится куча курсов лечения в дорогостоящих клиниках, так тому и быть. Ни за что на свете он не станет биться головой о стену, когда дело касается спасения брата.

— Сфокусируйся на очищении, понял?

— Я чист как гребаный свисток, Хадсон. Так что заканчивай нести чепуху. Давай начистоту.

— Ну что ж, давай поговорим по-другому, — Хадсон стиснул телефон так, что тот скрипнул. — Протрезвей, Ник. Ты должен завязать с выпивкой, наркотиками, жизнью, которой ты живешь, — его голос повышался с каждым словом. — Проклятье, я не хочу хоронить тебя рядом с ними.

Между ними повисла тишина, наполняемая лишь белым шумом.

— Это была не твоя вина, — из телефона донесся тихий голос Ника. Он повторял одно

и то же последние десять лет, но на деле Хадсон полностью нес за это ответственность. Он никогда не забывал долгий список своих провалов, и всякий раз, пытаясь заснуть, он видел перед глазами гребаную череду слайдшоу: Ника отрывают от него; кошмарные образы, полные красного цвета; холодное, безжизненное тело матери, глядящее на него; и наконец, двери лифта, закрывающиеся перед Алли.

Он не мог потерять брата или вытерпеть долгие мрачные месяцы незнания, жив Ник или мертв. Хадсон проглотил злону, смешавшуюся со страхом.

— Я не хочу потерять еще и тебя, Ники.

— Не бывать этому, ни хрена. Я начинаю новую жизнь, знаешь? — Ник хихикнул, без сомнения чтобы нарушить напряжение, повисшее между ними, но затем шагнул на другое минное поле. — Ты говорил с ней?

— Нет. Она не перезванивает.

— Ты ходил на похороны? Эта хрень во всех новостях. Даже в утреннем шоу.

— Утреннем шоу?

— Ага, одна леди здесь смотрит его, а у меня нет выбора. Хорошо хоть буфера у нее отменные.

— Охренеть, Ник! — Хадсон засмеялся впервые за последние две недели.

— Так ты говорил с ней?

— Нет, — Хадсон потер основание шеи. — Она даже не знает, что я был там.

— Чувак, почему блять нет?

— Не то время.

— Трусливая тряпка.

— Не все так просто, Ник.

— Ну да, куда уже мне там. Эй, бро, мне надо бежать, люди ждут очереди к телефону.

— Рад, что ты позвонил.

— Ага, — Ник прочистил горло. — Я тоже. Созвонимся позже?

— Конечно. Пока, Ник, — Хадсон подождал, пока брат повесит трубку, затем взял запотевшую бутылку и сделал большой глоток. Он обвел взглядом тускло освещенную комнату, от доски для дартса до бильярдного стола и бара, и наконец, до колонны. Этой гребаной колонны. Ее образы повсюду. Нет ни единого гребаного места, куда бы он мог посмотреть и не вспомнить ее. Алессандра Синклер не только вернулась в его жизнь, но и устроила себе резиденцию в его сердце.

И завтра он ее увидит.

Хадсон сделал еще один глоток пива. На собрании совета их может разделять стол для совещаний, но еще до заката он собирался увидеться с ней наедине. Ей придется его выслушать.

Он не примет отрицательного ответа.

Алли постаралась прийти первой. Экстренное собрание совета начиналось через полчаса, но она хотела дать себе время сориентироваться в ситуации. Конечно, за несколько лет она бесчисленное количество раз бывала в конференц-зале Ингрэм Медиа, но то было посещение мероприятий в роли дочери Ричарда Синклера, а не официальное собрание совета директоров, и уж точно не в роли нового крупнейшего акционера. Праздничные вечеринки и фотосессии кардинально отличались от заседаний на тридцатом этаже Ингрэм Билдинг.

Она прошла через всю комнату, взглядом скользя по полированному красному дереву. Алли знала, что должна многое доказать людям, которые соберутся вокруг этого стола. Кончиками пальцев касаясь каждого кожаного кресла, она представляла себе толпу, которая начнет прибывать всего через несколько минут. Некоторые из них были давними друзьями отца и наверняка все еще видели в ней маленькую златокудрую девочку в платьишках с оборками. Некоторые — влиятельные лидеры самых успешных компаний города, и она боялась, что они сочтут ее крайне некомпетентной, чтобы занимать место, доставшееся ей только из-за принадлежности к семье. И если первым, возможно, понравится тот факт, что компания останется в руках семьи Ингрэм, их предпринимательская хватка без сомнений подтолкнет их объединиться с последними.

Но как бы ни пугала ее перспектива впервые встретиться лицом к лицу с этой аудиторией, не это заставляло ее мерить комнату шагами.

Дело было в нем.

Алли подошла к окнам, выходящим на Мост Мичиган Авеню.

Наблюдая, как река Чикаго вливается в озеро Мичиган, она подумала о том, когда в последний раз видела Хадсона Чейза. Тем утром, когда она узнала правду об его плане захвата контроля над Ингрэм Медиа. Невидящим взглядом она уставилась на серый горизонт, мыслями возвращаясь к тому дню. Хадсон стоит в прихожей, держа полотенце на бедрах, вода капает на деревянный пол. Он умолял ее дать ему объяснить, но какое объяснение может оправдать его ложь и предательство? Она отказалась его выслушать, и в глубине души знала, что это правильно, но ее все еще преследовало то выражение его лица за секунду до того, как закрылись двери лифта.

Позади с мягким щелчком открылась дверь конференц-зала, и приглушенное бормотание голосов сообщило Алли, что начали прибывать остальные члены совета. Но вместо того, чтобы поприветствовать их и завязать светскую беседу с соболзнованиями, которые она только и делала, что выслушивала последние несколько дней, она осталась у окна, наслаждаясь последними моментами спокойствия перед штормом.

Снаружи вдруг донесся беспокойный гомон, и инстинктивно Алли поняла, что он пришел. Тревожная волна узлом скрутила живот, но она глубоко вдохнула, успокаиваясь. Эти собрания совета, пусть и не частые, были неизбежностью. Чем скорее она привыкнет видеть его в этой обстановке, тем лучше.

Она повернулась, и секунду спустя в зал вошел Хадсон Чейз. Гул тихого разговора стих, все головы как одна повернулись, чтобы оценить корпоративного захватчика, тайно собравшего второй по величине пакет акций Ингрэм прямо у них под носом.

От его вида у Алли почти перехватило дыхание. В угольно-сером костюме, белой рубашке и серебристо-сером галстуке он выглядел стопроцентно властным и уверенным в себе генеральным директором корпорации. Но Алли знала, какая страсть пылает в этих глазах, а посмотрев на темные неуправляемые волосы, она поняла, что он провел по ним рукой прямо перед тем, как войти в комнату. Он двигался с размеренной грацией, мышцы перекачивались под безупречно сшитым костюмом. Алли хорошо знала каждый дюйм этого тела, каково касаться его, как оно двигалось поверх нее... внутри нее. Она знала мужчину, а не корпоративный миф. Он был тем, в кого она влюбилась. Он был тем, кто разбил ей сердце.

Она намеревалась отвернуться, дать ему не более чем мимолетное безразличие, и все же не могла отвести взгляда, наблюдая, как самые могущественные игроки Чикаго приветствовали его со смесью настороженного восхищения и трепета. Даже будучи чужаком, Хадсон все равно управлял этой комнатой, одним протягивая руку, других удостаивая коротким кивком. Его поведение было вежливым и профессиональным, но его аура небрежной уверенности посылая четкий сигнал находящимся в комнате. Хадсон из тех мужчин, которые получают именно то, на что нацелились.

Ну, не в этот раз... не тогда, когда речь шла о ней.

Как будто ощутив на себе ее взгляд, Хадсон повернулся, и их глаза встретились. Уголок его рта приподнялся в почти невольной улыбке, но тут же опустился. И несмотря на его сдержанное выражение лица, он не сумел спрятать сильную тоску во взгляде. Алли почти физически ощутила ее, всем телом отвечая на его присутствие.

Не отводя взгляда, Хадсон пробормотал что-то джентльмену рядом с собой и направился к окну. Сердце Алли колотилось быстрее с каждым его шагом, пока шум крови в ушах не заглушил все остальные звуки. В горле пересохло, и с трудом сглотнув, она пожалела, что не додумалась налить себе бокал воды. С другой стороны, учитывая, как дрожали сейчас ее руки, она пролила бы большую часть на бордовое платье. В этот момент Алли осознала, что одета в то же платье, что и в тот вечер, когда Хадсон впервые поцеловал ее в своем офисе. Казалось, со дня первой случайной встречи прошло не два месяца, а целая вечность, и все же отрицать желание было бессмысленно. Она сжала руки в кулаки и расправила плечи. Надо просто пройти через неловкий обмен любезностями и переключиться на тему собрания, вот и все.

Хадсон остановился прямо перед ней.

— Алли, — прошептал он. Его низкий хриплый голос волной прошелся по ее разгоряченной коже точно ласка любовника.

— Мистер Чейз, — сказала она, делая первый выстрел. Важно, чтобы он с самого начала понял новые условия их сотрудничества. С удовлетворением она отметила, что голос прозвучал ровно и спокойно.

Хадсон осекся. Несколько секунд он просто смотрел на нее и вот уже раскрыл рот, но мистер Вайс возник рядом прежде, чем он успел сказать.

— Я бы хотел переговорить с вами обоими до того, как мы начнем, — он отвел Алли и Хадсона в угол комнаты, заговорив лишь тогда, когда они оказались вне зоны слышимости остальных. — Я подумал, что возможно, мне стоит сказать пару слов, чтобы открыть сегодняшнее заседание. Прошедшие несколько недель были напряженными во всех отношениях, — он быстро глянул на Хадсона и вновь переключился на Алли. — Как председатель совета, твой отец обычно вел совет, но...

Мистер Вайс прочистил горло. После всего, что свалилось на нее за последние дни, Алли не имела возможности подумать, как это отразилось на нем. Он справлялся со всем в обычной спокойной и деловитой манере, но он потерял человека, с которым дружил всю жизнь, и стресс был заметен на его обветрившемся лице.

— Полагаю, никто из вас не возражает?

Хадсон кивнул.

— Так будет лучше всего.

Алли подождала, пока Хадсон отойдет, и положила руку на плечо пожилого джентльмена.

— Спасибо, мистер Вайс.

— Рад помочь, — он улыбнулся, но посмотрев ему в глаза, она увидела всю тщательно скрываемую грусть. — И Алессандра, пожалуйста, зови меня Бен.

Называть по имени человека, которого знала с самого детства, было немного неловко, но если была возможность заставить совет увидеть в ней дочь Ричарда и Виктории Синклер, она должна это сделать. Алли улыбнулась в ответ и подняла голову.

— Спасибо, Бен.

— Леди и джентльмены, — он обратился к присутствующим, направляясь к месту во главе стола. — Если вы займете свои места, мы готовы начинать. Один за другим члены совета рассаживались вокруг стола. Хадсон подождал, пока Алли села справа от Бена, и затем занял место прямо напротив нее. Она чувствовала его взгляд, но вместо этого сосредоточилась на угольно-серой папке перед собой, наверху которой красовались серебристые буквы ИНГРЭМ МЕДИА. Алли открыла ее и просмотрела напечатанные вопросы повестки дня, пока Бен благодарил всех за то, что нашли место в своем плотном расписании и посетили экстренное собрание. Первым вопросом стояло: 'Назначение временного генерального директора'. Она не удивилась. Как и в любой публичной компании, переход власти должен быть быстрым и незаметным.

Алли провела пальцем по логотипу наверху бланка, и чудовищность того, что вот-вот должно произойти, рухнула на нее. Это не просто какая-то компания, это наследие ее семьи. Ее бабушка по материнской линии начал продавать газеты на углу улицы, а к моменту его смерти Ингрэм Медиа выросла в одну из крупнейших компаний в стране. Ее отец посвятил всю жизнь поддержанию этого роста, расширяясь за пределы сферы печати, сначала до сетей кабельного телевидения, а позднее и до различных онлайн-площадок.

Теперь она была единственной выжившей наследницей, и через считанные минуты совет будет голосовать, кто должен остаться у штурвала. Впервые в истории компании этим человеком может оказаться не Ингрэм. И как бы Алли ни ненавидела быть пешкой в отцовских сделках, семейное наследие все еще кое-что значило для нее. И несколько недель назад ее вовсе не ожидала перспектива идти по их стопам в одиночку. В этот момент ей больше всего хотелось контролировать свою судьбу, и в то же время продолжить нести миссию, начатую дедом. Но сделает ли совет выбор в ее пользу, или же они склонятся к мужчине, которые последние несколько месяцев осуществлял враждебный захват этой самой компании? Вопрос все еще эхом отдавался в голове, как вдруг она услышала, что Бен поднял тему, которой не было в планах.

Джулиан.

От звука его имени Алли вскинула голову и тут же встретила взгляд, которого так тщательно избегала. Хадсон пристально смотрел на нее, и в этот замерший момент между

ними пронеслось столько невысказанного. Ее воспоминания о Джулиане отражались в его голубых глазах, все, начиная с их прерванного танца до нападения той ночью, когда Хадсон спас ее.

— Как многие из вас уже знают, мистер Лорен больше не в Ингрэм, — сказал Бен, тактично опуская тот факт, что он больше не являлся женихом Алли. Какая жестокая ирония. Единственное препятствие, стоявшее на их пути, исчезло, но в конце концов это оказалось неважно.

— Какие негативные последствия нас ждут? — спросил утонченный афроамериканский джентльмен, сидевший рядом с Алли. Изучая состав совета, она выяснила, что его зовут Джеймс Толмен, и он управляет одной из крупнейших инвестиционных фирм города, работающих с недвижимостью.

— В финансовом плане — никакие, — ответил Бен. — К счастью, мы не несем никаких обязательств, поскольку соглашение было разорвано по его инициативе.

Хадсон склонил голову набок в молчаливом вопросе. Он знал Джулиана и правила игры достаточно хорошо, чтобы понимать — внезапный отказ от занимаемой позиции был вовсе не 'к счастью'. Но он не знал, чего стоило Алли собраться с силами и позвонить Джулиану в тот вечер, когда они с Хадсоном расстались. Встретаться с Джулианом лично было слишком опасно. Ее живот делал кульбит при одной мысли о том, чтобы посмотреть в холодные глаза, полные ненависти.

Да и шантаж бывшего жениха не входил в число тех вещей, которые она могла проделать при личной встрече. Слышать его голос уже было тяжело, но она была зла, обижена и, что важнее всего, устала терпеть удары от людей, якобы любящих ее. Она должна была выпустить эту злость, и Джулиан как никто другой заслуживал вытерпеть ее гнев. Он удивился самому ее звонку, но еще сильнее был ошарашен, когда она выдвинула свои требования. Все просто: убраться из Чикаго и из ее жизни. Взамен она не станет выдвигать обвинения в нападении и попытке изнасилования. Джулиан, может, и жаждал власти, но как она и полагала, перспектива ношения оранжевого костюма заставила его разорвать все связи с Ингрэм.

Алли отвела глаза, притворно изучая случайный пункт в повестке дня и делая пометки на краях.

— Но, как вам известно, Ричард последние несколько месяцев готовил мистера Лорена, чтобы передать ему бразды правления после ухода на пенсию в начале года.

Алли крепче стиснула ручку. После ухода на пенсию. Скорее, после ее свадьбы в декабре. Как бы она ни оплакивала родителей, злость и чувство обиды на них никуда не делись.

— Что, естественно, подводит нас к первому пункту на повестке дня, — Бен сверился с бумагами. — После смерти Ричарда и Виктории Синклер, их собственность, наряду с большинством акций Ингрэм, теперь управляется...

— Перевес небольшой, не так ли? — вмешалась женщина, сидевшая через два места от нее. Мелани МакКормик. Замужем в четвертый раз, или уже в пятый? Алли не могла сказать точно. Но у всех у них было кое-что общее: вдвое старше жены и по меньшей мере в десять раз богаче ее собственной сети компаний. Очевидной была не только репутация Мелани, но и ее нескрываемый интерес к новенькому мужчине в Десятке Crain's. Говорила она с Беном Вайсом, но не отводила глаз от Хадсона Чейза.

— Да, верно, Мелани. Мистеру Чейзу также принадлежит значимая доля. Точнее, Чейз

Индастриз.

Кто-то на другом конце стола прочистил горло. Дункан Вентворт, мужчина, чьи деньги старше всех в этой комнате, который обладал не только неоспоримым влиянием, но и, вероятно, не проработал ни дня в своей жизни. Алли встречалась с ним пару раз в загородном клубе, и это никогда не было приятным опытом.

— Без обид к юной Алессандре, — сказал он, без сомнения нарочно называя ее по имени, — но какого черта она знает об управлении компанией?

Да столько же, сколько и ты, хотела ответить Алли. Но ответ на его сухую реплику прозвучал с противоположной стороны стола.

— Без обид, Дункан? — спросил Хадсон. — Бестактность твоей ремарки как раз-таки подразумевает обиду. Очевидно, Ричард Синклер был достаточно уверен в способностях дочери, раз оставил ей всю собственность, — он положил ручку на документы перед собой и откинулся в кресле. — И работа мисс Синклер в Фонде Ингрэм говорит сама за себя.

Вентворт издал короткий резкий смешок.

— Планирование мероприятий едва ли сравнится с управлением многомиллиардным медиа-конгломератом.

— А владение тремя процентами акций необязательно дает тебе право сидеть за этим столом, и все же ты здесь.

— Джентльмены, — вступился Бен. — Давайте сосредоточимся на деле.

— Хотя я и не согласен с высказыванием Дункана, — Джеймс окинул того кратким взглядом. — Это не отменяет того факта, что мисс Синклер, добившаяся немалого успеха в нашем благотворительном фонде, не имеет почти никакого опыта в данной сфере.

— Я надеюсь, вы не предлагаете отдать бразды правления постороннему? — спросила женщина, сидевшая чуть далее.

Алли молча слушала, как члены совета обсуждают вопросы, будто их с Хадсоном здесь нет.

— Только члены семьи Ингрэм управляли компанией со дня ее основания.

— Это вопрос фидуциарной ответственности, а не ностальгии. Есть акционеры, заслуживающие внимания.

— Это если предположить, что она вообще заинтересована в том, чтобы занять место.

— Несмотря на его очевидный успех, можем ли мы доверять тому, кто завладел нашими акциями таким беспринципным образом?

— Можем ли мы рисковать всем и довериться незнакомому родственнику ради сохранения родословной?

Голоса слились в какофонию хаоса, пока один не заглушил все остальные.

— С вашего позволения? — вмешался Хадсон. Голос его был ровным и спокойным, но требовал повиновения. — Полагаю, у меня есть предложение, которое устроит всех.

— Пожалуйста, — произнес Бен, жестом показывая Хадсону продолжать.

— Я бы хотел предложить временное решение — назначить мисс Синклер и меня временными генеральными директорами.

Алли едва сдержалась, чтобы не разинуть рот. Она с недоверием уставилась на Хадсона, пока тот продолжал излагать тщательно продуманный план, по которому они могли сообща управлять Ингрэм. Никакого озарения. Это была засада.

— Мы можем вновь созвать совет перед ежегодным собранием акционеров в марте, — заключил Хадсон. — К тому моменту совет сможет определиться со своим решением.

Джеймс Толмен кивнул.

— Важно, чтобы на собрании акционеров мы выступили единым фронтом. О малейших разногласиях не может идти и речи.

— Полностью согласен, — добавил Вентворт.

Мелани МакКормик прочистила горло.

— Учитывая небольшую разницу в долях между Алессандрой и мистером Чейзом, они, по сути, являются незнакомцами, которые внезапно стали бизнес-партнерами. И если мы примем предложение, это может стать проблемой.

Алли заметила, как Хадсон слегка прищурился, почти незаметно, когда Мелани назвала их незнакомцами. Трещина в его идеально спокойном образе была столь незначительной, что наверняка осталась незамеченной для других. Но не для нее.

— Что я хотела бы знать, — продолжила Мелани, — как с точки зрения логистики это повлияет на повседневные операции? — она коснулась трех жемчужных ниток на шее. — И как часто мы будем видеть мистера Чейза?

Хадсон опустил локти на подлокотники кресла, переплетая пальцы.

— Я уверен, Бен сможет быстро ввести Алессандру в курс дела. И она вольна занять офис ее отца, поскольку ее место здесь, в Ингрэм Медиа. Я же буду работать в своем офисе на другом берегу, в Чейз Индастриз, если что-то потребует моего внимания.

Алли испытала огромное облегчение от того, что Хадсон не собирается оборудовать себе офис здесь, и на мгновение почти расслабилась. Но Вентворт был настроен менее радужно.

— Я не уверен, что это соглашение пойдет на пользу Ингрэм, — сказал он.

Он издевается? Слышать такое от мужчины, который появляется в офисе своей корпорации только на вечеринках?

Хадсон пригвоздил Вентворта пронизательным взглядом, обращаясь ко всему совету.

— Я так понимаю, многие из вас считают, что я мало интересуюсь своими предприятиями. Но могу вас заверить, Ингрэм Медиа получит максимум выгоды от моего внимания. И хоть я остаюсь в своем прежнем офисе, я намерен принимать непосредственное участие в жизни компании и часто появляться в этом офисе, — его взгляд скользнул к Алли. — Могу говорить только за себя, но уверен, мисс Синклер подтвердит важность нашей совместной работы бок о бок ради обеспечения незаметного перехода власти, не говоря уж о выводе Ингрэм Медиа на новый уровень.

Вентворт откинулся в кресле с самодовольной ухмылкой.

— Рад слышать это, мистер Чейз. И уверен, Алессандра будет благодарна за возможность поучиться у вас деловой хватке.

Алли хотела сказать Дункану Вентворту, куда он может засунуть свою деловую хватку. Но, к сожалению, он был в какой-то мере прав. Она ничего не знала об управлении такой большой компанией как Ингрэм Медиа, или любой другой, если на то пошло. Но она собиралась работать сутками, чтобы научиться всему. Пусть ей придется иметь дело с Хадсоном, но чем сильнее она станет в этой комнате, тем менее вероятно, что к марту он все еще будет в ее жизни.

— Достойная идея, — сказал Толмен. — И если Бен согласится вести собрания, думаю, это устроит обе стороны.

Предложение было выдвинуто, одобрено, и минуты спустя голосование дало ему

официальную силу. Они с Хадсоном стали содиректорами Ингрэм Медиа. Поздравления приняты, рукопожатия совершены.

Алли улыбнулась и стиснула зубы. Он планировал это с самого начала. Хадсон мог разыграть сцену, в результате которой получил бы единоличный контроль. Совет знал, что у него больше опыта, его послужной список в Чейз Индастриз — прекрасное тому подтверждение. Но вместо этого он поступил по правилам морали, и тем самым практически загнал ее в угол. Ей не осталось выбора, кроме как вести себя хорошо, по крайней мере, перед советом и сотрудниками. Если она начнет противиться работе с ним, то будет выглядеть дерзкой наследницей, которая не желает делиться игрушкой. Благодаря его предложению и их новым должностям, ей придется работать с ним бок о бок.

Сухой итог: если она хотела, чтобы у Ингрэм Медиа было будущее, избегать Хадсона Чейза не получится.

— Где гора с ежиком? — спросила Харпер, как только Алли открыла дверь. В одной руке она держала коричневый бумажный пакет, а в другой — бутылку красного вина.

— Кто?

Харпер кивнула в сторону пустой прихожей.

— Штурмовик, который тенью за тобой ходил последнюю неделю.

— Клейтон? Я его отпустила.

— С чего бы тебе это делать? — она подняла бумажный пакет и бутылку, чтобы они оказались прямо в поле зрения Алли. — Ты меня здесь всю ночь стоять заставишь или пригласишь внутрь?

Несмотря на дерьмовый день, Алли рассмеялась.

— С каких пор тебе нужно приглашение?

— Тоже верно, — Харпер протолкнулась мимо нее и направилась на кухню, откуда пахло китайской едой на вынос. Судя по внешнему виду, она пришла прямиком с работы. Помимо укороченного пиджака она была одета в то, что Алли называла 'бизнес-фанк' — смелая юбка в черно-белую полоску и красные ботинки на шнуровке от Dr. Martens. Результат — идеальное, причудливо уточненное сочетание. Алли никогда не смогла бы надеть столь смелые вещи, но на Харпер смотрелось отлично.

— А Вайс не возражает, что ты избавляешься от телохранителя?

Алли заперла дверь и проследовала за Харпер на кухню.

— Он глава службы безопасности Ингрэм, а не моя личная нянька. Было бы глупо, если бы телохранитель все время ходил за мной по пятам

— Где штопор? — спросила Харпер, заглянув в несколько ящиков.

Алли нахмурилась.

— Не знаю точно.

— У меня все под контролем, — Харпер вытащила из сумочки маленький карманный штопор. Заметив ошарашенный взгляд Алли, она улыбнулась. — Что? Никогда не знаешь, когда случится ЧП с вином, — она указала на бутылку Мерло на столе. — Как раз тот случай.

— Чем я могу помочь?

— Ничем. Это доставка с полным обслуживанием. Просто садись на стул.

Алли забралась на барный стул, наблюдая, как Харпер достает два бокала для вина из верхнего шкафчика. Она щедро наполнила их и один подвинула к ней. Алли взяла его обеими руками, точно кубок, с изумлением наблюдая, как на ее кухне разворачивается целый шведский стол.

— Сколько еды ты заказала?

— Я никак не могла решить, поэтому взяла всего понемногу. Жареные пельмени, китайские клецки... проклятье, они забыли один яичный ролл.

— Можешь съесть мой, — сказала Алли. Она прекрасно знала, что делает подруга: когда все рушится, она всегда появляется и приносит вкуснятину для заедания стресса. И вино. Но даже будучи безумно благодарной за присутствие Харпер в ее жизни, со всеми этими жареными углеводами или нет, она все равно не смогла бы съесть и половины из всего этого. Судя по ощущениям, она бы с удовольствием наелась простого риса. Утренняя встреча с Хадсоном прошла тяжелее, чем она ожидала. И вдобавок ко всему осознание того, что они будут работать бок о бок почти каждый день, было вишенкой на куче дерьма, в которую превратилась ее жизнь.

— Курица по-монгольски или кунг пао? — спросила Харпер, вновь вовлекая Алли в разговор и выставляя на стол два последних контейнера.

— Любое пойдет, — Алли взяла одноразовые палочки и отломала их друг от друга. — Знаешь, ты не обязана это делать.

— Знаю, но это твой первый вечер здесь с тех пор как... — голос Харпер сорвался, но ей и не нужно было заканчивать предложение — Алли знала, о чем она думает. Это написано на ее лице. Немного помолчав, она задала вопрос, волновавший всех в последнее время. — У полиции уже есть зацепки?

Алли понимала, что спрашивая, люди хотят как лучше, и сама она больше всех хочет получить ответы. Но слова вроде 'расследование' и 'улики' вызывали образы крови и насилия, даже если звучали в разговоре с лучшей подругой.

— Нет. Но детектив Грин обещала связаться, как только что-то появится, — она выдавила успокаивающую улыбку. — Спасибо, что разрешила остаться у тебя на эту неделю.

— Ты же знаешь, для тебя двери всегда открыты.

Алли видела, что у Харпер наворачиваются слезы. Зная, что если та заплачет, она сама

не сдержится, Алли быстро сменила тему.

— А теперь дай мне тарелку, иначе я как пещерный человек съем все прямо из упаковок.

Харпер фыркнула.

— Ну да, конечно, разве так бывает, — она повернулась, все еще качая головой, и достала две тарелки. Но Алли знала лучше. И на секунду ей захотелось вернуться назад во времени, в ту ночь, когда она и Хадсон на кухне его пентхауса ели пиццу прямо из коробки и запивали вином.

Заканчивай с этим, Синклер. После сегодняшнего странного поворота событий особенно важно было держать голову ясной, когда дело касалось Хадсона Чейза.

Алли смотрела, как Харпер вываливает горки риса и курицы на тарелки и добавляет различные закуски. Закончив, она принесла все к другому концу стойки и села рядом с ней на барный стул.

— Где ты это заказала? Пахнет изумительно.

— Новое местечко недалеко от Ла-Саль. Если тебе понравится, нам определенно стоит поехать у них в заведении. За прилавком работает идеальный красавчик, — Харпер поежилась. — Не люби я тебя так сильно, я бы весь вечер просидела перед ним.

— И пропустила этот пир углеводов? Должно быть, он реально горяч.

— Ну что я могу сказать, это... — меж бровей Харпер собралась морщинка. — Ну, удручающе. Просто скажем, что прошло уже немало времени, и все.

— Никаких милых официантов в последнее время? — поддразнила Алли. Харпер ухитрилась совмещать две своих любимых вещи — мужчин и еду, расценивая обычный ланч как шанс найти любовь своей жизни. Проблема в том, что ее тянуло не к тем парням. Алли мечтала, чтобы хоть раз Харпер повстречала кого-то, реально заслуживающего ее внимание. Кого-то, кто оценил бы ее стиль, сухой юмор и любящее сердце.

— Вообще-то да, а этот оказался студентом медицинского. Мы договорились пообедать в конце недели.

— Правда? Давай мне подробности, — сказала Алли, отпивая глоток мерло.

— Пока что мало могу сказать. Его зовут Скотт, ему 24, родом из Милуоки.

— У него каштановые, идеально уложенные волосы и темные задумчивые глаза?

Харпер разинула рот.

Алли засмеялась.

— Не смотри на меня так. Ты любишь такой тип.

— А ты говоришь так, будто прочла парочку моих любимых любовных романов.

— Вот уж вряд ли, — Алли сморщила нос. — И не думай, что я куплю на 'пока что малс могу сказать'. Я ж тебя знаю, Харпер Хейс, и готова поспорить на эту последнюю клетку, что ты знаешь все, от размера ноги для предпочтений в нижнем белье.

— Ну, я правда заметила, как из-под брюк выглянуло белье от Кельвин Кляйн, когда он нагнулся, чтобы поднять мою сумочку.

Алли выгнула бровь.

— Ладно, возможно, я ее нарочно уронила. Но только чтобы завязать разговор, а не тарашиться на его задницу.

— А размер обуви?

Харпер поднесла бокал к губам.

— 45, судя по виду, — пробормотала она, прежде чем сделать глоток.

Вот теперь больше похоже на правду. Алли раскусила водяной орех и улыбнулась.

— Кстати, о горячих мужчинах с неуправляемыми волосами... ты виделась с ним сегодня?

— Да, — ответила она, мгновенно посерьезнев.

Харпер помедлила, держа палочками брокколи.

— И?

Алли резко выдохнула, прислоняясь к спинке стула.

— И это было хуже, чем я ожидала.

— Выкладывай, — сказала Харпер. Она схватила бутылку вина и наполнила бокалы доверху, слушая, как Алли пересказывает детали собрания совета, все, начиная с ее первой реакции на Хадсона и заканчивая его предложением о содиректорстве. — Так ты думаешь, что это было его планом с самого начала?

Алли запила еду большим глотком вина.

— Не знаю. Но он мог обыграть все так, чтобы получить единоличное управление, и вероятно, выиграл бы. Сочувствие и ностальгия не особо помогли бы мне. Они все знают, что он лучше годится для этой работы.

— Возможно, он действительно сожалеет о том, что устроил. Это может быть его способом извиниться.

— Что, загнать меня в угол? Я сказала ему, что не желаю слушать его извинения, и я действительно имела это в виду. Нет оправдания тому, что он лгал мне все это время.

— И что он сказал после всего этого?

Алли ткнула палочками в еду на своей тарелке.

— Ничего.

— Ничего? Мужчина, который едва не вошел в книгу рекордов Гинесса по количеству оставленных голосовых сообщений в день, не нашел, что сказать, когда вы наконец остались наедине?

— У него не было возможности. — Когда собрание, наконец, закончилось, Алли не терпелось убраться оттуда к чертям. Но Хадсон медлил, беседуя с людьми и время от времени поглядывая в сторону Алли, умышленно отделяя ее от двери. — Я заметила, что Бен собрался уходить, и спросила, есть ли у него минутка, чтобы обсудить пару вопросов. Хадсону ничего не оставалось, кроме как пропустить нас.

— Ты не сможешь избегать его вечно.

Нет, но она чертовски хорошо попытается.

— По правде, я удивлена, что он не ждал тебя под дверью. Настоячивый мужчина. И когда он смотрит на тебя своими голубыми...

— Ну, он ушел к тому моменту, когда мы с Беном закончили, — она прервала Харпер, не давая ей увлечься тем, о чем сама Алли изо всех сил старалась не думать. — А весь остаток дня я проводила интервью с новыми ассистентами.

— Не оставляешь ассистентку отца?

Алли покачала головой.

— Такое чувство, будто у меня в ассистентах моя бабушка. Она будет работать в офисе мистера Вайса.

— Уже есть многообещающие кандидаты?

— Один. И думаю, он даст тебе фору в сварливых шуточках и коллекционировании номеров горячих официантов.

— Я не сварливая, — притворно оскорбилась Харпер. Она убрала прядку волос с лица за ухо. — Хотя я не откажусь от помощника. Учитывая, что моя лучшая подруга взвалила на себя тяжкий труд генерального директора.

— Генерального содиректора, — поправила Алли. — И ты не можешь встречаться с моим ассистентом.

— Почему нет?

— Потому что моя жизнь в личном и профессиональном плане и без того достаточно запутана, — Алли зевнула, не успев закончить предложение.

— Ты, должно быть, измоталась, — сказала Харпер, вставая и начиная собирать картонные коробочки.

— Оставь. Ты готовила, я мою посуду.

— Неа, я подписалась в рабство у плиты на целый день.

— Ты прекрасно меня поняла, — сказала Алли. — И спасибо еще раз. Мне это было нужно.

— Для чего еще нужны друзья, если не для того, чтобы таскать тебе китайскую еду и заимствовать дизайнерские сумочки? — засмеялась она. — Эй, хочешь, я останусь на ночь?

— Нет, я ценю твое предложение, но я большая девочка... мне надо вести себя, как большая девочка. Но ты кое-что можешь для меня сделать.

— Что угодно. Выкладывай.

— Моей матери должны были вручить какую-то филантропскую награду в пятницу вечером, в Институте искусств, и они попросили меня получить ее вместо мамы. Пойдешь со мной? Дресс-код — вечерние костюмы.

— Не уверена, сумею ли найти себе смокинг так быстро, — поддразнила Харпер.

— О, погоди, ты в этот вечер встречаешься с Доктором Секси? — спросила Алли, пользуясь возможностью хоть раз подколоть Харпер за ее любовь к прозвищам.

— В пятницу, но я просто перенесу на другой день, когда у него будет выходной.

— Ну уж нет.

— Ну уж да. Женская дружба важнее членов и все такое.

— Ну, ты и так уделила женской дружбе немало времени, чтобы еще и сидеть со мной на этом жалком мероприятии и держать за ручку.

— Чудные закуски и свободный бар? Ты права, звучит жалко, — Харпер закатила глаза. — Ты не можешь отозвать приглашение. Это грубо.

— Смотри, я возьму с собой нового ассистента. Строго говоря, это мероприятие относится к рабочим визитам.

Харпер наклонила голову.

— Уверена?

— Абсолютно, — она обняла Харпер.

— Если ты передумала насчет ночевки...

— Иди, — Алли легонько вытолкнула подругу за дверь и заперла замок.

— Ладно, пусть так, — со смехом отозвалась Харпер из-за двери.

Алли подождала, пока наружная дверь не откроется и закроется, затем вернулась в спальню. Было всего девять часов, но после сегодняшнего дня горячий душ и раннее отправление ко сну казалось раем.

По дороге в ванную она заметила в углу комнаты сумку с вещами, с которой ездила на озеро Женева. Учитывая все произошедшее с момента возвращения, распаковка вещей была

для нее наименьшим приоритетом.

Не откладывая на завтра то, что можешь сделать сегодня.

Она затащила сумку на кровать и принялась бросать одежду в корзину для стирки. Сумка почти полностью опустела, когда она вытащила розовую кружевную сорочку.

— Это определенно поедет с нами. Вещь жизненной необходимости.

Слова Хадсона эхом прокатились по комнате, где он впервые произнес их. Алли закрыла глаза и тут же нежелательные, непрошенные образы заполнили ее сознание. Они стояли в спальне в его доме, он позади нее, убрал ее волосы набок, губами находя изгиб ее шеи.

— Надень это, — он протянул руку, с которой свешивалась ее розовая сорочка. — И когда вернешься, я хочу привязать тебя к своей постели.

Мягкий стон сорвался с ее губ, когда он провел кончиком языка по основанию ее шеи.

— Посмотри на постель, Алли, — ее сердце колотилось от смеси возбуждения и нервозности. — Представь себя полностью в моей власти. А теперь иди переодеваться.

Повернувшись, она встретила с его опаляющим взглядом, полным темных, чувственных обещаний, от которых подгибались колени.

— Не заставляй меня ждать, — голос его был мягким, но властным.

Алли взяла сорочку и отправилась в ванную. Она быстро переоделась, хотя пальцы дрожали от того, что ждало впереди. Она никогда не думала, что ее возбуждает передача контроля партнеру, но не могла не признать, что таким он ей нравился.

Входя в комнату, она помедлила в дверном проеме, наслаждаясь видом. Через французские двери было видно поблескивавшее вдали озеро Женева, но не этот вид лишил ее дара речи. Ее внимание привлек Хадсон, стоящий к ней спиной в одних лишь выцветших джинсах. Поза его была расслабленной, он смотрел на воду, и в этот момент Алли осознала, что это не просто место для отдыха — он считал его домом. Хадсон был немногословен, когда дело касалось чувств и переживаний. Но тот факт, что он привез ее сюда, что захотел поделиться этой частью себя, сказал ей все, что нужно было знать.

Хадсон повернулся и раскрыл рот, резко втянув воздух.

— Алли...

У нее слюнки потекли от вида его в лунном свете, падающем сквозь небольшие окна над дверьми. Все в Хадсоне Чейзе распалало ее, от загоревшихся восхищением голубых глаз до внушительной эрекции, напрягшейся под ширинкой джинсов.

— Ты мне доверяешь? — спросил он. Голос был тихим, но решительным.

Ее пульс подскочил, но едва слышный ответ был абсолютно честным.

— Да, — прошептала она, потому что так и было. Она доверяла Хадсону не только свое тело, но и сердце, с каждым днем все больше.

Приблизившись, он вытащил что-то из заднего кармана джинсов, протянув ей. Алли немедленно узнала в этом предмете маску для сна, которой Хадсон воспользовался, приковав ее к балке в игровой комнате. Волна жара хлынула к бедрам при мысли о том дне. Он безжалостно дразнил ее пальцами и языком, доводя до оргазма снова и снова. Быть связанной и беспомощной перед стремительным потоком наслаждения — новый опыт, которого она никогда не испытывала. И хотя она понятия не имела, что он задумал на сей раз, она уже знала, что эта ночь ей запомнится.

Хадсон подвел ее к постели, где она заметила синий шелковый галстук, лежавший на одеяле. Как только она села, он надел на ее глаза маску. Почти мгновенно Алли остро

ощутила все, что ее окружало. Звук ее собственного дыхания, слишком частого. Ощущение прохладного воздуха, от которого под кружевом negligee затвердели соски. И мужской запах кожи Хадсона, еще более опьяняющий, чем обычно, учитывая ее возбуждение и то, что он стоял в считанных дюймах от нее.

— Все твои чувства обострятся, но я хочу, чтобы ты сфокусировалась только на ощущениях, — его руки опустились на ее бедра, захватывая ткань сорочки и стягивая ее через голову. Ненадолго она была нужна. Она почти улыбнулась, но в следующий момент он коснулся ее подбородка, и в голове осталась лишь одна мысль — как сильно ей хотелось его поцелуя.

— Как бы мне ни нравилось твое белье, предпочитаю тебя обнаженной.

Облизнув пересохшие губы, она вызвала у Хадсона не то стон, не то рычание. Мгновение спустя он запечатал ее губы поцелуем. И здесь не было ничего нежного. Ничего медленного или смакующего, лишь жажда и примитивное желание, и это заставило ее желать больше. Он даже не коснулся ее, а она уже таяла в его руках. Она хотела притянуть его ближе, ощутить на себе вес его тела. Но эта игра велась Хадсоном, и хоть ее тело безмолвно молило о большем, она не могла отрицать, что возбуждалась, будучи в его власти. И хотя ее сердце бешено колотилось в груди, она позволила ему вести, отвечая на поцелуй с той же страстью, но не пытаясь получить больше.

И когда он прервал поцелуй, Алли была более чем готова делать все, что он прикажет.

— Ложись на спину.

Она подчинилась, чувствуя, как все тело гудит от предвкушения.

— Протяни руки.

Она следовала указаниям, не сомневаясь. Хадсон связал ее запястья шелковым галстуком, плотно затягивая узел. Затем поднял ее руки над головой и привязал к изголовью.

— Не слишком туго?

Алли покачала головой. Его путы почти не давали возможности пошевелить руками, но больно не было.

— Хорошо, — он слез с постели. Мгновение спустя она услышала звук расстегиваемой молнии и шорох денима — он снял джинсы. Мысленный образ его, голого, совсем рядом, заставил все тело содрогнуться от желания.

Его пальцы обхватили лодыжки, раздвигая ее ноги.

— Я хочу, чтобы ты открылась для меня.

Прохладный воздух хлынул между ног. Даже не видя, Алли знала, что Хадсон смотрит на нее, упиваясь каждой деталью. Она почти чувствовала, как его взгляд блуждает по коже. Но к своему удивлению, она не чувствовала себя уязвимой или выставленной напоказ. Она чувствовала себя сексуальной и похотливой.

— Ты такая красивая сейчас, Алли, связанная и ждущая меня. Ты понятия не имеешь, насколько я тверд от этого.

Она прикусила нижнюю губу.

— Покажи мне. Пожалуйста.

Матрас прогнулся, и она поняла, что он присел рядом.

— Открой рот.

Она повиновалась, и секунду спустя головка его члена погладила ее губы. Ее язык выстрелил наружу, порхая по гладкой коже, уже влажной от возбуждения. Она не могла воспользоваться руками, но подняв голову, попыталась взять его как можно глубже. Он

зашипел сквозь стиснутые зубы, и она приняла ритмично сосать, его бедра изгибались, глубже толкаясь в ее ненасытный рот.

— Хватит, — сказал он, резко отстраняясь. Она едва не захныкала от утраты. — У меня есть на тебя планы, и мой член в них не входит. Пока нет.

Он отошел.

И ничего.

Она ждала, напряженно вслушиваясь, но не расслышала ничего, что дало бы ей хоть какую-то подсказку. Звук его дыхания, постепенно замедляющегося до обычного темпа, был единственным доказательством, что он все еще здесь.

Спустя, казалось, целую вечность, что-то погладило ее левый сосок. Все ее тело содрогнулось в ответ.

— Замри, детка. Я хочу, чтобы ты лежала неподвижно.

Она подавила стон. Мгновение спустя это вернулось, нежно прослеживая очертания ее груди. В этот раз она была готова и сосредоточилась на ощущении, пытаясь определить, что его вызвало. Может быть, перышко? Она мелко задрожала от щекотного прикосновения, но подавила желание отпрянуть, стараясь не шевелиться.

— Хорошая девочка, — похвалил он.

Внезапная теплота, разлившаяся внутри от его слов, осталась почти незамеченной, потому что в ту же секунду что-то холодное коснулось ее бедра. Лед. И он так же быстро исчез. Затем кровать прогнулась, и губы Хадсона сомкнулись на ее соске. Посасывая и прикусывая напрягшуюся плоть, он удерживал во рту кубик льда, и ее захлестнули ощущения, которые можно было описать лишь как 'ледяной жар'.

Затем перышко вернулось, погладив ее между ног. Прикосновение было достаточно сильным, чтобы заставить ее выгнуться, но слишком мягким, чтобы принести облегчение. Ее тело задрожало от контраста нежных поглаживаний перышком и прохладных ледяных укусов. Ее нервы ожили под двойной атакой, но она могла лишь терпеть бурные ощущения, которые Хадсон пробуждал в ее теле.

Мучительно неторопливо он опустился ниже, дразня и искушая ее дорожкой влажных холодных поцелуев и продолжая поглаживать влажные складочки перышком.

Натянув путы, она приподняла бедра, отчаянно желая толчков.

— Пожалуйста, Хадсон, коснись меня...

— Этого ты хочешь, Алли?

Она напряглась всем телом, когда его палец наконец-то скользнул к ее входу.

— Боже, да, — она практически задыхалась от желания.

— Ты такая влажная для меня.

— Пожалуйста... я хочу тебя внутри.

— Всему свое время.

Его рука исчезла, и она застонала. Затем он провел языком по всему ее естеству, и ее бедра непроизвольно выгнулись над постелью. Она хотела потянуться к нему, вцепиться в его волосы и удерживать на месте. Но будучи связанной, она могла лишь покориться изысканной пытке.

— Люблю твой вкус, — пробормотал он, обдавая теплым дыханием ее влажную кожу.

— Ты сводишь меня с ума.

— Хочешь, чтобы я остановился? — его низкий хриплый голос вибрацией прошелся по чувствительной коже. Но он не остановился. Даже когда она стала извиваться, бессильно

вертя головой на подушке, он удерживал ее бедра раздвинутыми, лизал, щипал и посасывал, пока она не смогла больше это выносить.

— Да, остановись, — она задыхалась. — Я больше не могу.

Она могла поклясться, что ощутила его улыбку кожей.

— Уверена?

Затем его рот вновь очутился на ней, язык погрузился в дрожащее тело.

— О боже, — она закричала, содрогаясь в мощном оргазме. Набухшее естество сделалось болезненно чувствительным, и она попыталась отстраниться, но он не отпустил, пока она второй раз не кончила от его губ.

Он навис над ней, приблизив лицо к ее губам, прижимаясь горячей эрекцией между ног.

— Скажи мне, чего ты хочешь, — напряженно произнес он. Секунду спустя повязка исчезла с ее глаз. — Открой глаза и скажи, что ты хочешь меня.

Алли открыла глаза. Но она была не в руках Хадсона. И он не собирался часами сладко заниматься с ней любовью. Она была в своей квартире, и любовь, которую она чувствовала к нему той ночью, была лишь иллюзией, построенной на лжи.

Она посмотрела на розовую кружевную сорочку, которую стиснула в руках. Одним резким рывком ткань была разодрана в клочья.

Как и ее сердце.

Комната для допросов располагалась в дальней части полицейского участка. Пока доберешься туда на своих двоих, минуешь проституток и алкоголиков, которых тащат в камеры за долгий список правонарушений, заканчивавшийся тем, что их поймали со спущенными штанами — буквально, в компании бывшей. Сама комната была размером с кубик с абсолютно голыми стенами. Ни картин. Ни компьютера. Ни инструкций по оказанию первой помощи или плана эвакуации. Все это место было спланировано так, чтобы создать максимальный дискомфорт и вызвать у подозреваемого чувство беспомощности с самого первого момента. Незащищенность, незнание, изоляция и целая куча выпустите-меня-нахрен-отсюда — всего лишь части мастерски продуманной игры в кошки-мышки.

Полный вынос мозга.

Хадсон скрестил ноги в коленях. Он чувствовал, как его оценивают сквозь двустороннее зеркало на противоположной стене. Но он был спокоен, сдержан и собран, а это значило, что кто бы там за ним не наблюдал, ему не удалось ничего узнать за последние 15 минут.

Позади него дверь открылась с мягким щелчком. Хадсон повернулся, взглядом провожая детектива, которая закрыла дверь и обошла стол кругом.

— Мистер Чейз, я детектив Грин. Мы говорили по телефону, — она встретилась с ним взглядом. Ее зеленые глаза были сообразительными, по-шерлоковски умными. Эта женщина, скорее всего, застилала постель по-армейски безупречно, так, что монетка отскакивала (1). И вероятно, имела чувство юмора как у салфетки.

— Спасибо, что выделили время для визита в своем плотном расписании.

— Кажется, у меня не было выбора.

Детектив бросила на стол картонную папку, и с одной ее стороны выглянула фотография. Не глядя, Хадсон понял, что это кадры с места преступления, которые он вовсе не хотел видеть. В новости и СМИ просочилось достаточно информации об ужасном происшествии.

— Вы уверены, что не нуждаетесь в присутствии адвоката? — спросила она, опускаясь на металлический стул напротив.

— Вы не выдвигаете против меня обвинений, детектив Грин, просто просите о сотрудничестве. И за исключением, возможно, парочки неоплаченных талонов на парковку, мне нечего скрывать, — Хадсон улыбнулся, но внутри его головы рикошетом отскакивало слово 'засранка'. На деле он не хотел, чтобы лучшие умы чикагской полиции копались в его шкафу со скелетами.

— Мы допрашиваем каждого, — в голосе детектива звучало подозрение, смешивающееся с раздражением, бесспорно вызванным нераскрытым делом об убийстве.

— Это ваша работа.

Одетая в темно-синий костюм и крепко накрахмаленную белоснежную рубашку, застегнутую на все пуговицы, она наклонилась вперед, опираясь локтями на стол.

— Вы не похожи на тот тип людей, которые любят ходить кругами, так что перейду к делу. Где вы были первого ноября?

— Я был в Висконсине.

— По делам? — она достала ручку из внутреннего кармана пиджака.

— Нет, я навещал брата в реабилитационной клинике.

Грин кивнула.

— Похоже, наркозависимость правит в семье, — она раскрыла папку и начала читать написанные от руки заметки. — Родители скончались. Мать от передозировки, отец...

— Я более чем счастлив сотрудничать, — оборвал ее Хадсон. — Но не заинтересован в пересмотре семейного древа.

Она сменила листы, доставая более формальный бланк отчета.

— У вашего брата богатый 'послужной список'. Сменил кучу приемных семей, от одной сбежал, небольшой срок в тюрьме для несовершеннолетних.

— Подростковый бунт.

— Подростковый бунт — это нарушение комендантского часа, а не угон соседской машины на увеселительную поездку, закончившуюся на дне озера.

— На что вы намекаете, детектив?

Она выгнула бровь.

— Не более чем на родственные узы. Но я отвлеклась. Вы провели ночь там или вернулись в Чикаго?

— Это клиника, а не отель Хилтон, — взгляд Хадсона сделался жестким, когда он вспомнил леди за стойкой регистрации в клинике. Она точно сержант, следующий протоколу, настояла, чтобы он записался, надел бейджик посетителя и отдал телефон. Он не привык, чтобы ему указывали, но Гнусная Медсестра теперь обеспечивала ему алиби, и Хадсон благодарил свою гребаную счастливую звезду, что у него есть бумажный след, подтверждающий это.

— Но вы владеете домом неподалеку, — она глянула в записи. — На озере Женева.

— Да, я приобрел там домик, верно.

Просматривая следующий документ, она присвистнула.

— Судя по записям в реестре недвижимости, это весьма роскошный 'домик', — сказала она, подчеркивая последнее слово. — Что за спешка с возвращением в Чикаго?

— Вы правы, детектив Грин, я не хожу кругами. В тот день моего внимания требовали несколько срочных вопросов. Я управляю компанией с несколькими филиалами по всему миру. С этим приходит огромный груз ответственности.

— Вашим последним приобретением стала Ингрэм Медиа?

— Снова верно.

— Неплохой плюс к вашему портфолио.

— Бесспорно. Я бизнесмен, который хватается за представившуюся возможность.

— Но Ричард Синклер стоял между вами и контролем над этой компанией.

— Едва ли, — не отводя взгляда, Хадсон наклонился вперед, опираясь локтями на стол. — У меня не было мотива убивать Ричарда Синклера, детектив. Я ускоренными темпами скупал акции. Сбор нужного количества до приобретения контрольного пакета был лишь вопросом времени.

Детектив Грин отложила последнюю страницу своих записей, открывая стопку фотографий с места преступления. Первым был снимок Ричарда Синклера, повалившегося на стол, кровь вытекала на столешницу.

— 28 октября вы встречались с мистером Синклером?

— Да.

— По какому поводу?

— Я бросил ему спасательный круг.

— Чтобы спасти его компанию? С чего вдруг корпоративному захватчику вроде вас предлагать заключать сделку?

— Компания Синклера рушилась. Я встретился с ним и сделал щедрое предложение, которое подняло бы знаковую компанию Чикаго из финансовых руин.

— В чем заключалось предложение?

— Я оставлял за собой право собственности на этот конгломерат, Ингрэм Медиа стала бы дочерней компанией Чейз Индастриз. Ричард Синклер остался бы руководить повседневными операциями, — он откинулся на спинку стула. — По сути, ничего бы не изменилось, за исключением того, что я стал бы его боссом.

— Полагаю, он не заинтересовался предложением?

Хадсон усмехнулся.

— Гордыня до добра не доводит.

— В смысле?

— Ричард не хотел работать на меня. Он предпочитал сохранять бизнес семейным. Он был убежден, что сумеет спасти компанию с помощью средств, которые он получит от Джулиана Лорена.

— А мистер Лорен — жених его дочери?

— Бывший.

— Моя ошибка, — она с любопытством изучала его, прежде чем сделать пометку на краю одной из страниц. — Итак, Синклер на тот момент отказался от переговоров?

— Если быть точным, он сказал 'отъебись', - Хадсон глянул на украшенный черным жемчугом Ролекс. — Если у вас больше нет вопросов, детектив, меня ждут дела.

И ни одно из этих дел не предполагало сидения в допросной, пока чикагская полиция копается в его прошлом в поисках больших мозолей.

— Пока что это все, — детектив Грин собрала свои заметки и убрала обратно в папку. Как только она встала, офицер в форме открыл дверь снаружи. — Я свяжусь с вами, если всплывут новые детали.

Хадсон пожал протянутую ему руку и тотчас же вышел. Но покидая комнату для допросов, он чувствовал, как детектив наблюдает за ним, и что-то ему подсказывало, что он не в последний раз сталкивается с детективом Грин.

(1) — С помощью монетки офицеры армии США проверяют, насколько хорошо солдаты застилают постель. Если монетка подскакивает, то постель застелена должным образом.

Сидя в лимузине, Алли скрестила ноги и поправила черное вечернее платье. Оно всегда было одним из ее любимых — квадратный вырез декольте, без рукавов, точно облегает фигуру, длиной до пола. Но сегодня она выбрала его просто из-за цвета.

От ее особняка на Астор Плейс до Института Искусств было недалеко, но трафик по Мичиган Авеню еле полз, и остановки на красный свет давали ей еще немного времени подумать о том, что ждало впереди. Она посетила бесчисленное количество благотворительных мероприятий как гость, и еще больше — в качестве члена команды Ингрэм, но это было другое. В этот раз она была единственным выжившим членом семьи и направлялась туда, чтобы получить посмертную награду от имени матери.

Когда лимузин остановился перед музеем, не два бронзовых льва, окруживших каменные ступени, привлекли ее внимание. Ее взгляд задержался на Чикагском симфоническом оркестре на противоположной стороне улицы. Сквозь мягко освещенные арочные окна она наблюдала, как посетители бродят туда-сюда, и впервые за последние несколько недель ощутила чувство умиротворенности.

— Я заставлю охрану отогнать их, перед тем как открывать двери, — сказал водитель, возвращая ее в реальность. Как раз вовремя. Не время путешествовать по уголкам памяти. Ей впервые после убийства родителей придется лицом к лицу столкнуться с прессой. А судя по количеству фотографов, окруживших лимузин, еще и иметь дело с кучкой фрилансеров от таблоидов. Ей нужно сосредоточиться на этом, а не на ложе и бархатных шторах.

Охранники мероприятия постарались максимально отогнать папарацци обратно к тротуару, и как только путь был расчищен, дверь лимузина открылась. Вспышки камер на мгновение ослепили ее, когда она вышла из лимузина, и Алли внезапно ощутила панику, вспомнив, как щелкал фотоаппарат коронера. Она крепче запахнула бархатную накидку и сделала глубокий вдох. Она может это сделать. Она — Алессандра Ингрэм Синклер. И пусть она всем сердцем ненавидит воспитание, данное ей родителями, по сути, всю жизнь она готовилась к этому.

Несмотря на свои ощущения, Алли прошла сквозь коридор из репортеров с высоко поднятой головой. Она сообщила организаторам мероприятия, что не станет отвечать на вопросы, но это не останавливало папарацци от фотографирования, они орали и визжали, чтобы получить лучший кадр. Представители прессы с бейджиками обычно называли ее по имени или просили 'посмотреть сюда', но фрилансеры за заграждениями были более изобретательными. Они зайдут как угодно далеко, лишь бы привлечь внимание, заснять это и продать в желтую прессу.

— Сегодня без кавалера?

— Покажи нам немного кожи, детка.

— Правда ли, что это был профессиональный наемник?

Последнее едва не сломило ее, но она как-то умудрилась удержать маску, улыбаясь и кивая в подходящие моменты, пока направлялась внутрь.

Ее новый ассистент ждал ее у дверей. С мальчишеской улыбкой и своенравными светло-каштановыми волосами, небрежно спадающими на сексуальные зеленые глаза, Колин Джеймс выглядел скорее как участник популярной британской мальчишеской группы, чем

как ассистент руководителя. Но его резюме доказывало, что он обладает не только смазливой мордашкой. Лучший в своем классе в Северо-Западном университете, во время интервью он объяснил, что ищет возможность набраться опыта, не говоря уж о том, чтобы немного обогатить свой счет в банке перед тем, как получать магистерскую степень. Изучая в университете журналистику и маркетинг, он остро заинтересовался передовыми СМИ, а его страсть к классической музыке соперничала с ее собственной. Алли он понравился с самого начала.

— Будет ли непрофессиональным с моей стороны сказать, как прекрасно вы выглядите? — спросил он, криво улыбаясь.

Алли выгнула бровь.

— Лесть не обеспечит тебе прибавку к зарплате, Колин. Ты отработал всего один день.

— И вы посмотрите на меня, — он указал рукой на черный смокинг, идеально сочетающийся с элегантным черным галстуком. — Я уже на главном событии этих выходных, — он улыбнулся еще шире. — Думаю, мне придется по вкусу эта работа.

— Я тебе припомню эти слова в первый же вечер, когда я задержу тебя до полуночи.

Колин рассмеялся.

— Можете пользоваться мной и даже злоупотреблять, если потом купите завтрак.

Алли улыбнулась. Работа с Колином никогда не будет скучной, она знала это наверняка. И если его рекомендательные письма имели хоть какое-то значение, он также будет ценным активом.

— Идем? — спросила она.

— Показывайте дорогу, леди-босс.

Колин последовал за Алли по мраморной лестнице к стойке приема гостей, где их немедленно встретил официант с подносом розового шампанского. Взяв один бокал, Алли потягивала напиток, мысленно анализируя комнату. Официанты в смокингах разносили типичную говядину Веллингтон, крабовые котлетки и китайские рулетики, пока организаторы мероприятия были заняты негласным аукционом. Помещение было украшено скромно и со вкусом, величественные колонны вели к крытому дворику, который купался в верхнем свете, привлекающим внимание к стеклянному потолку. В центре зала столики на десятирых, покрытые льняными скатертями, были выставлены вокруг танцпола, где оркестр играл популярные для таких событий мелодии.

Она с удивлением обнаружила, что гости уже танцуют, но в остальном мероприятие оказалось таким, каким она его представляла — кучки женщин среднего возраста сплетничают за бокалами шампанского, пока их мужья собрались у бара. Алли узнала во многих гостях друзей своих родителей. Она глянула на часы. Если повезет, скоро подадут ужин, и бессмысленные светские разговоры удастся свести к минимуму.

— Алессандра, — раздался позади нее голос. Алли повернулась и увидела Элизабет Прескотт, бывшую партнершу ее мамы, пробирающуюся к ней. Она приблизилась, окутанная облаком Шанель, и поприветствовала Алли воздушным поцелуем в обе щеки. — Дорогая, ты выглядишь изумительно, учитывая обстоятельства.

Алли на мгновение задумалась, почему даже комплимент из уст этой женщины звучит как оскорбление, но решила, что оно того не стоит.

— Благодарю, — она сделала большой глоток шампанского, слушая язвительный отзыв о мероприятии, которое едва успело начаться.

— Я хочу сказать, неужели просить о приличном шардоне — это слишком много? Цены

на билеты продолжают расти, но они все равно продают только вино на разлив.

Колин шагнул вперед, коснувшись локтя Алли.

— Не желаете потанцевать? — встретившись с вопрошающим взглядом Элизабет, он выстрелил обезоруживающей улыбкой. — Прощу прощения, я просто большой фанат Синатры.

— С вашего позволения. Как я могу отказать Синатре?

Колин провел ее на танцпол.

— Надеюсь, я не переступил грань дозволенного, но у вас было такое страдающее выражение лица.

Алли тихо рассмеялась.

— Кажется, мне надо над этим поработать.

Он привлек ее в объятия, и они легко заскользили по танцполу. Похоже, Колин не только хорошо читал мысли, но и отлично танцевал, что пригодится на будущих мероприятиях.

— Не беря в расчет модные тусовки, думаю, мне понравится на вас работать.

Алли откинула голову, чтобы посмотреть на него.

— Ты не видел меня до утреннего кофе. Можешь передумать.

— Ах да... капучино, обезжиренное молоко, двойная пенка и капелька корицы. Но это после обеда. А наутро низкокалорийный ванильный латте, двойная порция, немного пенки, — он улыбнулся, увидев, как расширились глаза Алли, и пожал плечами. — Я подготовился.

— Откуда ты...

Его улыбка сделалась застенчивой.

— Ладно, я допросил вашу подругу, прежде чем перевести ее звонок сегодня утром. Она просто кладезь информации.

Алли покачала головой и улыбнулась.

— Ну, не верь ни единому ее слову. За исключением кофе — в этом она права.

Он хохотнул.

— Буду иметь в виду.

Они кружились по паркету и впервые за несколько дней Алли расслабилась.

— Боже мой, это Тейлор Кинни? — спросил Колин.

Алли проследила за его взглядом до бара.

— Может быть. Создатели его сериалов здесь, и актерский состав также сильно вовлечен в местную благотворительность.

Он раскрыл рот от изумления.

— Вы же не думаете, что Гага тоже здесь, с ним? — глаза Колина пробежались по комнате, без сомнения, выискивая блондинку в платье целиком из белого бисера и тщательно продуманном головном уборе. Алли воспользовалась возможностью осмотреть зал через его плечо. Последние из гостей прибывали через крытый дворик, и она запоминала их лица, делая мысленные пометки, с кем нужно будет поздороваться до ухода. Несмотря на старательные попытки Колина отвлечь ее, Алли не терпелось принять награду, пожать несколько рук и убраться отсюда к черту.

Алли знала, что это мероприятие было важным, не только чтобы почтить память матери, но и заявить о себе и своем новом титуле в бизнес-сообществе. И все же, после всего случившегося за последние две недели, было бы здорово перевести дыхание, прежде чем

нырять с головой. Только мысли о том, чтобы натянуть штанишки для йоги, взять мороженое и посмотреть фильм, помогали ей выдержать грядущий час высоких каблуков, модных закусок и поддержания нужных знакомств.

К концу песни она добавила трех человек в список 'подойти поздороваться'.

— Спасибо за танец, — сказала она. — И за спасение. А теперь походи посмотри на Сёра, пока они не подали ужин.

Колин отпустил ее с преувеличенным вздохом, и второй раз за вечер Алли засмеялась. Но когда она повернулась к толпе, улыбка сползла с ее лица. Дыхание перехватило, шаг сбился.

Хадсон.

Алли застыла неподвижно, не в силах отвернуться, пока он миновал зону приема, обмениваясь рукопожатиями с несколькими людьми. Выражение его лица было деловым, и все же было что-то неуловимо чувственное в том, как он двигался. Он был одет в черный смокинг, от Ральфа Лорена, если она не ошибалась. Костюм идеально повторял контуры его тела, так что невозможно было не представлять мощные грудные мышцы, скрывающиеся под ним. Но не от вида Хадсона Чейза в смокинге у Алли болезненно сдавило грудь. И даже не от его темных волнистых волос, лежавших в идеальном беспорядке, точно он только что встал с постели, отчего так хотелось их коснуться. Дело было в роскошной брнетке, повисшей на его руке.

София.

Алли мгновенно узнала ее по тому мероприятию в Филдовском музее, на котором они с Хадсоном вновь встретились. Она выглядела так же великолепно, как и той ночью. В этот раз платье было не красным, а цвета шампанского, на пару тонов светлее безупречно бронзовой кожи. Длинные темные локоны были свободно заколоты на макушке, не падая на обнаженные плечи, но эффект был не хуже. У нее была фигура модели и лицо, достойное обложки. Хадсон твердил, что они не встречались, но Алли подозревала, что их отношения не сводились к нескольким свиданиям. Судя по тому, как София поглаживала предплечье Хадсона, она тоже так считала.

Хадсон мельком глянул на ее руку и отстранился. Встретившись глазами с Алли, он застыл. Их разделял наводненный толпой бальный зал, но в тот момент казалось, что они в комнате одни.

Затем София скользнула перед ним, пальчики с идеальным маникюром поправили и без того безупречный узел галстука, и связь была разрушена. Алли выдохнула, даже не осознавая, что задерживала дыхание, и быстро осмотрела комнату, ища ближайший выход. Ей срочно нужно было подышать воздухом, поправить макияж или просто прогуляться по выставке. Все, что угодно, лишь бы убраться от него подальше и собраться с мыслями.

Алли прошла каких-то десять метров, прежде чем кто-то встал у нее на пути, загораживая дорогу. Инстинктивно она знала, кто это, и сердце бешено заколотилось в груди. Она подняла голову и встретила с суровым взглядом Хадсона. Он действовал быстро, пользуясь ее удивлением. Его ладонь обхватила ее руку, и прежде чем она успела сказать хоть слово, ее вытащили из крытого дворика.

— Что ты делаешь? — она пыталась высвободиться из его хватки, но в глубине души что-то трепетало от столь примитивной властности. Очевидно, она недооценила, насколько далеко он готов зайти, чтобы вернуть ее.

— Разве не очевидно? Устраиваю сцену.

— Отпусти меня, — Алли глянула через плечо в угол комнаты и с облегчением обнаружила, что журналисты были заняты чем-то другим.

Хадсон проследил за ее взглядом.

— Нет, они пока не заметили. Но заметят, так что сделай одолжение и перестань сопротивляться.

Она едва не расхохоталась в голос. Конечно же, она должна была сопротивляться ему. Она не могла опустить свои защитные щиты, потому что если подпустит его слишком близко, если позволит себя коснуться, то никогда не наберется силы его остановить. Одна лишь его близость и то, как его тело задевало ее, пока они шли, слало лихорадочную дрожь по всему телу.

Он подвел ее к двойным дверям, ведущим в пустой коридор.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она, как только они остались одни.

Его взгляд окинул все ее тело, прежде чем вернуться к глазам. Он прищурился, и на мгновение ей показалось, что он видит каждую трещинку в ее хрупкой решительности. Простой шаг назад позволил бы ей прочистить мысли, но Алли застыла, охваченная его чистым мужественным запахом.

Хадсон поднял руку, словно собирался коснуться его щеки, и Алли почувствовала, как ее дыхание ускорилося. Если он подойдет ближе, если прижмется к ней губами, хватит ли ей сил оттолкнуть его? Или ее руки сами зароятся в его волосы, притягивая ближе, тело само прижмется к нему? От одной лишь мысли ее тело готово было предать ее. Ее соски затвердели под платьем, волна жара хлынула между бедер. В тот момент она знала, что если он опустит голову, если дразнящими лижущими движениями языка станет уговаривать ее губы раскрыться, она будет умолять взять себя — в музее, в лимузине, в его постели — где угодно, лишь бы приглушить бесстыдную боль, которую она к нему ощущала.

Но он опустил руку и затем пробежался ею по своим неуправляемым волосам.

— Я купил билеты несколько недель назад. Думал, может, мы придем сюда вместе.

Хадсон слегка отступил, давая Алли возможность собраться с мыслями. Физическое желание исчезло, оставляя место для ярости и обиды за предательство, которые лишь усиливались от злости за свою реакцию на него. Как будто ее к нему влекла необъяснимая невидимая сила, делавшая ее полностью беспомощной. Или, может быть, дело в нем, в его абсолютной силе воли. Как бы там ни было, этому нужно положить конец. Хадсон, возможно, организовал все так, что полностью его из жизни не вычеркнешь, но как минимум можно выкинуть его из ее постели. И судя по тому, что она только что видела, он не тратил времени впустую и нашел новую претендентку на вакансию.

Алли расправила плечи.

— Ну, к счастью для тебя, София была более чем счастлива занять мое место.

Хадсон нахмурился.

— Все не так, как кажется на первый взгляд. Я пришел сюда не с ней.

— Ну, зато, кажется, уйдете вы вместе, — парировала она.

— Если мы хоть чему-то научились из своего прошлого, Алессандра, так это не делать предположений.

— И все же история повторяется, не так ли?

Дверь на другом конце коридора запахнулась, и вышли несколько официантов с подносами, нагруженными первым блюдом. Челюсть Хадсона напряглась, он молча ждал, пока они уйдут. Когда он наконец заговорил, его голос был тише, чем прежде.

— Нам нужно разобраться с этим, — сказал он.

— Нет, нам нужно, чтобы ты перестал. Не с чем разбираться. Я не чувствую...

— Даже не пытайся отрицать, — сказал он, обрывая ложь, которую она собиралась выплюнуть. — Очевидно, что ты все еще ко мне небезразлична, иначе не пыталась бы удрать отсюда.

— Я никуда не удираю. Мне надо было найти тихое местечко, чтобы просмотреть заметки к своей речи.

Он издал резкий смешок.

— Ну, если ты так говоришь.

От его самодовольного выражения в груди вскипела ярость.

— Все кончено.

— Черта с два, — прорычал Хадсон. Когда он потянулся к ней, она отшатнулась. — Не делай этого, Алли.

— Я ничего не делаю, Хадсон. Ты сам разбил мне сердце.

Алли услышала, как Хадсон резко втянул воздух, но прежде чем он успел что-то сказать, из-за угла появился Колин.

— Вот вы где, — обнаружив ее с другим генеральным директором Ингрэм, он замер на месте. — Мистер Чейз, я не знал... — он умолк на полуслове, заметив их эмоциональное и физическое противостояние. — Все в порядке?

— Все в норме, — сказал Хадсон, награждая ее нового ассистента взглядом, который запугал бы большинство мужчин. Но Колин даже не дрогнул и не сошел с места, вновь подтверждая, что инстинкты Алли были правы с самого начала.

Спустя пару напряженных моментов противостояния двух мужчин, Колин переключил внимание на Алли.

— Они вот-вот начнут презентацию. Могу задержать их, если вам нужно немного времени.

Алли посмотрела на Хадсона и, не отводя взгляда, ответила:

— Нет, мы закончили, — она повернулась и направилась вслед за Колином к ресепшену. Взгляд Хадсона прожигал ее спину, но она подавила желание обернуться.

Закончив выступать с речью, когда толпа встала, аплодируя, она не могла не заметить пустой столик в передних рядах.

(2) Жорж-Пьер Сёра́ — французский художник-постимпрессионист, основатель неоимпрессионизма, создатель оригинального метода живописи под названием 'дивизионизм', или 'пуантилизм'.

Хадсон остановился перед лифтом и засунул руки в карманы, полы его темно-синего плаща от Армани разошлись в стороны. Его взгляд был прикован к винтажной круговой шкале примерно 1930-х годов, которая медленно отсчитывала этажи. Стальные тросы с грохотом поднимали лифт все выше и выше по небоскребу, возведенному после эпохи Великой Депрессии и напоминавшего мужчину, который предпочитает гордиться внешним видом, нежели образовывать стабильную инфраструктуру. Хадсон был противником этой теоретической хрени. Но какая же ирония — пританцовывая на зыбучем песке, он вынужден был сохранять невозмутимое лицо.

Указатель продолжал скользить по полукругу, и с каждым этажом Хадсон продолжал обдумывать свое последнее слияние. Оно было глазурью на гребаном торте его портфолио, и он должен быть безумно счастлив. Но он не хотел очередного слияния на миллиарды долларов. Нет, чего он хотел, в чем нуждался — это женщина, которая избегала его любыми способами. А когда она все же встречалась с ним суровым взглядом, ее боль моментально отдавалась в его груди, раскалывая сердце на куски.

Короче говоря, его победа обернулась личной потерей, и от осознания этого скручивало живот.

Рядом несколько дорогих костюмчиков, собравшись в кучку точно питбули, вели обманчиво спокойную беседу. Хадсон знал, что ему стоило присоединиться к их понедельничному ритуалу, но в этот момент мог думать лишь об Алли и о том, как она выглядела, стоя в коридоре Института искусств пятничной ночью. Она похудела, проклятье, слишком сильно похудела, и хотя острый язычок плевался огнем, наввернувшиеся на глаза слезы выдавали боль, скрывавшуюся внутри.

Звонок лифта вернул его в реальность, и когда двери открылись, его взгляд наткнулся на худенькую фигуру Алли. Узел в груди скрутился еще сильнее, и словесная перепалка рядом превратилась лишь в белый шум. Она не отвела взгляда, и на секунду казалось, будто она готова драться с ним на кулаках. Не было ни одного шанса, что она будет с ним или простит его, и все же его тело с подростковым упрямством реагировало на нее. Но единственная эмоция, мелькнувшая в ее глазах — это злость, ранившая столь глубоко, что он ощущал ее костями.

Проклятье. Неужели пути назад не было?

Хадсон поднял два пальца, задерживая уже подходивших к лифту коллег-гончих.

— Езжайте на следующем, — произнес он резким низким голосом. С кивком его коллеги отступили, без сомнений, собираясь использовать дополнительное время, чтобы обсудить очередную цель в мире бизнеса.

Когда он вошел в лифт, Алли отошла к противоположной стенке. Его присутствие бесспорно разозлило ее. Ну и к черту, ее бесило уже то, что они дышат одним воздухом. Но даже в гневе она была самой прекрасной женщиной из всех, что он когда-либо встречал.

Двери закрылись, лифт пришел в движение. Хадсон повернулся лицом к Алли, ее неподвижное спокойствие служило ему напоминанием о последствиях его амбиций.

— Если ты собираешься уговаривать меня встать на твою сторону на завтрашнем собрании совета, то впустую потратишь время, — вызов сверкнул в ее глазах. — Это ужасная

идея.

Черта с два. Его предложение ликвидировать газетное направление и полностью переключиться на цифровой формат было искрой озарения, не говоря уж о том, что это пойдет на пользу для сбалансирования счетов. Но в данный момент он меньше всего думал об электронных таблицах.

— Сейчас мне на это наплевать. Нам надо поговорить, — быстрым движением Хадсон вставил карточку в панель управления, и лифт остановился.

Бросив взгляд на панель, Алли расправила плечи.

— Мы уже говорили в галерее.

— Это был не разговор, — скорее, драка на словах.

— Я сказала все, что должна была, — она выглядела абсолютно собранной, но Хадсон видел, как вздымалась и опадала ее грудь, как побелели пальцы, стискивающие сумочку.

— Ты, может, и высказалась, а я нет. И ты выслушаешь меня, чего бы это ни стоило. Даже если придется застрять в этом долбаном лифте на весь день, — он постарался напомнить себе, что злость ничего не даст. Спокойное, уравновешенное доминирование было ключом к получению преимущества, вот только он давно миновал этот этап. С ней он чувствовал себя так, будто хватает пригоршнями песок, и каждая песчинка все равно утекает сквозь пальцы.

— Перестань пытаться контролировать меня, Хадсон, — повернувшись, Алли подняла подбородок. Злость ушла, сменившись маской полного безразличия. Проклятье, это рвало его на части. Он всегда предпочитал злость апатии.

Он глубоко вздохнул. Она собиралась притворяться, делая вид, что они лишь бизнес-партнеры, обреченные на недовольное сосуществование. Он должен был заставить ее отбросить щиты, впустить его. И если вывести ее из себя означало спровоцировать реакцию, так тому и быть.

— Наши отношения никогда не были такими, и ты это знаешь, Алессандра, — Хадсон едва заметно улыбнулся, прежде чем сбросить бомбу. — Ну, за исключением спальни. И если память меня не подводит, ты этим наслаждалась.

Он подготовился, ожидая, что его лицо обожжет пощечиной, но вместо этого ее зрачки расширились, взгляд остановился на его лице. Ее губы раскрылись, дыхание участилось. Он зацепил ее. Какое бы безразличие она ни разыгрывала, она реагировала на него. И чем дольше они стояли в считанных дюймах друг от друга, тем сильнее становилось желание, превращаясь в реальную угрозу.

Не упуская возможности, Хадсон мгновенно сориентировался. Он подошел ближе, понижая голос до низкого, соблазнительного мурлыканья.

— Такой ценой ты меня выслушаешь? — он провел рукой по ее ключице и выше, к шее. — Ты привязана к моей кровати, я накрываю тебя своим телом, — его рот находился в паре дюймов от ее губ, пальцы поглаживали нежную кожу затылка. — Все твои чувства обострились от моих прикосновений.

Глаза Алли закрылись, ее грудь вздымалась и опадала от каждого вдоха, которые она пыталась контролировать. Вблизи он мог видеть, как нежная кожа щек заливается румянцем, как трепещут опущенные ресницы.

— Ты чувствуешь меня? Чувствуешь мое дыхание на своей коже, мой язык, облизывающий твои соски, как я кусаю и тяну за них, пока ты не начинаешь дрожать подо мной?

Она облизнула губы, и его член дернулся, натягивая ширинку. Все инстинкты подсказывали трахать ее до тех пор, пока они оба не будут слишком измотаны, чтобы спорить.

— Этого ты хочешь? Мои руки, удерживающие твои бедра, чтобы ты не могла двигаться, пока я проникаю в тебя одной головкой, медленно, едва касаясь, — с этими словами он прижал ее к стене лифта, и ее руки упали ему на плечи.

— Я ненавижу тебя, — прошептала она. Слова сочились ядом, но им не доставало убедительности. Ее ладони распластались по его груди, руки напряглись, точно собираясь его оттолкнуть, но вместо этого пальцы сжали ткань его костюма, удерживая его на месте.

Хадсон сделал глубокий вдох через нос. Сердце его бешено колотилось, распространяя адреналин по всему телу.

— Тебе хотелось бы меня ненавидеть, — прохрипел он ей на ухо, прикусывая мочку.

Алли запрокинула голову, ударяясь затылком о стену лифта.

— Ублюдох, — выдохнула она.

— Знаю, детка, знаю, — он накрыл ее рот поцелуем, жадными лижущими движениями проникая меж ее губ, всасывая ее язык. Сладкий ад, он хотел ее. Каждый дюйм этой женщины принадлежал ему, и он скорее прополз бы сквозь ад с горящим членом, чем позволил другому мужчине лапать своими жадными руками то, что принадлежало ему и только ему.

Низкое рычание сорвалось с его губ, когда он нащупал влажное кружево меж ее бедер.

— Я хочу этого, — прошептал Хадсон, сдвигая ткань в сторону и проникая пальцами между влажных складочек. — И ты тоже. Ты уже влажная для меня, — он ввел в нее два пальца, и она задохнулась. Точно пуля, выпущенная из ствола пистолета, он обрушился на ее рот, глубоко проникая языком и продолжая трахать ее пальцами.

Застонав, Алли выгнулась под ним, сдаваясь тому, что обещало быть примитивным жестким сексом. Она терлась об его руку, покачивая бедрами, и одновременно потянулась к его ширинке. Ремень расстегнут, молния тоже, и вот его член, каменно-твердый, изнывающий член тяжело упал в ее ладонь. Стон, который он издал, наверняка был слышен и за пределами металлических дверей лифта, но он был уже не в силах приглушить свою реакцию. Он хотел поставить на ней свою метку, и в этот раз, когда он закончит, он подчинит ее себе, от и до.

Резким рывком он превратил ее трусики в разодранное произведение искусства, затем подхватил ее под бедра, изгибая под нужным углом. Ее бедра подчинились с безмолвным согласием, которое вовсе необязательно было озвучивать. Одной рукой он схватил ее за ногу, закидывая себе на талию. Доведенный до белого каления, Хадсон вломился в нее одним мощным ударом. Когда он начал двигаться, Алли схватилась за его плечи, подстраиваясь под его безжалостные удары. Это было полное доминирование, его тело отступало и вновь вминалось, бедра двигались в чувственном ритме, ускорявшемся все быстрее и быстрее, пока ему не начало казаться, что его яйца вот-вот взорвутся. И вдобавок ко всему в любой момент служба спасения может открыть лифт гидравлическими инструментами и застать его, трахающего Алли так, будто от этого зависела его жизнь.

Ее руки скользнули под отвороты пиджака, ногти царапнули грудь. Сквозь ткань рубашки он ощутил легкий укол боли, но тот быстро потонул в сладкой утопии, уносившей его в другую вселенную. Вселенную, где прошлое навеки предано забвению. Гребаное космическое убежище.

Мечтать не вредно.

Пальцы Хадсона впились в мягкую плоть ее попки, он продолжал скользить внутрь и наружу, беря ее всей длиной своей толстой эрекции.

— Боже, Алли, я так скучал по этому.

— Никаких разговоров, — простонала она.

— Тебе нравится, когда я говорю непристойности.

Алли вцепилась в его темные кудри и притянула к своим губам.

— Заткнись и поцелуй меня.

Он завладел ее ртом с необузданной жадой, удары языка вторили движениям члена. И все это время ее бедра встречали каждый толчок за толчком, беззвучные стоны опаляли его шею.

— Не останавливайся, — шептала она снова и снова. Ее слова завели его еще сильнее, он вжал ее в дубовую обшивку так, что задрожали стены лифта.

Моя.

Это слово эхом разлеталось у него в голове, отскакивая от стенок черепа.

Охренительно моя.

Хадсон хотел сказать это вслух, но это испортило бы момент, который хотелось продлить навеки. Закрыв глаза, он сосредоточился на том, как его член входит и выходит из нее. Ощущение ее естества, пульсирующего от надвигавшегося оргазма, едва не ослепило его.

Ее руки вцепились в воротник его рубашки, одним неосторожным движением верхняя пуговица отправилась в полет, все ее тело сжалось вокруг него. Он взглянул вниз, туда, где соединялись их тела, видя, как выходит головка его члена, прежде чем погрузиться вновь, и это стало последней каплей.

— Гребаный ад, — зажмурившись, он зарылся лицом в ее шею, содрогаясь в оргазме. Сдерживаться было невозможно, ощущение ее собственного оргазма, сжимавшего его член, вышибло из него дух. Ублюдок он или нет, но он хотел рикошетом дарить ей оргазм за оргазмом, пока она не начнет выкрикивать его имя точно благословение.

Но как и все между ними, это было лишь временно. Когда он вышел из нее и холодный воздух ударил по члену, Хадсон почувствовал себя так, будто оставил в ней частичку своего гребаного проклятого сердца. Она была единственной женщиной, с которой у этого органа появлялась другая функция, кроме стука в груди.

Он опустил ее ногу на пол, и Алли отошла. Он звякнул ремнем, застегивая брюки и заправляя полы рубашки, на другом конце лифта Алли одернула юбку и подобрала разорванные трусики с пола. Хадсон посмотрел ей в глаза. Он не знал, что сказать.

Кабина лифта наполнилась тяжелой тишиной.

Она просто смотрела на него. Она не отворачивалась, даже не дрогнула. Но эти глаза, эти гребаные глаза выжигали его медленным яростным огнем. И все же он хотел ее больше, чем дышать.

— Алли... я...

— Не надо, — она выдернула карточку из панели лифта и позволила ей упасть на пол. Двери открылись на тридцатом этаже, и не сказав ни слова, она ушла.

Алли вышла из лифта, и ноги едва не подкосились. Мысли метались так же лихорадочно, как колотилось ее сердце, но она и подумать не могла о случившемся, пока не окажется в безопасности за закрытыми дверьми.

Хадсон не пошел за ней. И когда двери лифта с тихим шипением закрылись позади нее, Алли не обернулась. Его загнанный взгляд в то утро, когда она покинула его пентхаус, уже впечатался в память. Меньше всего она хотела вновь лицезреть эту печаль и смятение, особенно когда они вторили ее собственным чувствам.

Так что она зашагала так быстро, как только позволяли ватные ноги и десятисантиметровые шпильки, молясь, чтобы добраться до офиса незамеченной.

Тридцатый этаж обычно был очагом активности. Весь день ассистенты, курьеры, клиенты, даже репортеры зигзагами туда-сюда курсировали по коридорам. Но сегодня, завернув за угол, Алли с облегчением обнаружила, что здесь не было ни души.

К сожалению, облегчение было недолгим.

Пройдя сквозь стеклянные двери, которые вели к офисам руководителей, она едва не споткнулась. Колин сидел за своим столом у двери ее офиса. Судя по глубокой складке, собравшейся между бровей, он упорно работал над чем-то на мониторе компьютера. Но Алли все равно знала, что он поднимет голову и поприветствует ее, как делал каждый раз за прошедшие три дня. Вот только в этот раз она знала, что выглядит как следует оттраханной. У Колина острый глаз, и за небольшое время работы здесь он научился неплохо читать выражения ее лица. Но в данном случае даже интуиция не нужна была. Один взгляд на ее взъерошенные волосы, смазанную помаду и помятую одежду, и он сразу догадается, чем она занималась.

— Привет, леди-босс, — сказал он, когда она пронеслась мимо его стола.

Она опустила голову, рукой приглаживая волосы в попытке не столько привести их в порядок, сколько скрыть пылающее лицо.

— Колин, не соединяй меня ни с кем, пожалуйста.

— Нет проблем, — его ответ она услышала, уже закрывая дверь офиса.

Полубессознательно Алли прошлепала в личную уборную, где села на пол и закрыла голову руками. С тяжелым вздохом покатались и слезы. Слезы горя, печали, сожаления. Но больше всего злости. О чем, черт подери, она думала? Ей неплохо удавалось удерживать Хадсона Чейза на расстоянии вытянутой руки. И да, пусть отчасти это было наказанием за его ложь и хитрость, но это было и ради защиты ее сердца. Но вместо того, чтобы послать его к черту, когда он прижал ее к стене лифта, она позволила оттрахать ее. Более того, это случилось в главном офисе Ингрэм.

Очень профессионально, Алли.

Резкий смешок прервал беззвучные рыдания. Несмотря на все ее чувства, она должна была признать, что ей не давало покоя вовсе не непрофессиональное поведение. И даже не злость на себя за то, что доставила Хадсону удовольствие сломать ее барьеры. Нет, пока она сидела на холодном плиточном полу, все ее мысли были поглощены тем, что она наслаждалась каждой секундой случившегося. И если бы Хадсон пошел за ней, она наверняка вновь позволила бы ему. На ее диване, на ее столе, в ее душе...

Это должно прекратиться.

Кое-как поднявшись, Алли встала перед туалетным столиком. Отражение заставило ее содрогнуться. Волосы находились в худшем состоянии, чем она предполагала — когда-то мягкие локоны превратились в запутанные беспорядочные космы. Губы припухли от болезненно крепких поцелуев Хадсона, края рта испачкались остатками губной помады. Щеки покраснели от трения его щетины, под глазами остались подтеки туши, где она стирала слезы тыльной стороной ладони.

И вдобавок ко всему, она была без трусиков.

Охренеть просто.

Алли вытащила разорванное кружево из кармана. Что за хрень. Когда их с Хадсоном объявили содиректорами, она разработала план. Что бы он ни говорил, она должна была сохранять их отношения чисто деловыми, возвращая разговор к Ингрэм всякий раз, когда он отходил от темы. Это не должно было вызвать трудностей. Ей должно было хватить сил сопротивляться ему, как бы сексуально он ни выглядел в этом чертовом костюме от Армани. И смотрите, спустя меньше недели с их назначения она приводит себя в порядок после траха в лифте. О чем, черт побери, она думала?

Как насмешка над ее риторическим вопросом, в голове возник образ Хадсона, поглаживающего влажную ткань между ее бедер. Она покачала головой, прогоняя его, затем посмотрела в глаза своему отражению и в недвусмысленной формулировке сказала себе, что это было ошибкой. Конечно, от этой ошибки она кончила так сильно, что выдрала несколько пуговиц на его рубашке, но это все равно ошибка. Отклонение от здравого смысла. И это никогда не повторится. Никогда.

С новой решимостью Алли выбросила разорванные трусики в мусорную корзину. Она промокнула лицо влажным полотенцем, причесала волосы и, освежив макияж, стала почти как новенькая. И хотя направляясь к столу, она выглядела вполне презентабельно, боль между ног служила постоянным жестоким напоминанием о произошедшем.

Работа. Ей надо выкинуть Хадсона Чейза из головы и сфокусироваться на работе. К счастью, ее была целая куча. Не говоря уж о том, что нужно было подготовиться к надвигающейся битве на завтрашнем собрании.

Хадсон четко обрисовал свою позицию относительно газетного направления. По его мнению, оно устарело и шло ко дну. Что, может, и было правдой, но вместе с тем речь шла о большом количестве уважаемых и узнаваемых покупателями брендов и сопутствующей легитимности. Дед Алли положил начало всей империи с этой газеты. Она не собиралась сдаваться без боя. Если повезет, ей удастся уговорить совет компенсировать убытки от печатного дела за счет прибыльной потоковой передачи данных, которую она собиралась предложить внедрить в онлайн-сегмент. Но до того, как они с Колином закончат расставлять последние штрихи в предложении, необходимо было просмотреть некоторые контракты, требующие продления.

Она почти закончила с первым из них, когда в дверь постучали.

— Войдите.

Колин проскользнул в кабинет и закрыл за собой дверь.

— Извините, что беспокою, но к вам пришла детектив Грин, — сказал он. Его приглушенный тон объяснил, почему он в принципе не мог воспользоваться интеркомом. — Ей не назначено, так что если хотите, могу сказать, что сейчас не лучшее время.

Как бы шатко ни ощущала себя Алли, разве когда-нибудь настанет подходящее время

для обсуждения деталей убийства ее родителей? Возможно, лучше сразу покончить с этим.

— Нет, я поговорю с ней, — еще одна причина сожалеть, что вообще встала этим утром с постели.

Колин кивнул, но не сдвинулся с места. Он просто стоял там, глядя на нее оценивающим взглядом.

— Вы в порядке, леди-босс?

Алли определенно нужно было поработать над сохранением невозмутимого лица.

— Я в норме. Но не мог бы ты выгадать мне минутку?

— Нет проблем. Дайте знать, когда будете готовы.

Она вздохнула, подписала контракт и аккуратно сложила в ящик для исходящей корреспонденции. Несколько раз глубоко вдохнув, Алли нажала кнопку интеркома и попросила впустить визитера.

Мгновение спустя дверь открылась.

— Благодарю за встречу, мисс Синклер, — сказала детектив Грин, широкими шагами приближаясь к ней и протягивая руку. Она была одета в очередной темный костюм прямого покроя, каштановые волосы собраны в такой же безупречный пучок, как и при каждой их встрече. В этот раз на поясе не было полицейского значка, но Алли знала, что под пиджаком скрывается пистолет. И увидев собственными глазами, что может сделать пуля с человеком, Алли ощущала дискомфорт от простой близости оружия, даже если оно принадлежало офицеру полиции.

— Я бы предварительно позвонила, но была неподалеку по другому делу, и решила рискнуть на случай, если вы свободны.

— Не проблема, — сказала Алли. Она пожала руку детектива и указала ей на стол перед ее столом. — Прошу, присаживайтесь. Могу я вам что-нибудь предложить?

— Кофе, если можно, — она посмотрела на Колина. — Черный, один кубик сахара.

Он кивнул.

— Что-нибудь для вас, мисс Синклер?

Учитывая состояние ее нервов, меньше всего ей нужен был кофе.

— Может, чашечку чая?

— Сейчас будет, — сказал он. Но перед тем как подойти к бару в дальней стороне кабинета, немного помедлил, изучая ее взглядом.

Алли наблюдала, как пронизательный взгляд детектива сканирует окружение. Хоть ее офис и не был местом преступления, очевидно, что Грин каталогизировала каждую деталь. От огромного стола красного дерева до нескольких удобных стульев у бара и памятных газетных страниц, развешанных по стене в хронологическом порядке. Ничто не осталось незамеченным.

— Это бывший офис вашего отца? — спросила Грин.

Несложно было догадаться. Все в кабинете источало мужественность. Если она останется в Ингрэм на постоянной основе, Алли в конце концов планировала отдекорировать его заново. Что-то более легкое, более соответствующее ее личности и вкусу. Но пока у нее были заботы поважнее, чем заменять гобелены шелком.

— До него кабинет принадлежал деду.

Колин вернулся с двумя фарфоровыми чашечками. Алли подняла взгляд и увидела, что его красивое лицо исказилось гримасой беспокойства.

— Спасибо, Колин, — она ободряюще улыбнулась. — Я позвоню, если что-то

понадобится.

Как только он ушел, Алли переключилась на женщину перед собой.

— Чем могу помочь, детектив? — спросила она, сразу переходя к делу. Детектив Грин не просто так заглянула к ней, дабы рассказать о ходе дела. Или посмотреть на административные офисы Ингрэм. У ее неожиданного визита была причина, и чем скорее они ее выяснят, тем лучше.

Грин поставила чашку на блюдце и потянулась к кожаной сумке, стоявшей у ног.

— Я бы хотела, чтобы вы просмотрели кое-что.

У Алли скрутило живот. Неужели эта женщина явилась к ней в офис посреди дня, чтобы показать фотографии с места преступления? Или еще хуже, фотографии вскрытия родителей? Вне зависимости от неудачного начала дня, Алли не думала, что когда-нибудь будет готова это увидеть.

Она неслышно выдохнула с облегчением, когда детектив Грин, покопавшись в сумке, вытащила вовсе не фотографии 8x10, а кучу бумаг, содержащих какие-то списки.

— Это полная опись, сделанная в доме ваших родителей на Лейк Форест. Мы дали копию страховой компании и попросили сравнить с приложениями к страховому полису, чтобы определить, не пропало ли что-нибудь, — Грин подвинула к ней напечатанные бумаги. — Мы бы хотели, чтобы вы тоже просмотрели эту опись.

Алли взяла список и дрожащими пальцами стала пролистывать страницу за страницей: предметы искусства, меха, хрусталь, серебро, драгоценности.

Драгоценности. Она резко втянула воздух.

— Что такое?

Широко раскрытыми глазами она уставилась на детектива Грин, с любопытством смотрящую на нее. Когда она заговорила, слова получились едва слышным шепотом.

— Ее кольцо.

— Простите?

Алли с трудом сглотнула.

— Когда они надевали мешки на руки мамы, на ней не было ее помолвочного кольца. Они сняли его?

— Нет, они не стали бы портить улики.

— Моя мать всегда носила это кольцо. Никогда не снимала.

— Можете его описать?

— Центральный камень — овальный цейлонский сапфир, — сказала она. — Около десяти карат, наверное. Его окружали бриллианты-солитеры.

Детектив подняла взгляд от записей.

— Как у принцессы Дианы? — Алли кивнула, и детектив добавила несколько строчек в блокнот. — Что-то еще бросается в глаза?

Алли повторно просмотрела список.

— Сложно сказать. Ничего настолько же очевидного, но мне нужно будет подумать.

— Не торопитесь, дайте знать, если что-нибудь вспомните. Тем временем я свяжусь со страховой компанией и прослежу, чтобы список украденного разослали по местным ломбардам и полицейским участкам. Кольцо будет тяжело сбыть, но если кто-то попытается избавиться от остального, мы будем наготове.

— Так вы все еще придерживаетесь версии, что это всего лишь ограбление? — спросила Алли. Тяжело было не заметить надежды в ее голосе. Как бы она ни ненавидела мысль о

том, что родители погибли от случайного акта насилия, еще невыносимее было думать, что нацелились специально на них.

— Пока мы ничего не исключаем. Это, кстати, вторая причина, по которой я здесь. Вдобавок к просмотру описи, я бы хотела, чтобы вы составили список известных врагов ваших родителей.

— Я не уверена, что кого-то могу отнести к 'известным врагам', детектив. Подруги моей матери по загородному клубу могут быть злыми суками, но они относительно безвредны, — подумав, она добавила: — По большей части.

— Я знаю, это сложно, мисс Синклер. Никто не хочет думать, что такое ужасающее преступление может быть совершено кем-то из знакомых. Но ваши родители вращались в очень могущественных элитных кругах. И на данном этапе расследования мы должны отработать все возможные версии.

Грин откинулась в кресле, положив лодыжку на колено, пока Алли вновь сосредоточилась на списке предметов из дома. Она как раз начала просматривать раздел ИСКУССТВО И КОЛЛЕКЦИИ, когда детектив пояснила свои предыдущие слова.

— По крайней мере, вы, наверное, будете рады слышать, что мы встречались с вашим новым бизнес-партнером в четверг и исключили его из списка подозреваемых.

Алли резко вскинула голову.

— Хадсон... то есть, мистер Чейз... был в числе подозреваемых?

— Учитывая, что он недавно признал намерение враждебного захвата Ингрэм, на какое-то время так и было.

Она вздрогнула от напоминания о том, как давно план Хадсона был запущен в действие.

- 'Враждебный' в данном случае лишь выражение, детектив Грин. Такие поглощения хоть и неприятны, но не включают убийства.

— Соглашусь с вами, мисс Синклер. Как выяснилось, у мистера Чейза железное алиби, — она перелистнула страницу блокнота. — Навещал брата в реабилитационной клинике в Висконсине. Но мы должны проверить каждую возможность, и поскольку мы узнали, что он встречался с вашим отцом...

Алли почувствовала, как кровь схлынула с ее лица.

— Встречался с отцом?

Детектив Грин кивнула.

— За несколько дней до убийств.

Зачем ему вообще это делать? И другой вопрос, почему он ей не сказал?

— Я свяжусь с вами через несколько дней. Но если вдруг что-нибудь вспомните...

— Да, конечно, я тут же позвоню.

Детектив Грин убрала записи обратно в кожаную сумку.

— Еще раз извиняюсь за внезапный визит.

Алли начала вставать, но детектив вскинула руку.

— Не вставайте, я сама найду дорогу. Я и так отняла у вас много времени.

Едва дверь офиса закрылась, как Алли тут же крутанулась в кресле и включила настольный компьютер отца. Первую неделю она работала со своего ноутбука, не в состоянии разобраться с бесчисленными отцовскими файлами. Но если детектив Грин сказала правду, а ей незачем врать, то Хадсон встречался с ее отцом незадолго до его смерти. В этом самом офисе. И не упомянул об этом. Она вздохнула. Еще один пункт к и без того немаленькому списку. Опять-таки, подумала Алли, морщась от начинавшейся головной

боли, он мог бы упомянуть об этом, если бы она давала ему вставить хоть пару слов.

Алли потеряла переносицу, ожидая, пока загрузится программа-календарь. Когда окно открылось, она увидела детальные, помеченные разными цветами заметки, обозначающие встречи, даты и темы. Она просматривала каждую дату, ища какое-то упоминание имени Хадсона. Оно было таким крохотным, что она едва не упустила. В два часа, 28 октября, простым черным шрифтом — Х. ЧЕЙЗ.

28 октября.

Алли прочитала дату еще раз, и по спине пробежал холодок. Тот день, когда Джулиан неожиданно вернулся из Франции. Тот день, когда Хадсон пришел и спас ее не только от нападения Джулиана, но и от жизни, которой она больше не хотела жить. Остаток своих дней Алли хотела провести с Хадсоном. Она приняла решение тем утром, когда они вернулись с озера Женева. Но ей не терпелось сообщить новости лично, не по телефону. Так что она подавляла желание позвонить ему и только потом поняла, что Хадсон ей тоже не звонил. Тогда Алли хотела спросить, чем он был так занят, но случилось столько всего, что вопрос потерял значимость. До сегодняшнего дня.

Алли откинулась в кресле, пытаясь осознать тот факт, который только что подтвердил календарь отца. Она понятия не имела, зачем эти двое мужчин встречались или что они обсуждали, но одно знала точно — после завтрашнего заседания совета она, черт побери, это выяснит.

Хадсон не привык проигрывать, особенно в конференц-зале. Ликвидировать газетное направление было идеальным решением и имело смысл для уравнивания баланса. Но Алли утверждала, что на печатном издании держится вся компания Ингрэм, на нем ее дед построил свою империю, и она использовала эту ностальгию в свою пользу.

Она подкрепила свое заявление тем, что это самый узнаваемый бренд среди их активов, явившись на собрание вооруженная кучей исследований и цифр. Когда кто-то выступал против ее теории, она загоняла скептика в угол железными фактами. Более того, она презентовала варианты расширения действующего онлайн-сегмента, включая компоненты потоковой передачи данных, спроектированные так, чтобы покрыть любую потерю доходов.

Хадсон вынужден был признать, что Алли отлично подготовилась, презентовала свой материал и убедила достаточное количество членов совета, чтобы придерживаться выбранного ей курса для Ингрэм. Чтоб ему провалиться нахрен, он должен был разозлиться, когда она склонила совет на свою сторону, но вместо этого он был под впечатлением. И когда собрание закончилось, он едва сдержался, чтобы не захлопать в ладоши.

Когда все вышли из комнаты, Алли собрала некоторые бумаги и выровняла стопку о столешницу из красного дерева. Легкая улыбка притаилась в уголке ее рта, точно она наслаждалась, даже радовалась, что выиграла, померившись с ним силами.

Хоть у него и не осталось вариантов, намерения Хадсона оставались прежними. Он все еще хотел женщину, которая всеми усилиями игнорировала его присутствие. Но она не давала ему шанса зацепиться за что-либо, ничего, чтобы привлечь ее к себе и заставить увидеть, как, черт побери, он сожалеет. Без нее мир не имел смысла. Все, что ему осталось — воспоминания о том кошмарном утре, когда она раскрыла его обман. Эта ложь стоила ему всего, и оставила лишь зияющий вакуум в том месте, где когда-то был взрослый мужчина.

Алли посмотрела на него. Улыбка сползла с ее губ, и в комнате стало холоднее, чем в морге.

— Чего ты ждешь?

— Я хотел извиниться за свое поведение вчера. Не так я...

— Не надо, — она оборвала его резким взмахом руки. — Я имею в виду, почему ты не покупаешь еще акции Ингрэм? Покупка одного процента не станет проблемой. Ты мог уже перегнать мой пакет и не проиграл бы сегодняшнее голосование.

Хадсон резко вздохнул.

— Я не стану забирать у тебя компанию отца, Алессандра.

— Почему нет? Разве не в этом был план? Выкрасть у него Ингрэм, завалив под себя его дочь?

— Спать с тобой никогда не было частью плана, — Хадсон сохранял спокойствие и прислонился к стене, держа руки в карманах и скрестив лодыжки. Его глаза, однако, наблюдали за Алли с пронизательностью ястреба.

— Но план был, не так ли?

— Ни один из планов не включал тебя.

— Нет? Так я была случайным бонусом? Или, возможно, я льщу себе. Возможно, все это лишь часть извращенной мести за то, что я сделала с тобой десять лет назад. Возможно, ты

ненавидел каждую секунду со мной, — выпалила она, четко проговаривая каждый слой.

— Довольно, — Хадсон оттолкнулся от стены и достал руки из карманов, подходя к ней. Снаружи он выглядел расчетливым, тогда как внутри его позвоночник начинал вибрировать. Он привык к этому чувству рядом с ней — огромное двухтонное 'трахни меня'. Он хотел ее, и это желание достигало опасных пределов.

— Словесные поединки ни к чему нас не приведут. И ты достаточно хорошо меня знаешь, чтобы понимать — я не сдамся. Выслушай меня, дай шанс объяснить, — он выбросил единственный козырь, который у меня остался. — Затем, если ты захочешь, я оставлю тебя в покое.

Алли окинула его оценивающим взглядом и скрестила руки на груди.

— Ладно, я слушаю.

— Я клянусь, что поначалу я не знал.

— Но в конце концов ты узнал. И все равно ничего не сказал. Даже когда мы были на озере, — ее голос дрогнул. — Перед камином.

— Я собирался сказать тебе.

— Намерение — это еще не поступок, Хадсон.

— Проклятье, Алли, — Хадсон сжал руку в кулак. Он хотел ударить по чему-то, но все гребаные стены были стеклянные, точно они находились в чертовом аквариуме. К счастью, конференц-залы были оборудованы одной функцией. Резким движением Хадсон ударил по переключателю, и стекло мгновенно стало непрозрачным.

— Ты правда думаешь, что была какая-то схема мести? — он издал резкий смешок. — Ты преувеличиваешь мои заслуги. В мой бизнес-план никогда не входило делать тебе больно, — он отвернулся и провел рукой по волосам. Вновь повернувшись, он встал с ней лицом к лицу. — Ты правда такого плохого мнения обо мне?

— У меня нет доказательств, говорящих об обратном. Ты лгал мне все то время, что мы были вместе.

— Не о своих чувствах, Алли, никогда о чувствах. Я должен был быть честен насчет остального, но мои чувства к тебе были правдой.

Теперь пришла ее очередь насмешливо усмехнуться.

— Чувства? Ты хоть представляешь себе, каково это, когда тебя предают самые близкие твоему сердцу люди?

Осознание того, что его бездействие сделало с ней, грузом опустилась на его сердце. Проклятье, с таким же успехом Хадсон мог привязать якорь к ногам и прогуляться по дну океана.

— Я потеряла тебя, я потеряла родителей, я потеряла всю жизнь, которую знала, и все, что когда-то считала правдой...

— Алли, послушай, пожалуйста...

— Слишком поздно, Хадсон. Урон нанесен, — она посмотрела на него. — И в этот раз не я королевски облажалась. Ты сам об этом позаботился в тот самый день, когда решил нацелиться на мою семью.

Хадсон потер виски, хмурые морщины избороздили лицо.

— Это не было личной атакой на твоего отца. Только бизнес, ничего большего. Я нацелился на компанию, аналогичную всем, поглощенным мною, и я не один сидел в толпе потенциальных покупателей. Общеизвестный факт, что Ингрэм медиа находилась на грани банкротства.

— Если это не было личным, тогда почему ты с ним встречался?

Хадсон удивленно моргнул.

— Я встречался с твоим отцом, чтобы предложить ему сделку. На следующий день после того, как мы вернулись с озера Женева, я изменил решение...

— Изменил решение? — Алли оборвала его.

— Не поглощать Ингрэм медиа. Это жизнеспособная компания с богатым потенциалом. Я предложил тихое слияние, Ингрэм стала бы дочерней компанией Чейз Индастриз. Я сказал твоему отцу, что он мог оставаться президентом.

— Он не был заинтересован в твоём предложении?

Хадсон помедлил, обдумывая ответ. Он словно прыгнул из одной ямы в другую, и черта с два он подвернет на ней ногу. Но он поклялся себе, что никогда больше не станет ей лгать, какой бы горькой не была правда. Вычеркните это, он не мог сказать, как ее отец взорвался яростью острее любого кинжала и швырнул ему билет в одну сторону 'Отправляйся в ад' с припиской 'Пошел нахрен'.

— Нет, — тяжело выдохнул он. — Он не собирался сдаваться без битвы. Он хотел, чтобы член семьи руководил Ингрэм и решал ее будущее. Несмотря на весь ад, через который он провел тебя с этим французским ублюдком, он любил тебя и верил в тебя. Я верю в тебя, Алли, — тон его голоса был умоляющим, и когда Алли посмотрела на него, ее взгляд немного смягчился; боль смешалась с безответным желанием. — Я сожалею.

Эти слова не могли описать его чувств, но в конце концов это лучшее, что он мог сделать.

— Это ничего не меняет, — Алли закрыла глаза. — Ты должен отпустить меня, Хадсон. Освободи меня.

На выходе из реабилитационной клиники у Хадсона внезапно появилось чувство, будто за ним следят, что было полным безумием. Позади не было никакой угрозы, за исключением биографий людей, достигших дна в результате вдыхания кокаина через искривленные носовые перегородки. Сходство между ними было в разрушительной болезни, которая не только забрала его мать, но и кружила точно мрачный жнец, готовая забрать его брата.

Черта с два он позволит этому случиться.

Его прошлое было подобно монете, постоянно подбрасываемой в воздух: с одной стороны — катастрофа, с другой — гребаное невезение. Проблема в том, что он пытался закопать эту монету и никогда больше не трогать. А от этой терапии в маленьких семейных группах хотелось свалить нахрен подальше.

Хадсон смотрел на часы каждые десять минут. От перспективы поделиться опытом сердце выскакивало из груди, ладони потели, и чем ближе подходила его очередь говорить один на один с братом, тем хуже становилось. Но даже когда они убрались оттуда, подальше от других людей, навещавших своих близких, все сказанное в комнате продолжало висеть между ними, пока они молча шли по булыжной мостовой.

Когда они пошли по влажной траве, опавшая листва захрустела под ногами, роса собиралась капельками на ботинках. Ник остановился перед деревянной скамейкой и сел. Он наглухо застегнул воротник черной куртки, Хадсон засунул руки в карманы серых шерстяных брюк.

И снова тишина.

Но шум Хадсону едва ли помог бы. Он потер переносицу, думая, что еще сказать брату помимо того, что он гордится его прогрессом в реабилитации.

В конце концов, заговорил Ник.

— Вся эта семейная хрень затевалась для разговоров. Ты едва сказал пару слов, Хадсон. Ты всегда молча терпишь гребаную тонну всякой хрени, чувак. Это наш шанс разобраться с этим, чтобы мы могли делиться своим дерьмом.

Хадсон потер шею и глубоко вздохнул, вдыхая запах сухой листвы.

— Эта сессия для того, чтобы ты... — он хотел сказать 'выговорился, сложил с себя груз вины'. — Скажи мне, как я могу помочь тебе воздерживаться от наркотиков, не выступая перед толпой незнакомцев.

— Она должна была научить тебя, бро, всей этой реабилитации. Консультант там присутствует, чтобы мне не пришлось оправдываться, почему у меня возникает желание закинуться наркотиками и напиться следом.

— Я в курсе целей этой сессии, — напряженно произнес Хадсон.

— Это работает только тогда, когда ты над этим работаешь.

Гребаный ад, его брат разговаривает чертовыми лозунгами.

По правде говоря, эта семейная сессия воскресила все их прошлое, вышедшее точно из фильма ужасов. Хадсон не был заинтересован, чтобы какой-то мир-любовь-давайте-обнимемся кретин освободил его от ответственности за провал. Он знал, что был виновен в этом этапе жизни Ника, больше напомиравшем 'Страх и ненависть в Лас-Вегасе'.

Боже, он вел себя как ублюдок. Программа спасала жизнь его братишки и преуспела

намного лучше него. За это Хадсон благодарил свою чертову счастливую звезду.

Но это не значило, что он хотел об этом говорить.

— Мы вместе прошли через много дерьма. Ты слишком долго убирал за мной, — Ник посмотрел на Хадсона, его мальчишеское лицо помрачнело. — Слышал что-нибудь о... ну, ты знаешь?

— Тело нашли. И как я и говорил, тело очередного наркоши, закопанное в парке, не вызвало много вопросов. Дело закрыто.

— Ты уверен?

— Ты вне подозрений, Ники. Сфокусируйся на...

— Отработке навыков? Мастерить дерьмовые поделки из веток и перьев?

— Ага, что это за хрень? — Хадсон взял в руки ивовое кольцо, которое лежало между ними на скамейке. Поверх кольца была сплетена рыхлая сеточка из ниток.

— Эй, бро, в этом заключен глубокий смысл.

— Сделай одолжение, просвети меня.

Хадсон улыбнулся еще шире, когда Ник прочистил горло, готовясь прочесть ему лекцию об искусстве коренных американцев.

— Замысел в том, чтобы пропускать только хорошие сны. Эта штука крутецки ловит кошмары, и они исчезают в дне. А здоровские сны, возможно, даже эротические сны — не то чтобы тебе они нужны — проскальзывают вниз по этим перьям, — Ник погладил завитки кончиками пальцев. — Прямо в твою маленькую милую головку.

— И где я должен повесить это великолепное произведение искусства? — в голосе Хадсона явно звучал сарказм.

— Настоящая искренняя оценка моей упорной работы. Кажется, у меня туннельный синдром развился, пока я плел эту хрень. Подвесь ее над кроватью, чувак.

Хадсон вскинул бровь.

— Над кроватью?

— Ага, и тогда случится волшебство, — Ник расплылся в самодовольной улыбке.

Хадсон смог лишь расхохотаться.

— Ну, если ты так говоришь, — он рассматривал сплетение ниток. Если бы эта штука реально могла отогнать кошмары, липшие к его сознанию во сне. — Спасибо, Ники, — он встал и убрал вещь в карман кожаной куртки. — Я ее повешу.

Ник встал почти лицом к лицу с Хадсоном.

— Спасибо, что пришел. Для меня очень важно, что ты воспринимаешь это всерьез.

— Я горжусь тобой, — Хадсон обнял Ника. — Чертовски горжусь. Так держать, — когда он отпустил брата, они привычно похлопали друг друга по спине.

— Эм, я бы предложил тебе остаться на ужин, но еда здесь отстой. Ты не мог засунуть меня в какое-нибудь заведение в Малибу с классным шеф-поваром?

Запрокинув голову, Хадсон рассмеялся.

— Это уже не реабилитация, а отпуск.

— Что ж, тогда, пожалей нахрен братишку и принеси мне нормального мяса.

— Кстати о еде, могу я забрать тебя на день Благодарения?

— Неа, никак не получится. У меня не закончилась тридцатидневная фаза. И праздники могут вызвать желание сорваться или типа того. Вызывают у нас, зависимых, рецидив. Так что я заперт с индюшачьими рулетиками и картофельным пюре.

— Тогда увидимся на следующей неделе, — Хадсон застегнул куртку и достал из

кармана ключи.

— Эй, Хадсон, не работай на праздниках. Позвони Алли, загладь вину.

Прошло почти две недели с тех пор, когда Алли загнала последний гвоздь в крышку гроба. Она позволила ему высказаться, но черта с два это помогло. И один звук ее имени был подобен ножу в сердце.

Хадсон посмотрел на землю и резко выдохнул, прежде чем снова перевести взгляд на Ника.

— Да, я пытался, Ники. Но не вышло. Между нами все кончено. В этот раз навсегда.

Реальность исказилась, и ночной кошмар накрыл его, врываясь в подсознание с безмолвной решимостью. Каждый момент сделался невозможным, вызывая чувство 'этого не может быть'. И все же супермаркет проявлялся все более отчетливо, резкий медный запах наполнил его ноздри. От скользкого мокрого чувства зачесались колени, кровь пропитала его джинсы, и крики матери превратились в визг сирен, рикошетом отдававшийся по барабанным перепонкам.

Сон искушал его ложной возможностью отмотать на минуту раньше. И когда Хадсон сделал это, кошмар захватил власть, заставляя вновь переживать трагедию, пронесшуюся перед глазами. Но ничто не могло выдернуть его из порочного круга.

Кровь была повсюду, блестела темно-красным в свете флюоресцентных ламп под потолком. Мужчина, истекавший кровью на дешевом линолеуме через зияющую дыру в груди, не был незнакомцем — Хадсон равнялся на него. И теперь его голубые глаза постепенно теряли цвет, пронзали Хадсона, заставляли изо всех сил вцепиться в промокшую рубашку. Он хотел, чтобы отец что-нибудь сказал, заверил его, что все будет в порядке. Но глядя в постепенно расфокусировавшиеся глаза, Хадсон слышал лишь булькающие звуки и собственное тяжелое дыхание...

Снова тяжелое дыхание и хрипы.

В мгновение ока он оказался оторван от отца. Он обернулся. Когда-то загорелая кожа постепенно серела.

Крик матери раздался одновременно с его собственным.

Хадсон скрючился на постели. Резко и часто дыша, он перекатился на другую сторону кровати, свалив лампу с тумбочки. Закрыв глаза, он попытался вновь заснуть, но ярко-красные пятна продолжали маячить на обратной стороне век.

— Проклятье, — пробормотал он. Это шоу кошмаров преследовало его ночь за ночью. Повторения были неизбежны с тех пор, как Ник решил открыть шкаф и перетрясти скелеты, которые хранились запертыми в темном уголке памяти. Теперь его подсознание отрывало это дерьмо, точно отправляя его в путешествие по особняку с призраками.

Прерывисто дыша и стараясь ни о чем не думать, он нетвердо встал на ноги и побрел в ванную. Оказавшись внутри, он не потрудился включить свет — ему хватало лунного света, падавшего сквозь окна от пола до потолка. Живя на вершине небоскреба, не беспокоясь, что тебя увидят голым, но как будто ему было до того дело.

Хадсон зашел в душевую кабину, повернул краны и включил самую горячую воду, какую только можно было вытерпеть, не лишившись кожи. Он уперся ладонями в мрамор и подставил спину под струи, позволяя воде омывать себя. Горячая вода была благословением, смывающим остатки кошмара, медленно, но не полностью.

Опустив голову, он почувствовал, как горячий поток разделяется на его шее, скатывается по плечам и каскадом спадает с груди и спины. И стоя там, он подумал о единственном, что могло удержать его в настоящем времени.

Алли.

Каково было чувствовать себя глубоко в ней. Вид ее тела, изгибающегося, пока он подводил их обоих к грани. Звук ее стонов, когда они кончали вместе.

И он мгновенно сделался твердым.

Каменно-твердым.

Хадсон закрыл глаза и обхватил себя обеими руками.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Алли стояла на коленях.

— Я хочу твой член.

— Где ты его хочешь? Покажи мне.

Она наклонилась вперед и раскрыла губы перед его поблескивавшей головкой. Рот ее был горячим и влажным.

Хадсон затвердел еще сильнее, забывая, где находится, и что это его рука стискивает член, что это лишь жалкая гребаная замена ее губам, обхватившим его ствол. Ничто не могло сравниться с плавным скольжением внутрь и наружу из ее прекрасного ротика, с тем, как она смотрела на него снизу вверх с жаром, не уступавшим его собственному.

Он расставил ноги, тяжело дыша, она тем временем полностью взяла его в рот. Головка члена задела горло, и наслаждение прострелило его позвоночник.

— Да, вот так, — простонал он, стискивая ее волосы в кулаке. — Глубже.

Она подстроилась, расслабляя горло и принимая его полностью, сося еще сильнее. Хадсон толкнулся вперед и проскользнул еще глубже.

— Люблю трахать твой рот...

Алли обхватила руками его бедра, сжимая задницу, пока он вдалбливался в ее рот. Он посмотрел вниз и этот вид едва не заставил его кончить. Проклятье, он был уже совсем готов, но хотел наслаждаться ею как можно дольше.

Она сосала все жестче, проводя зубами по всей длине члена.

Гребаный сладкий ад. Его яйца сжались, точно стиснутые кулаком. Одно лишь ощущение было почти невыносимым, но именно то, с каким обожанием она его ублажала, вышвырнуло его в другое измерение.

Найдя ритм, он смотрел, как толстая головка выскальзывает и вновь скрывается у нее во рту. Недели, проведенные без нее, почти убили его. Все в его жизни пошло кувырком, но с ней все вставало на свои места. Без него его сердце билось лишь для того, чтобы качать кровь и кислород по телу.

Кончик ее языка проследил набухшую вену, пульсирующую на нижней стороне ствола. Прикосновение отдалось во всем теле.

— Пресвятой Боже на небесах, — он ударил ладонью по плитке, жажда разодрала в ключья последние остатки цивилизованности, погружая его в первобытную нужду. И только тогда оргазм подобрался к головке члена.

— Проклятье, Алли, — прошипел Хадсон. Его хватка в ее волосах усилилась. — Не останавливайся. Я собираюсь кончить тебе в рот, а ты проглотишь все до последней капли.

Ругательство сорвалось с его губ, все тело подалось вперед, голова запрокинулась, и он содрогнулся от наслаждения, кончив себе в руку.

Облачившись в свою версию 'Черной Пятницы' — черные брюки, черный кашемировый свитер с V-образным вырезом и серая футболка под низ — Хадсон нажал на кнопку лифта, чтобы тот доставил его прямиком в гараж. Как только он вышел, приглушенный звонок донесся из кармана. Он достал телефон, но не успел произнести стандартное приветствие —

на том конце радостный голос выпалил:

— С днем Благодарения, бро!

— С днем Благодарения, — Хадсон был далеко не так счастлив, несмотря на недавнюю маленькую фантазию, но ради Ника готов был петь и танцевать. — У тебя там пир горой, да? — он широкими шагами вышел из лифта и направился к автомобилям, подумав, что отдал бы что угодно за свой байк.

— Ага, — Ник саркастично усмехнулся. — Толченая картошка, порошковая подливка и какой-то дерьмовый фарш из коробки. Совсем не похоже на то, что делала мама.

Хадсон нахмурился от пришедших на ум воспоминаний. Ник уже давно не тот глупыш. Мамы уже много лет нет, но готовить домашние обеды она перестала намного раньше, не говоря уж о праздничном ужине.

— Это было давно, Ники.

— Знаю, — голос Ника смягчился. — Я скучаю по ней и папе.

Хадсон сел в ожидающий его лимузин.

— В офис, — Макс кивнул и захлопнул дверь.

— В день Благодарения? — спросил Ник. — Ты дохрена работаешь.

— Бизнес не прекращается на праздники, — Хадсон не хотел углубляться в воспоминания о родителях или обсуждать свои рабочие часы, поэтому сменил тему: — Что там они еще для тебя готовят?

— Кино и прочее дерьмо. А потом групповая сессия насчет праздников, и какие они у нас вызывают чувства, — Ник подчеркнул последнее слово, но Хадсон знал, что это для его же пользы. Пока что Ник слепо верил программе реабилитации, но Хадсон не мог не беспокоиться. Он бы с ложечки кормил брата этой хренью, если бы потребовалось.

— Ники... — его голос оборвался, потому что Макс завернул на Мичиган Авеню в тот самый момент, когда Алли вышла из такси. Он слышал, как Ник продолжал жаловаться на черствую еду и идиотские игры в шарады, но все внимание Хадсона сосредоточилось на ней. Пока лимузин притормозил на красный свет, он наблюдал, как она застегнула куртку и пошла по обледенелому тротуару в местную кофейню. Представив, какой подробный заказ она сейчас выдаст баристе, он невольно улыбнулся.

— Эй, бро, кажется, им нужен профессиональный открыватель бутылок, — Хадсон услышал, как Ник постучал по телефону пальцами.

— Это твое самое полезное времяпрепровождение?

— Не, чувак, просто шучу. Должен повеселиться немного, — Ник засмеялся. — Созвонимся позже?

— Да, Ники. Горжусь тобой. Увидимся в воскресенье, — Хадсон нажал на кнопку интеркома. — Остановись, Макс.

Он подвинулся на кожаном сиденье, пока машина заворачивала на обочину и замедлялась. Но когда лимузин окончательно остановился, Хадсон уже схватился за ручку двери и вдруг замер. Алли ясно дала понять, что не хотела иметь с ним ничего общего, как бы он ее ни преследовал, и он обещал оставить ее в покое, если она его выслушает. Она сдержала свою часть сделки, с его стороны было бы справедливо сделать то же самое. Поэтому, как ему ни хотелось иметь ее в своей жизни, Хадсон опустил руку и приказал Максиму ехать к Чейз Индастриз.

Алли прошла сквозь вращающиеся двери Гранд Люкс кафе и на эскалаторе поднялась на второй этаж. Отдекорированное в венецианском стиле с высокими потолками, это заведение на Мичиган Авеню предлагало расслабляющую атмосферу и меню, все пункты которого умещались лишь в очень большой папке. Но Алли хорошо знала свою лучшую подругу. Настоящей причиной прийти сюда стала не роскошная обстановка и не меню, включавшие кухни мира от малазийской до карибской. Это заведение предоставляло огромное разнообразие фирменных напитков и десертное меню длиной в целый коридор, и поэтому было в списке десяти лучших для Харпер.

Выйдя из лифта, Алли очутилась у стеклянной витрины с декадансом. У нее слюнки потекли при виде лава-кексов с жидкой начинкой и крем-брюле. Ни за что, подумала она. Жидких калорий, которые она планировала употребить, и без того будет достаточно. Ее бедрам вовсе не нужны эти пончики с пудрой. Учитывая, сколько времени она проводила в Ингрэм, выбираться в спортзал стало сложнее. И хоть ей своя фигура нравилась, пора прекращать заедать стресс вкусняшками.

— Столик на одного? — спросила администратор.

Столик на одного. Есть ли более оскорбительные три слова? Возможно, это 'одна в офисе'. И хотя в последнее время Алли именно так и проводила вечера, этот четверг стал исключением.

— Нет, я встречаюсь кое с кем, — едва произнеся эти слова, она заметила Харпер, с хохотом запрокинувшую голову. — И, похоже, я только что ее нашла.

Алли подошла к бару, где Харпер устроилась на высоком стуле. Она была одета в пурпурный свитер с белыми отворотами на рукавах и воротнике, который идеально дополняла эксцентричная юбка в черно-белый горошек. Открытые черные лодочки от Mary Jane казались почти скромными, но это полностью компенсировалось черными колготками с литературными цитатами по всей длине ног. Алли подумала о своей одежде, скрытой под пальто: консервативная черная юбка-карандаш и белая блуза. Единственной смелой деталью ее образа были черные подвязки и кружевные чулки, скрывавшиеся под одеждой. Хоть убей, она не понимала, зачем их надела. Их все равно никто не увидит. Но когда она одевалась утром, то зацепилась за них взглядом и вспомнила, как Хадсон дразнил ее, предлагая надеть это на байк. Алли настолько разозлилась и возбудилась, что надела их будто в знак неповиновения, хотя теперь это казалось совершенно глупым.

Подходя ближе, она расслышала оживленную болтовню Харпер.

— И вот почему ты никогда не увидишь меня рядом с цирком. Никогда, — она преувеличенно задрожала, от чего рыжие кудряшки рассыпались по плечам.

— Привет, — сказала Алли. — Извини, если пришлось долго ждать.

— Вовсе нет. И у меня появилось время познакомиться с Винсом, — сказала она, салютуя бармену бокалом и улыбаясь. — Он делает убийственный грушевый мартини, — мгновение спустя пейджер, лежавший на барной стойке, начал вибрировать и мигать красным. — Похоже, наш столик готов.

Администратор провела их через ресторан, наполненный не только рядовыми посетителями, заглянувшими после работы, но и теми, что закупались к праздникам и

нагрузились пакетами чуть ли не из всех существовавших на свете магазинов. Из их частной кабинки открывался вид на Мичиган Авеню с высоты птичьего полета. Мигающие огоньки украшали деревья вдоль всей Великолепной Мили, добавляя праздничной атмосферы. Весь город, раскинувшийся внизу, радовался праздничному сезону: то и дело проезжали машины с елками, привязанными к крыше, Санта звонил в свой колокольчик, пока добрые самаритяне бросали монетки в его котелок, а дети широко раскрытыми глазами таращились на изумительно украшенные витрины. Рождество в Чикаго — то еще зрелище.

Вот только Алли чувствовала себя Эбenezером Скруджем (3).

— Земля вызывает Алли.

— Прости, — она взяла стакан с водой и отпила большой глоток.

— Да ерунда, — сочувственный взгляд Харпер быстро сделался озорным. — Но десерт за твой счет. И в этот раз я не буду делиться, так что заказывай себе свои пончики, — добавила она со смехом.

— По рукам. А теперь расскажи мне о Винсе.

Харпер скривилась.

— Фу.

Алли удивленно распахнула глаза.

— Фу? С каких это пор симпатичные бармены, которые делают убийственный грушевый мартини — это 'Фу'?

— С тех пор, как я узнала, сколько студенты-медики знают... из анатомии.

Алли изумленно уставилась на подругу, чьи щеки внезапно стали того же цвета, что и волосы.

— Харпер Хейз, ты что, краснеешь?

— Скажем так, ты пропустила несколько серий этой мыльной оперы.

— Похоже на то. Так что начинай говорить.

Но вместо того, чтобы начать трещать об интимных подробностях своей личной жизни, Харпер тяжело вздохнула.

— Я знала, что это произойдет.

— Что произойдет?

— Ну, что так будет, когда мы перестанем работать вместе, — она открыла меню и принялась листать страницы. По опыту Алли знала, что она сразу станет искать страницу с аперитивами. — Меня бесит, что нужно записываться на встречу с лучшей подругой. Такое чувство, что я чаще говорю с твоим ассистентом, чем с тобой.

— Ага, кстати о нем, — поддразнила Алли, пытаясь разрядить обстановку. — Перестань его отвлекать.

Улыбнувшись краешком рта, Харпер изобразила невинность, преувеличенно внимательно просматривая меню.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь.

— О, я тебя умоляю, — Алли фыркнула. — Его стол сразу за моей дверью. Я слышу, как вы болтаете до того, как он переводит звонок.

Харпер посмотрела на нее поверх меню, взгляд искрился искренностью.

— Шутки в сторону, меня бесит, что нужно записываться на встречу с лучшей подругой.

Алли протянула руку и сжала ладонь Харпер.

— Я знаю. И сожалею об этом. Сейчас очень тяжелые времена. Надеюсь, все немножко устаканится к началу года.

— Все нормально, — она тепло улыбнулась и вернулась к меню. — Но если надумаешь не только держать меня за руку, можешь заплатить за весь ужин, а не только за десерт.

Алли рассмеялась.

— Справедливо. Так что думаешь? Эмпанадас, креветки, или идем ва-банк и заказываем горшочек картошки фри с сырным соусом? — выпалив варианты, она достала из сумочки телефон и добавила час занятий в спортзале на утро пятницы.

— Думаю, я ограничусь рулетиками из салата-латука.

Алли глянула на нее поверх телефона, раскрыв рот от удивления.

— Кто ты и что сделала с моей подругой?

— Она здесь. Она просто на прошлой неделе съела столько картофельной запеканки, что сломала молнию на стрессовых джинсах.

Даже сочувствуя подруге, Алли не смогла сдержать улыбки. Одежда Харпер делилась по настроению. Тут были и стрессовые джинсы, и кризисные хирургические костюмы, а для экстремальных вариантов развития событий 'я-собираюсь-уйти-в-монастырь' треники с резинкой на талии.

— Как, кстати, твоя поездка домой, не считая обжорства?

— Хорошо. Сестра приехала с новым ребенком, так что все постоянно фотографировались и делали эту хрень 'гу-гу га-га'. Но дядя Эдди оставался в штанах во время футбольных матчей, так что я бы сказала, что все прошло успешно. И мне все еще жаль, что ты не поехала со мной.

— Твоей матери меньше всего нужно было мое кислое лицо за столом, — сказала она, лишь отчасти шутя. Хоть Алли и была благодарна Харпер за предложение провести праздники с ее семьей в Сент-Луисе, она сомневалась, что справилась бы с пребыванием в кругу большой счастливой семьи. Не только потому, что она никогда больше не сумеет провести праздники с семьей, но потому что вид семьи Харпер заставит Алли лишь сильнее оплакивать потерю всех тех праздников, которых у нее никогда не было. Ее мать каждый раз организовывала идеальный праздник, но не в духе картин Нормана Роквелла. Скорее в духе 'стой прямо, платье помнешь'. И вид нормальных семейных праздников, даже с дядей, который смотрит футбол в одних трусах — это было бы слишком.

— Кроме того, все оказалось к лучшему. У меня были очень продуктивные выходные.

— Продуктивные? Не так люди описывают наш национальный день чревоугодия, — Харпер закрыла меню и отложила его в сторону. — Пожалуйста, не говори мне, что все выходные одна работала в офисе.

— Ладно, не скажу.

Харпер выгнула бровь, но ничего не сказала. И это нервировало.

— Ладно. Да, я проработала все выходные, — Алли тут же вскинула руку, пытаясь остановить неизбежную лекцию. — Но не всегда в офисе, и не всегда в одиночку. Колин приезжал в субботу и воскресенье.

Харпер закатила глаза.

— Готова поспорить, ему это понравилось.

— Ему хорошо заплатили и хорошо накормили, так что не думаю, что у него осталось много жалоб.

— Так когда мне удастся познакомиться с Сексуальным Секретарем?

И снова прозвища. Когда Харпер придумывала клички мужчинам в ее жизни, это еще куда ни шло, но с сотрудниками переходило границы допустимого.

— Во-первых, он мой ассистент. Во-вторых, откуда ты знаешь, что он сексуален? И в третьих, это сексуальное домогательство с использованием служебного положения.

— Во-первых, семантика. Во-вторых, Фейсбук. И в-третьих, это было бы домогательством, если бы он работал на меня, а он не работает. Здорово будет сходить с ним выпить. О, и потанцевать. Готова поспорить, юный Колин знает кое-какие движения.

Официантка подошла, чтобы принять их заказы, и пообещала вернуться с хлебной корзинкой, от которой Харпер вежливо отказалась.

— Ого, да ты не шутила насчет стрессовых джинсов?

— Состояние полной боевой готовности активировано, — Харпер наклонилась вперед, опираясь локтями на стол. — Так что скажешь?

— Насчет чего?

— Ты, я и Сексуальный... — она остановила себя. — Ты, я и Колин. Выпивка и танцы в субботу?

— В эту субботу? В смысле через два дня?

— Ага.

Алли покачала головой.

— Не получится. Он уезжает из города на выходные. Что-то вроде отгула взамен работы на день Благодарения.

Харпер мечтательно посмотрела через стол.

— Так может, сходим куда-нибудь только вдвоем?

— Не уверена, что смогу. Нужно сделать кучу работы, пока все не разъехались на праздники. И раз Колина не будет все выходные, придется непросто.

— Да ладно тебе, я слышала по радио, что Балет Джоффри ставит Щелкунчика, даже с участием Оркестра Чикагской Филармонии.

— Прекрати.

— Что?

Официантка поставила между ними рулетки из салата-латук вместе с двумя бокалами пино гриджо. Алли подождала, пока они не останутся одни, и пошла в открытую. — Я знаю, что ты делаешь.

— Просто пытаюсь запланировать поход в балет, — сказала Харпер, отправляя в рот рулетик зелени.

— У тебя нулевой интерес к балету. И классической музыке, если на то пошло.

Харпер запила рулетик остатками мартини.

— Мужчины в обтягивающих штанах, что тут не любить?

— И если бы речь шла о ночном показе фильма Кэри Элвеса, я бы тебе, может, и поверила.

— Может, я просто хочу расширить горизонты.

— Харпер, я знаю, что это за суббота, — Алли взяла прохладный лист салата и наполнила его острой курицей. — И хоть я и ценю то, что ты пытаешься сделать, мне не нужна нянька на выходные.

— Это был бы день твоей свадьбы.

— Честно говоря, не могу сказать, что у меня бессонница из-за того, что я не стану маркизой Лорен в эту субботу.

— Ну, я знаю, — сказала она, закатывая глаза. — И слава Богу, потому что меня текущее положение дел не устраивает, а так я бы вообще тебя не увидела после того, как Джулиан

умыкнул бы тебя в свой замок во Франции, — ее плечи опустились. — Но все же ты совсем не так планировала эти выходные, и я подумала, что может быть...

Алли опустила рулетик обратно на тарелку и посмотрела подруге в глаза.

— Я много чего хотела бы изменить в своем прошлом, но о разрыве помолвки с Джулианом не жалею.

На мгновение между ними повисла тишина, и потом Харпер продолжила.

— Я его видела.

Ей не нужно было больше ничего говорить, потому что и, не спрашивая, Алли знала кого она имеет в виду. И как бы ей ни хотелось вытянуть из Харпер каждую деталь, что он сказал, какой галстук надел, она сопротивлялась этому желанию. Вместо этого она сосредоточила внимание на закусках, пытаясь изобразить полное безразличие.

— А они ничего, — сказала она, промокая уголок рта салфеткой, — для диетического блюда.

— Как-то вечером я зашла в 'Бутон розы', чтобы забрать заказ на вынос, и он был там. Один.

— Уверена, он встречался с кем-то за ужином, — рулетик салата внезапно стал ощущаться точно камень в животе — ей вспомнилось лицо Софии.

— Неа. Ему уже принесли еду, хотя он едва поел. Как по мне, похоже, он только потягивал свое каберне и предавался воспоминаниям.

Очевидно, Харпер не собиралась менять тему. И вопреки здравому смыслу Алли заглотила наживку.

— Предавался воспоминаниям? И это ты поняла по виду мужчины, пьющего вино в итальянском ресторане?

— О, а я не сказала, что он сидел за тем же столиком, где вы бесконечно долго пили кофе и 'просто разговаривали о работе'?

— Нет, не сказала.

— Ну так вот, говорю. И выглядел он дерьмово, — буднично добавила она.

— Внеурочные рабочие часы, вероятно, дают о себе знать.

Алли понятия не имела, как Хадсон управлялся с конгломератом вроде Чейз Индастриз и в то же время почти постоянно присутствовал в Ингрэм. Неудивительно, что Харпер решила, будто он выглядит дерьмово — он, должно быть, очень мало спал.

— Я не имела в виду, что он выглядел так, будто страдает от недосыпа, — сказала Харпер, точно прочитав ее мысли. — Я имела в виду, что он был похож на человека, чье сердце разбито.

Алли издала резкий смешок.

— Теперь я знаю, что ты совсем завралась.

— Почему?

— Ты так говоришь, будто ему нужен был мужской вариант 'свернуться дома в спортивных штанах и килограммами есть мороженое'. Ни за что не поверю, что Хадсон Чейз расклеился. Он всегда сдержан и собран, готова жизнью поклясться.

— Он был сдержан и собран, по крайней мере, внешне. Боже, этот мужчина даже в свои худшие дни выглядит безупречно. Я хочу сказать, ну как его глаза могут быть настолько голубыми? И эти волосы. Клянусь, однажды я все же проведу по ним пальцами, и плевать, кто на это будет смотреть. Но когда он спросил о тебе...

— Ты говорила с ним?

Харпер кивнула.

— Просто обычный светский разговор — когда же будет первый снег, как отметили День Благодарения и все такое. Ах да, постскриптум: он тоже работал все праздники, так что вы друг друга стоите.

— Харпер, — сказала Алли, пытаясь перестроить ее внимание. — Что он сказал об мне?

— Он спросил, как у тебя дела.

— И? — Алли подготовилась. Мисс Благие Намерения могла ответить что угодно. Алли знала, что она хотела как лучше, но иногда Харпер сначала говорит, а потом думает.

— И я сказала, что ему, наверное, виднее, потому что теперь ты работаешь с ним, а не со мной.

Не так уж плохо. Могло быть и хуже.

— Но он сказал, что хотел бы знать, как у тебя дела, когда ты не в офисе и не в режиме Терминатора.

Алли выгнула бровь.

— Окей, может, это не самая точная цитата. Но меня убило не то, как он это спросил. А этот взгляд его глаз. Честное слово, этот мужчина страдает.

Алли сидела молча, переваривая слова Харпер. Затем она тихо спросила:

— Что ты ему сказала?

Харпер тяжело вздохнула, прежде чем торопливо выпалить ответ.

— Я ему сказала, что ты так же несчастна, как и он, судя по виду, и что он не должен сдаваться, потому что в один прекрасный день ты можешь забыть про упрямство и простить его, и наконец-то у вас все устаканится.

Ну вот.

— Ты шутишь.

— Нет. Хотя какая разница. Ты столько раз сказала ему оставить тебя в покое, что он действительно это сделал.

— Так он сказал?

— Практически да.

Хадсон отпустил ее. От этой мысли на глаза внезапно навернулись слезы.

— Ты столько потеряла за эти недели, но Хадсон не должен быть частью этого списка. Почему ты не дашь ему еще один шанс?

Горячая слеза скатилась по щеке Алли. Она смахнула ее тыльной стороной ладони, но не ответила.

— Он пытался все исправить. Он виделся с твоим отцом после вашей поездки в Висконсин.

Алли наконец открыла рот, чтобы ответить, но Харпер уже понесло.

— И не говори, что он всего лишь попытался сделать враждебный захват менее враждебным. Судя по твоим словам, Хадсон сделал все возможное, чтобы получить контроль над Ингрэм, все эти оффшорные компании и прочая хрень, в которой я ни черта не понимаю. Ты правда думаешь, что он отступил бы хоть на дюйм перед самой сделкой? Люди вроде Хадсона Чейза достигают таких высот, потому что не отступают. Неужели ты перестала спрашивать себя, почему он на самом деле сделал это?

— Что ты имеешь в виду?

Харпер покачала головой.

— Для человека с дипломом крутого колледжа ты иногда реально тупишь. Он сделал это для тебя, Алессандра. Он пытался исправить ситуацию, потому что ты ему небезразлична.

Права ли Харпер? Он сделал это для нее? Хадсон действительно был готов рискнуть сделкой, которую планировал несколько месяцев? В те выходные на озере все ощущалось иначе, между ними была связь. Ну, или, по крайней мере, Алли так показалось. И вернувшись, она поняла, что должна порвать с Джулианом, поняла, что хочет иметь будущее с Хадсоном. Он чувствовал то же самое? Конечно, он понимал, что все рухнет, когда выяснится, что он стоял за захватом Ингрэм. Неужели он пытался отменить все, заключив сделку с ее отцом, потому что... он хотел иметь будущее с ней?

В ее голове метались вопросы, на которые ни она, ни Харпер не могли ответить. Но один человек мог. Алли посмотрела на часы. Почти шесть вечера.

— Скорее всего, он все еще в офисе, — сказала она, даже не осознавая, что произносит это вслух.

— Так чего ты ждешь? — спросила Харпер. Блеск ее глаз подсказал Алли, что подруга была на шаг впереди нее.

Алли залпом допила остатки Пино Гриджо и схватила свое пальто.

— Пожелай мне удачи.

— Тебе не нужна удача, друг мой. Ну, разве что с такси, — Харпер засмеялась собственной шутке, а Алли уже выбегала из частной кабинки.

— Позвоню тебе позже.

Харпер улыбнулась и взяла свой бокал.

— Боже, надеюсь, что нет, — она отсалютовала бокалом. — На самом деле, я надеюсь, что не услышу от тебя новостей минимум до понедельника.

Алли натянула пальто.

— Не увлекайся. Я собираюсь поговорить с ним, только и всего. И я понятия не имею, что он скажет в свое оправдание.

Когда она вышла на холодный ночной воздух, падал снег. Город вокруг гудел, такси и пешеходы наводнили улицы и тротуары, начало выходных выманило всех снова туда-сюда по Великолепной Миле. Она встала на обочине, подняв руку и тщетно пытаясь поймать такси. Наконец, одна машина подъехала ближе, но вместо того, чтобы остановиться, ускорила, чтобы проскочить на зеленый, разбрызгивая в ее сторону ледяную воду из луж. Алли отскочила и выругалась себе под нос.

Сгорая от нетерпения и понимая, что быстрее пройдет этот километр, чем поймает такси, Алли отправилась пешком. Снежинки размером с добрый ватный шарик кружились в воздухе, пока она шла на север по Мичиган Авеню, лавируя между покупателями, туристами и пассажирами.

Добравшись до реки, Алли уже вся была покрыта снегом, но едва это замечала. После того, как она миновала мост, каблуки начали скользить, но она продолжала идти. Пальцы замерзли, ноги промокли, но все это было неважно. Она сосредоточилась на одном: найти Хадсона. Она видела его здание вдалеке, на южном берегу реки. Здание Лео Бернетт, или Чейз Индастриз Билдинг, как теперь оно называлось, явно выделялось в ландшафте Чикаго. Все из угольно-серого гранита, черного стекла и хромированных деталей, постмодернистское здание было таким же мужественным и властным, как и мужчина, давший ему имя.

Ее взгляд метнулся наверх, к пятидесятому этажу, где в угловом офисе Хадсона горел свет. Был ли он там, работал ли допоздна, или там всего лишь трудились уборщицы, а он уже ушел? Возможно, на встречу с Софией. Или, может быть, она заехала после работы и сейчас была там, с ним? Знакомая растущая боль обожгла грудь, когда Алли внезапно представила Софию с Хадсоном, как ее пышные формы прижимаются к его жесткой груди на том самом диване, где он целовал ее меньше трех месяцев назад. Неужели именно с этим она столкнется?

Был лишь один способ выяснить.

Алли пронеслась сквозь вращающиеся двери, обрамленные сталью. Холл был почти пуст, за исключением мужчины, стоявшего в углу у бронзовой скульптуры и лихорадочно строчившего что-то в свой смартфон. Громко стуча каблуками по известняковому полу, Алли подошла к стойке охраны.

— Добрый вечер, мисс Синклер, — кивнул ей охранник.

Алли бросила взгляд на серебристый бейджик, приколотый к его форме, но имя, выгравированное на нем, ничего не говорило.

— Прошу прощения, — произнесла она, сбитая с толку. — Мы встречались?

Глаза охранника прищурились в теплой улыбке.

— Нет, мэм, но нам отдан приказ пропускать вас наверх без уточняющего звонка.

Алли улыбнулась в ответ, как будто все было нормально, как будто она не собиралась рискнуть тем, что осталось от ее сердца, в импульсивном порыве, заставившем ее точно безумную пронестись по заснеженным улицам Чикаго. Пospешив к лифтам, она снова и снова нажимала на кнопку вызова, тщетно пытаясь заставить лифт приехать быстрее. Звуковой сигнал оповестил, какая именно кабина спустилась, и она тут же оказалась около дверей. Они едва успели открыться, а она уже была внутри, снова давя на кнопку, пока лифт наконец не начал подниматься на самый верхний этаж. В нерабочее время не проигрывалось никакой музыки, она слышала лишь собственное бешено колотившееся сердце, и ритм его ускорялся с каждым этажом.

Спустя, казалось, целую вечность, двери открылись. Диваны в зоне ожидания пустовали, освещение приглушено. Весь этаж, похоже, был пуст, если не считать Даррена, ассистента Хадсона. Когда она пролетела мимо, он вскинул голову от компьютера, удивленно распахнув глаза.

— Мисс Синклер, — засуетившись, он выпутался из своих наушников и секунду спустя вытянулся перед ней во весь рост. — Присаживайтесь, если хотите, — сказал он, слегка запыхавшись. — Я сообщу мистеру Чейзу о вашем визите.

Не отводя взгляда от запертой двери офиса Хадсона, Алли не остановилась. Даже когда Даррен крикнул ей вслед.

— Пожалуйста, мисс Синклер. Он не один.

(3) Эбенезер Скрудж — персонаж повести Чарльза Диккенса 'Рождественская песнь', а также многочисленных фильмов, поставленных по этому литературному произведению. Один из самых больших скупердяев в истории мировой литературы.

(4) Эмпана́да (исп. Empanada — пирожок с начинкой) — блюдо, популярное на Пиренейском полуострове и в Латинской Америке. Обычно готовится из пшеничной муки и говяжьего жира.

(5) Норман Роквелл (Norman Rockwell) — один из самых культовых американских

художников и иллюстраторов, изображавших повседневную американскую жизнь и актуальные общественные вопросы. Его уникальный стиль иллюстрации представлен тщательно нарисованными выразительными символами. Точность почти фотографическая.

(6) Балет Джоффри — балетная труппа, основанная в Нью-Йорке в 1956 году танцовщиками Робертом Джоффри и Джеральдом Арпино. Начиная с 1995 года, базируется в Чикаго.

(7) Иван Саймон Кэри Элвес — английский актёр и продюсер.

Слова Даррена отложились где-то в уголке ее разума, не остановив ее, но разжигая былые страхи. Боль в груди вернулась, когда она потянулась к дверной ручке. Алли открыла дверь и ворвалась внутрь.

Семь голов повернулись как одна.

— Почему ты сделал это? — выпалила она.

Хадсон сидел во главе небольшого конференц-стола в дальней части офиса, окруженный шестью приближенными членами команды. Он был одет в синий костюм в тонкую полоску, ослепительно белую рубашку и галстук, идеально повторявший кристально-голубой оттенок его глаз. Увидеть его было подобно удару о кирпичную стену. Даже с другого конца комнаты притяжение было ощутимым, почти магнетическим. Она сжала руки в кулаки и вдавила шпильки в ковер, пытаясь обрести почву под ногами. Борьба с желанием побежать к нему сводилась не только к подавлению физического желания. Такое чувство, будто сама ее душа желала связи с ним.

— Не могли бы вы дать нам минутку? — сказал он. Не было необходимости — шесть заместителей уже собирали свои вещи и один за другим покидали помещение, без сомнений опасаясь крови, которая вот-вот прольется. Учитывая напряжение, царившее между ней и Хадсоном в последние несколько недель, Алли их не винила.

Он отодвинул стул и встал. Подходя ближе, он изучал ее лицо в поисках какого-то объяснения. Издалека он выглядел таким собранным, руководителем у штурвала своего корабля. Но под наружностью, которую Хадсон показывал остальному миру, Алли могла различить рваные края. Его выражение было напряженным, голубые глаза омрачились и потемнели.

Они стояли в напряженном молчании, пока дверь за ними не закрылась.

— Чего ты хочешь, Алессандра? — голос его был серьезным, спокойным, безропотным.

Пытаясь успокоить бешено колотившееся сердце, она сделала глубокий вдох и повторила вопрос, который буквально выкрикнула, вломившись в двери.

— Я хочу знать, почему ты это сделал.

Он нахмурился.

— Ты это уже говорила. Почему я сделал что?

— Почему ты предложил отцу возможность остаться в Ингрэм? К тому моменту компания была практически в твоей власти. Какая тебе была разница?

Он нахмурился еще сильнее.

— Мы обсуждали это.

— Да, но тогда ты только сказал о своем предложении. Ты не сказал, почему ты его внес.

— Ты не спрашивала.

— Спрашиваю сейчас. Почему тебе было дело до того, останется ли мой отец в Ингрэм?

Он выдавил печальную полуулыбку.

— Твой отец задал тот же вопрос.

Алли прерывисто выдохнула. Представлять отца и Хадсона в одной комнате было тяжело само по себе. Мысленно воспроизводить их разговор — нестерпимо мучительно.

— И что ты ему ответил?

Хадсон вздохнул и перевел взгляд на свои ботинки. Вновь подняв голову, он настороженно посмотрел на нее.

— Я сказал, что сделал это потому, что я любил его дочь, — голос его был тихим, но отчетливо различимым. Он пытался заключить сделку с ее отцом, потому что любил ее? Это откровение заставило сердце лихорадочно заколотиться в груди, но эйфория была мимолетной. Он сказал 'любил'. В прошедшем времени. Неужели ее попытки оттолкнуть его оказались успешными? Неужели она наконец доставила больше проблем, чем пользы?

Из-за вставшего в горле кома Алли едва выдавила следующие слова.

— А теперь?

Перед тем как заговорить, Хадсон долго изучал ее лицо.

— А теперь я чувствую себя так, будто потерял кусок своей гребаной души.

Слезы навернулись на ее глаза.

— Но ты сказал 'любил', в прошедшем времени...

— Я люблю тебя, Алли. Всегда любил, и помоги мне Боже, думаю, что всегда буду любить.

— Я тоже тебя люблю, Хадсон.

Он достиг ее за два шага, руками обхватывая лицо и запечатывая губы поцелуем. Пальцы его дрожали, но поцелуй был крепким и уверенным, его губы завладевали ее ртом с неоспоримой властью.

Со вздохом облегчения Алли обмякла в его крепких объятиях. Губы раскрылись, впуская жадные глубокие удары его языка, эхом отдававшиеся во всем теле. Этого ей не хватало последние несколько недель, это нужно было ей, чтобы ощутить себя вновь целой. Мысль о том, что она едва не потеряла его навеки, смешалась с обжигающим желанием, и это оказалось слишком. Эмоции захлестнули ее, и с губ сорвалось надрывное рыдание.

— Не плачь, — прохрипел он, губами сцеловывая каждую слезинку. — Я знаю, сколько боли я причинил тебе, и вид твоих слез убивает меня.

Она покачала головой.

— Не в этом дело.

Хадсон отстранился, мягко и слегка рассеянно глядя на нее.

— Тогда в чем?

Слезы потекли с новой силой. Она накрыла ладонью его щеку, желая, чтобы он действительно понял смысл ее слез.

— Да, ты сделал мне больно, Хадсон, возможно, так больно, как никто другой никогда не сможет, потому что ты отличаешься от остальных. Ты видишь настоящую меня, всегда видел. Когда мы встретились, в моей жизни был полный бардак. Но когда Джулиан больше не стоял на пути, у меня наконец появилась возможность начать с чистого листа. И я должна была дать и тебе эту возможность. Я должна была позволить тебе рассказать все и начать сначала. Чтобы мы начали сначала, — она прерывисто выдохнула. — У нас наконец-то появился шанс, которого судьба не дала нам десять лет назад, а я позволила своей гордости и злости разрушить все. Я оттолкнула тебя.

Он прижался губами к ее рту.

— Я здесь, Алли.

— Я хочу тебя, Хадсон. Всегда хотела.

— Я у тебя есть, — он дразняще лизнул ее губы, побуждая их открыться. — Я никуда не

ухожу.

Ее слова превратили ее желание в почти невыносимую жажду. С мягким стоном Алли углубила поцелуй, лаская его язык, одной рукой вцепившись в его рубашку, другой зарываясь в густые волнистые волосы и притягивая его ближе. Она так долго отталкивала Хадсона, на самом деле нуждаясь в нем и желая лишь покрепче прижать к себе. А теперь, опустив защитные барьеры, впусив его, она не могла насытиться близостью. Она хотела его еще ближе, ей нужно было коснуться кожи кожей. Ей нужно было ощутить его внутри. Сейчас же.

— Мне нужен ты, — прошептала она, когда он скользнул губами по ее горлу. — Ты внутри меня.

В его груди зародилось рычание. Скользнув рукой вниз, Хадсон схватил ее за попку, резко прижимая к своей эрекции.

— Почувствуй, что ты делаешь со мной, Алли. Ты делаешь меня просто до боли твердым, — обвив рукой ее талию, он усадил Алли на край стола. Скинув бумаги одним движением, он навалился на нее, прижимая своим телом к столешнице красного дерева.

Скользнув ниже, Хадсон забрался рукой под юбку и, найдя пальцами подвязки, пристегнутые к шелковым чулкам, едва не задохнулся.

— Проклятье, Алли, — пробормотал он ей в губы. Оторвавшись от ее рта, он оставил ее возбужденно хватать ртом воздух, взглядом окидывая все ее тело. Его пальцы погладили обнаженную кожу бедра.

— С того самого дня, как ты вошла в мой офис, я хотел тебя здесь, распластавшуюся на моем столе, хотел трахнуть тебя здесь, с видом на все Чикаго.

— О Боже, да, — она схватила его за галстук, притягивая ближе. Со стоном он вновь завладел ее ртом, сплавляя их губы в изголодавшемся поцелуе. Она выгнулась, желая облегчить боль, пронзившую ее с первой секунды их встречи. Движением бедер он упер толстый бугор эрекции меж ее ног. Извиваясь под ним, она обхватила ногами его талию. Кожа ее увлажнилась, груди набухли и отяжелели. Вот как он на нее влиял. За считанные минуты он довел ее до грани, до отчаянной нужды оргазма.

— Хадсон, пожалуйста... я хочу тебя, — она потянулась к ее ремню, но он отвел ее пальцы, как только они нащупали пряжку.

— Остановись, — хрипло проговорил он, едва удерживая остатки контроля.

— Что? — Алли подняла голову со стола, с неверием наблюдая, как Хадсон встает.

— Нет, — он вновь заправил полы рубашки в брюки. — Не так.

Алли попыталась сформировать связную мысль, но слова покинули ее. Она знала, что он хочет ее — доказательство было прямо перед ней, распирающее ширинку костюма от Тома Форда. Почему, черт подери, он остановился?

Хадсон протянул ей руку, стаскивая со стола и привлекая в свои объятия.

— Я хочу тебя, Алли. Но не здесь и не так.

— Ты же не пытаешься отомстить мне за тот прошлый раз в твоём офисе? — поддразнила она.

Он улыбнулся.

— Едва ли. Поверь, мой член прямо сейчас называет меня последним сукиным сыном. — Но я не хочу торопиться с тобой. Я не хочу трахать тебя на столе. Я хочу заняться с тобой любовью в постели, — его улыбка была почти смущенной. — Ну, во всяком случае, для начала.

Приподнявшись на цыпочках, она прижалась губами к его подбородку, прокладывая дорожку мягких поцелуев к уху.

— Почему бы тебе не трахнуть меня на столе, для начала, — прошептала она едва слышно, — а потом мы продолжим в постели... в конце концов.

Он зашипел сквозь стиснутые зубы, когда она лизнула его ухо, но остался непоколебим.

— Алли, пожалуйста, дай мне сделать это правильно.

Она отстранилась, чтобы посмотреть на него. Его глаза горели искренностью и желанием.

— Ты серьезно?

Он кивнул.

— У меня никогда не было возможности пригласить тебя на свидание. Всегда что-то стояло на пути. Твои родители, когда мы были моложе, — мускул на его челюсти дрогнул. — А потом твоя помолвка.

Алли опустила взгляд. Она была такой идиоткой, скрывая от него свои чувства, что в 17, что в 27. Она вечно будет сожалеть об упущенном времени, но больше всего она ненавидела мысль, что никогда не давала ему почувствовать себя любимым.

— Я не виню тебя, — сказал Хадсон, точно прочитав ее мысли. Коснувшись подбородка, он приподнял ее голову, заставляя посмотреть в глаза. — Но впервые нам нечего скрывать. Я могу выйти с тобой свет, и весь мир будет знать, что ты моя.

Трепетная дрожь прошла по телу. Она принадлежала ему. Всегда принадлежала. Не осталось смысла или причин спорить с этим. И услышав эти властные слова, она лишь сильнее захотела затащить его обратно на стол.

— Позволь мне сделать это. Пожалуйста.

Просьба была столь искренней и милой, что невозможно было отказать. Она широко улыбнулась.

— Так вы хотите пригласить меня на свидание, мистер Чейз?

От его ответной улыбки перехватило дух.

— Именно так, мисс Синклер. Окажете честь присоединиться ко мне за ужином?

— За ужином? — она приподняла бровь. — Ну не знаю, звучит так... традиционно. Я хочу сказать, что случилось с мужчиной, которому пришлось поиметь меня в ложе на симфонии? Теперь, когда мы не прячемся, он исчез?

Что-то порочное мелькнуло в его взгляде, пока Хадсон доставал телефон из кармана.

— Ох, Алессандра, доверься мне.

Ее тело задрожало, откликаясь на соблазнительный тембр его голоса. Алли не знала, что он запланировал на вечер, но одно было ясно — это будет долгая, мучительная, незабываемая ночь.

За свою жизнь Алли бесчисленное количество раз проходила мимо Центра Джона Хэнкока. Это знаковое здание, расположенное между отелем Дрейк и Уотер Тауэр Плейс, было не только одним из самых узнаваемых силуэтов на горизонте Чикаго, но и располагалось в сердце одного из самых популярных туристических маршрутов. Внутри стоэтажного сооружения она бывала всего раз или два на собраниях, связанных с работой 'Лучшего начала', но никогда не поднималась на самый верх и уж тем более не ужинала в находившемся там известном ресторане.

Хадсон положил руку ей на поясницу и подвел к лифту.

— Мне все еще не верится, что ты здесь никогда не была. Разве это место не внесено во все справочники для туристов? Хотя бы смотровая площадка.

Глаза Алли расширились.

— Пожалуйста, скажи, что в твои планы не входит та наклонная штуковина, — сказала она, имея в виду новый аттракцион, где туристы болтались в тысяче футов над улицами. — Потому что ты ни за что не заставишь меня лечь на это стекло. И мне все равно, каким бы безопасным оно ни было.

— Безопасность — относительное понятие. Единственная грозящая тебе опасность исходит от меня — что я заставлю тебя кончать снова и снова, пока ты не взмолишься о пощаде. А что касается 'лечь', уверяю, я завалю тебя на спину еще до конца вечера, — его слова послали по ее телу всплеск удовольствия. — Но неужели ты никогда не ужинала здесь?

Алли пожала плечами.

— Наверное, это одно из тех мест, куда местные все собираются заглянуть, но никогда не заходят, — и из-за образов, которые он вызвал в ее воображении, ей не очень-то хотелось туда заходить. Но Хадсон, похоже, был в восторге от мысли об ужине среди облаков.

— Так это в первый раз, — сказал он. — Для нас обоих.

— Один из многих 'первых разов', надеюсь.

— Несомненно. Это далеко не первый пункт в списке, но поскольку у меня было всего минут десять, чтобы спланировать вечер...

— У тебя есть список? — перебила она.

— О, да. И довольно длинный. И разнообразный. Один пункт даже включает неожиданный визит в мой офис. Почти как сегодня, — Хадсон усмехнулся. — Но с некоторыми корректировками.

— Извини за это. Не очень-то профессионально с моей стороны врыватья вот так в твой офис.

— Ты можешь врыватья в мой офис, когда тебе вздумается, Алессандра, — его глаза потемнели. — Хотя желательно, чтобы под пальто ты была голой.

— Ты ожидаешь, что я войду в твой офис голой? — она едва узнала свой собственный голос, шокированный и все же несомненно возбужденный.

— Хмм... — Хадсон скользнул рукой под ее пальто и накрыл ладонью грудь поверх тонкой ткани блузы. — Обнаженная кожа под пальто. Представь, как затвердеют твои соски от грубого материала, как они будут жаждать успокаивающей ласки моего языка, — его

пальцы спустились к ее талии и ниже, к бедру. — Подумай, как на твое тело обрушится волна прохладного воздуха, — сказал он, незаметно поглаживая ее спину под пальто. — Какой влажной ты будешь к тому моменту, когда я наконец войду в тебя, — он резко прижался к ней, именно там, где она жаждала его прикосновений, и ее губы приоткрылись в беззвучном вздохе. — Ты уже влажная для меня, Алли?

Лифт оповестил их о прибытии на 96-й этаж. Хадсон опустил руку.

— После тебя, — сказал он, отступая и жестом указывая на двери.

Пошатываясь, Алли вышла из лифта в ресторан Signature Room. Интерьер в стиле арт-деко с теплыми деревянными акцентами задавал тон сдержанной элегантности, но все это блекло по сравнению с окнами от пола до потолка, которые представляли полный, в 360 градусов обзор на весь город. Если бы ее голова уже не кружилась от весьма детальных офисных фантазий Хадсона, она закружилась бы от сногшибательного вида.

Спустя считанные секунды их поприветствовал мужчина в черном смокинге.

— Добрый вечер, мистер Чейз.

— Добрый вечер, Эрнесто. Надеюсь, тебе удалось организовать то, о чем я тебя просил? — он помог Алли снять пальто и протянул его женщине, из ниоткуда появившейся рядом.

— Несомненно. И для нас это в радость.

— Благодарю. Я понимаю, что прошу многого в столь короткий срок.

— Вовсе нет. Мы счастливы услужить вам, — Эрнесто улыбнулся Алли. — Тем более, что вы упомянули об особом случае.

Хадсон приобнял Алли за талию. Тепло глядя ей в глаза, он произнес:

— Действительно, очень особый случай.

— Камилла проводит вас к вашему столику. Пожалуйста, дайте знать, если понадобится что-то еще.

— Ты же сказал, что никогда не ужинал здесь? — прошептала Алли, пока они пробирались сквозь людный холл.

— Не ужинал.

— Тогда откуда он знает твое имя?

Уголок рта Хадсона изогнулся в самоуверенной улыбке.

— Я рассматриваю возможность негласного партнерства в их управляющей компании.

Алли улыбнулась и покачала головой. Хадсон Чейз, очевидно, штурмом завладел всем Чикаго. И то, когда он превратит третий по величине город страны в свою собственную площадку для игры в Монополию, лишь вопрос времени.

Администратор подвела их к круглому столику с мраморной столешницей, располагавшемуся возле одного из окон, и протянула Хадсону карту вин в кожаной обложке. Когда мгновение спустя к ним подошел официант, Хадсон заказал бутылку Дон Периньон.

— На данный момент у нас закончился Дон Периньон 2004 года, сэр. Могу я предложить вам Боллинжер 2003 года?

— Да, это подойдет.

Сложно было не заметить контраст с реакцией Джулиана в аналогичной ситуации. Она слышала это лишь по телефону, но и за тысячу миль ей стало некомфортно. И вновь Алли задумалась даже не о том, что нашла в нем, а о том, как она могла быть настолько слепа, чтобы на самом деле согласиться выйти за него. Но она тут же отбросила непрошенные вопросы подальше. Сегодняшний вечер был посвящен не прошлому, а настоящему и

будущему. Будущему, которое она надеялась разделить с мужчиной, сидящим напротив.

Алли наблюдала, как он протянул винную карту молодому парню, явно испытывавшему облегчение, и переключил внимание на нее.

— Шампанское? — спросила она, приподнимая бровь.

— Так принято для празднования, разве нет?

Она улыбнулась в ответ.

— Да. Хотя должна предупредить, шампанское сразу же ударяет мне в голову. Не ручаюсь за свои действия после двух бокалов.

— Принято к сведению. Закажем две бутылки.

Она рассмеялась.

— Давай начнем с одной и посмотрим, как пойдет.

Вернувшись с бутылкой шампанского, официант открыл ее со скромным изяществом. Наполнив два хрустальных бокала, он поставил бутылку в идеально блестящее серебряное ведерко со льдом, предусмотрительно поставленное на стол.

Хадсон поднял свой бокал.

— Полагаю, я должен сказать что-то проникновенное. Но в данный момент слова покинули меня.

Хадсон никак не мог понять, что для Алли слова не имели значения. Его взгляд и без того все сказал. Улыбнувшись, она подняла бокал и осторожно чокнулась с ним.

— Твое здоровье.

Несколько мгновений они просто молча потягивали шампанское, упиваясь видом друг друга. Алли гадала, заметили ли другие посетители нескрываемую, почти осязаемую страсть, пульсировавшую между ними. Не то чтобы это имело значение. Они с Хадсоном наконец-то были вместе, и ни один человек на земле не мог испортить ей этот момент.

— Пей свое шампанское, — сказал он. — Я планирую соблазнить тебя позже.

Слава Богу. Может, если повезет, ей удастся убедить его пропустить ужин и отправиться домой после коктейлей. Алли осушила бокал, надеясь, что он поймет намек. И почти сразу же ощутила тепло пузырьков внутри.

— Ты мог соблазнить меня в своем офисе, знаешь ли. Безо всякого шампанского.

— Я знаю, — он изменил позу. — Упущенная возможность, несомненно.

Протянув бокал, она наблюдала, как он поднимает бутылку из ведерка и наполняет изящный фужер. Внешне Хадсон представлял образец спокойствия. Но Алли знала, что он взволнован не меньше нее, а то и больше. Полная надежды улыбка осветила ее лицо.

— Кажется, мистер Чейз, вы не сожалеете об этом решении, не так ли?

Он усмехнулся себе под нос, погружая бутылку обратно в лед.

— Только с того самого момента, как мы покинули мой офис, — он поднял бокал и облизал губы. — Но предвкушение сделает все еще слаще.

Проклятье. Она сделала большой глоток шампанского. Это будет долгая ночь.

Позади нее заиграл струнный квартет. Алли обернулась и увидела танцпол, где на паркете несколько пар покачивались под музыку.

Хадсон встал и протянул ей руку.

— Потанцуешь со мной?

Как будто она могла ему в чем-то отказать.

Алли вложила руку в его ладонь, неспособная оторвать от него взгляд, пока он вел ее на танцпол и привлекал в свои объятия. Что-то изменилось. Тени, омрачавшие его прекрасное

лицо, уши, а их место заняла улыбка, какой она никогда у него не видела. Он выглядел расслабленным, да, но что-то еще. Она никак не могла понять, и наконец спросила:

— Что это за выражение на твоём лице?

— Счастье, — сказал Хадсон, притягивая ее ближе к себе и прижимаясь губами к виску. — Не каждый день мужчина получает желаемое.

Будучи сбитой с толку, она отстранилась и посмотрела на него.

— Мы и раньше танцевали.

— Если ты имеешь в виду мероприятие в Филдовском музее, едва ли это то же самое, — он медленно вел их сквозь уже немалую толпу танцующих. — И если помнишь, тот танец был недолгим.

Как она могла забыть? В тот момент Алли настолько погрузилась в воспоминания о подростковом романе с Хадсоном, что едва помнила собственное имя, не говоря уж о том, что у нее есть жених. И когда Джулиан положил руку на ее плечо, она едва не подпрыгнула от неожиданности.

— Я думала скорее о ночи, когда мы босиком танцевали в гостиной твоего дома у озера, — сказала она.

— Это было здорово, — блеск его глаз сообщил ей, куда забрели его мысли. — А то, что последовало за этим — еще лучше. Оставило незабываемые впечатления, если память меня не подводит. Но я имел в виду не танец с тобой.

Она наклонила голову набок.

— Тогда что?

— Это. Выходить с тобой в свет. И ты смотришь на меня так, как будто в этой комнате мы только вдвоем.

И в этот момент действительно не существовало ничего больше. Весь мир Алли сузился до него одного. До того, как его потемневшие глаза упивались ею. До того, как его рука баюкала ее ладонь, как он держал ее в объятиях. До того, как приоткрылись во вздохе его губы.

Их танец замедлился до легкого покачивания.

— Алли, я...

Кто-то толкнул ее сзади, когда окружающие пары направились обратно к столикам. Алли оглянулась и увидела почти опустевший танцпол. Когда закончилась музыка?

Что-то за ее плечом привлекло внимание Хадсона, и он коротко кивнул.

— Похоже, наш столик готов.

Алли направилась к главной лестнице, которая вела в обеденный зал этажом ниже, но Хадсон остановил ее, придерживая за локоть. Его губы прижались к ее уху.

— Иди в дамскую комнату и сними трусики, — прошептал он.

Она в изумлении распахнула рот. Первой мыслью было спросить, не шутит ли он, но выражение его лица не оставляло сомнений в серьезности его намерений.

— Иди, — тихо скомандовал он. — А как закончишь, встретимся в комнате Мичиган.

Алли уставилась на него.

— Мы ужинаем не в ресторане?

— Нет, я заказал отдельную комнату.

— Я думала, все это затевалось ради того, чтобы выйти со мной на люди.

— Я делил тебя с остальным миром во время коктейлей, но я эгоистичный мужчина и хочу, чтобы на ужине ты целиком принадлежала мне. Кроме того, как бы мне ни нравилось

мучить тебя на людях, осознание того, что под этой юбкой ты влажная и голая, несомненно заставит мой член затвердеть, — его взгляд потемнел. — А теперь иди.

С бешено колотящимся сердцем Алли повернулась и направилась в уборную. Очутившись внутри, она миновала зеркала и сразу подошла к одной из кабинок. Дай Алли себе время обдумать этот поступок, она никогда бы не осмелилась на такое. Потянувшись под юбку, она стянула трусики. Прохладный воздух омыл ноющее естество, и она задрожала. Она сомневалась, что ее реакция связана с температурой комнаты. Скорее с мыслью о Хадсоне, касающемся ее гиперчувствительной кожи. Одна лишь мысль о том, что он задумал делать с ней за ужином, заставила все тело дрожать от предвкушения.

На обратном пути она глянула в зеркало. Ее глаза горели, щеки разрумянились, но в остальном она выглядела совершенно презентабельно. Никто бы не заподозрил, что она вот-вот пройдет по ресторану без трусиков, думая лишь о том, как умелые пальцы Хадсона заставляют кончать ее снова и снова.

Комната Мичиган располагалась в южной части здания. Войдя внутрь, Алли очутилась в помещении с интимной атмосферой, где стоял лишь один-единственный стол, накрытый белой льняной скатертью и сервированный на двоих. Черно-белый с золотыми акцентами фарфор стоял на плоских золотых блюдах, идеально подчеркивая огни города, мерцавшие золотистым сиянием. Возле каждого набора приборов стояло несколько хрустальных бокалов, а в центре стола возвышались свежие цветы и свечи.

Но не вид роскошно сервированной приватной комнаты лишил Алли дара речи, как только она вошла в комнату. Это все Хадсон, стоявший на фоне городского ландшафта.

— Привет, — это все, что ей удалось сказать, наконец подойдя к нему.

Хадсон улыбнулся и отодвинул ее стул. Она села, заметив, что другой стул стоял не напротив, а рядом с ее местом. Слова 'на расстоянии вытянутой руки' сразу всплыли в голове, и она слегка подвинулась.

— Ты так прекрасна в свете свечей, — сказал он, присоединяясь к ней за столом. — Но с другой стороны, ты в любом свете прекрасна.

Алли почувствовала, как теплый румянец заливает щеки. Ради всего святого, почему она так нервничает? Дело в том, что она сидит за столиком в небоскребе, а ее трусики лежат в сумочке? Или же дело в том, что она сидит за столиком в небоскребе с мужчиной, которого любит? И хотя первый фактор должен был бы влиять сильнее, она подозревала, что виной тому все же второе. Секс для них никогда не был проблемой. Они довольно легко перешли к этой стадии, бессмысленно было отрицать химию между ними. Но отношения для обоих были еще не изведанной территорией. Каково все будет теперь, когда им не нужно таиться? Как отреагируют их друзья и коллеги?

Коллеги.

Эта мысль окатила Алли точно ведро ледяной воды. Она слишком увлеклась, купаясь в пылу их открыто признанных чувств, что даже не подумала о том, какие последствия их воссоединение будет иметь для Ингрэм.

— Хадсон, нам надо поговорить о... — начала она. Но суматоха в дальней части комнаты прервала ее на полуслове. Официант протолкнул сквозь двери тележку, нагруженную подносами под крышками.

— Надеюсь, ты не возражаешь, что я взял на себя смелость заказать заранее.

Алли попыталась изобразить праведный гнев, но не очень преуспела.

— Пытаешься избежать долгого процесса заказа? — поддразнила она.

— Возможно, — он смущенно улыбнулся. — Есть у тебя склонность, как бы это сказать, усложнять процесс.

Когда она изумленно раскрыла рот, Хадсон протянул руку и накрыл ее ладонь.

— И я ничего не стал бы менять, — его большой палец поглаживал тыльную сторону ладони — простой жест послал дрожь по ее позвоночнику. — Но да, я бы хотел, чтобы ты как можно быстрее очутилась дома, подо мной.

Алли обернулась. Официант был занят подготовкой подносов.

— Он не слышал. И как только ужин будет сервирован, он уже не вернется.

Каждый мускул ее тела ниже талии сжался в ответ на соблазнительный тон его голоса. К черту уединение после того, как подадут ужин. Судя по ощущениям, она взорвется еще до того, как им нальют вина.

Она взяла стакан воды и отпила глоток, успокаиваясь.

— Я решил, что будет лучше воздержаться от первого блюда, чтобы у нас осталось место для десерта, — Хадсон подмигнул. — Знаю, у тебя просто ненасытный аппетит к маленьким порочным слабостям.

Она поперхнулась водой.

— Вы в порядке, мэм? — официант тут же оказался позади нее.

— Да, да, я в порядке, — как можно более женственно она вытерла воду с подбородка. Хадсон наблюдал за ней с нескрываемым весельем.

Официант налил немного вина на пробу в бокал Хадсона, и после одобрения наполнил оба бокала. Мгновение спустя он подвез к столику тележку с блюдами.

— Так что в меню на сегодняшний вечер? — спросила Алли. Глаза Хадсона едва уловимо расширились, и она знала — ее намек не остался незамеченным. Хорошо. Она улыбнулась. В эту игру можно играть вдвоем.

— Возможно, вы окажете нам честь? — попросил Хадсон официанта.

— Конечно, — он начал открывать блюда, детально описывая их перед тем, как расставить на столе. — Сегодня шеф приготовил жаркое из креветок с филе говядины и шейками омара под соусом бер-блан с розовым перцем, жареный фарро(8) и стручковую фасоль, а также пассерованный лосось с ризотто, пармезаном и томатным релишем(9), — он выставил несколько тарелок меньшего размера. — Также здесь есть жареные грибы, цветная капуста в беконе и картофель лионез, — расставив закуски по сторонам от основных блюд, официант спросил: — Могу я принести вам что-то еще?

Что-то еще? А разве что-то еще осталось незаказанным?

— Нет, благодарю вас, — сказал Хадсон. — На этом все.

С изумлением осмотрев весь ассортимент, Алли встретилась с любопытствующим взглядом Хадсона.

— Ожидаешь еще гостей? — поинтересовалась она.

— Едва ли, — его губы изогнулись в похотливой улыбке. — Я иногда бываю извращенным ублюдком, но не собираюсь позволять кому-то смотреть на тебя.

Алли тяжело сглотнула. Смотреть? Смотреть на что?

— Я просто хотел убедиться, что закажу что-то на твой вкус, — протянув руку, он снял серебряную крышку с единственной тарелки, оставшейся на подносе. У Алли слюнки потекли от вида шедевра, скрывавшегося под ней. — Хотя я знаю, что на десерт ты бы предпочла шоколадный торт с муссом.

Она перевела взгляд на Хадсона, и все мысли о шоколадном муссе улетучились.

— Я бы предпочла тебя.

Он прищурился.

— Уверена, что я не иду на втором месте с небольшим отставанием? Я знаю, как ты любишь шоколад, Алессандра.

— Возможно, вы идете наравне. Как насчет компромисса — ты под шоколадным муссом?

Он усмехнулся.

— Не уверен, что Эрнесто предлагает в меню такое.

Алли отозвалась такой же озорной улыбкой.

— Ну, я уверена, что он предоставляет десерт на вынос.

— Ешь, — сказал Хадсон, подвигая к ней тарелку с филе и шейками омаров.

— Откуда ты знал, что мне этого хотелось?

— Я знаю твое тело, Алессандра, — тон его был тихим и искушающим. — Скажем так, когда официант поставил эту тарелку на стол, твоя реакция показалась смутно знакомой.

Она закатила глаза, но отрицать его правоту было бессмысленно. И как бы ей ни хотелось вместо этого заказать все на дом и поесть в постели Хадсона, теперь, когда еда оказалась перед ней, она поняла, насколько голодна.

Тарелка Хадсона все еще была пуста. Вместо того, чтобы есть, он просто потягивал вино, наблюдая за ней поверх кромки бокала, пока она разрежала нежную говядину.

— О, никакого 'Мне нравится смотреть, как ты ешь'. Тебе сегодня понадобятся все твои силы, Чейз, — она махнула вилкой на остальные тарелки. — Налетай.

Улыбнувшись и покачав головой, Хадсон подвинул к себе лосось.

Алли наблюдала, как он попробовал рыбу, а затем опустил руку под стол. Ее бедра слегка раздвинулись в предвкушении, но он лишь поправил салфетку на коленях.

— Как тебе? — спросила она.

— Великолепно, что пойдет на пользу не только вечеру, но и будущим инвестициям, — его голос был таким спокойным, что она задумалась, не забыл ли он о просьбе снять трусики. Так даже к лучшему. Пока что. Груз недавних мыслей продолжал ее беспокоить, и хотя Алли не хотела портить настроение, прерванным официантом разговор все равно должен был состояться. И лучше рано, чем поздно. Лучше отделаться сразу и наслаждаться остатком вечера.

Некоторое время спустя она вновь подняла тему.

— Хадсон, нам нужно кое-что обсудить.

Он помедлил, не донеся до рта вилку с ризотто.

— Судя по твоему тону, это не нехватка предметов нижнего белья.

Так он все же помнит.

— Нет, — она улыбнулась. — Хотя до этого тоже нужно дойти.

Кончики его пальцев погладили подол юбки. Неожиданное прикосновение заставило ее подпрыгнуть.

— Так что ты говорила? — спросил Хадсон, продолжая все выше поднимать ткань юбки. Правой рукой он спокойно ел, сохраняя заинтересованное и искреннее выражение лица, никак не выдавая, что творила его левая рука под столом.

— Нам надо поговорить об Ингрэм.

Хадсон выгнул темную бровь. Под столом он начал вырисовывать круги на ее колене.

— Ты правда хочешь сейчас обсуждать дела?

— Не сам бизнес. Скорее, нас. И как это, — Алли указала между ними, — повлияет на бизнес.

— Не понимаю, как это вообще должно влиять на бизнес, — он усмехнулся. — Ну, кроме очевидных преимуществ.

— Преимуществ?

Его пальцы погладили обратную сторону ее колена.

— Хмм, работа допоздна определенно станет более приятным занятием.

Он не улавливал суть. Алли глубоко вздохнула и бросилась в омут с головой.

— Я не позволю тебе продать газету, Хадсон. Сколько бы оргазмов ты мне не подарил.

Рука под столом задрала ее юбку еще выше, позволяя потоку холодного воздуха скользнуть по разгоряченной коже.

— Я и не ожидал иного.

Алли накрыла его руку своей, останавливая ее плавное скольжение вверх по бедру.

— Я серьезно, Хадсон. Я знаю, что не подготовлена для такой работы, и почти все видят во мне избалованную наследницу, которой должно быть за счастье резать ленточки и играть в теннис. Но я изо всех сил пытаюсь узнать все об Ингрэм и в процессе, возможно, заслужить хоть немного уважения совета. Я не могу допустить, чтобы наши отношения подрывали это.

Взгляд Хадсона смягчился, рука под столом сжала ее ладонь.

— Алли, уверяю тебя, я не сделаю ничего, чтобы принизить тебя, ни в спальне, ни в зале заседаний. И я не назвал бы тебя неподготовленной — ты очутилась в этой позиции в результате необычного и весьма стрессового стечения обстоятельств. И все же ты добилась успеха. Объем материала, который ты усвоила за прошедший месяц, потряс бы и самого бывшего руководителя, а ты не только оказалась на высоте, но и одержала верх надо мной, что нечасто случается.

По его лицу скользнула тень улыбки.

— Ты определенно подготовилась. Презентуя проект, основанный на ностальгии, ты подкрепила его неоспоримыми фактами. И твой план замещения доходов стал решающей каплей. В итоге я не был удивлен, что тебе удалось склонить на свою сторону достаточное количество голосов. И хоть я надеюсь однажды поймать тебя на этом конференц-столе, когда мы будем работать допоздна, я не менее предвкушаю множество вопросов, по которым у нас возникнут разногласия, — он поднял их сплетенные руки и нежно поцеловал ее запястье. — Я люблю тебя, Алессандра, и был впечатлен тобой намного чаще, чем ты думаешь.

В этот момент Алли казалось, что она никогда не сможет любить его сильнее, чем сейчас.

— Я успокоил твои тревоги? — спросил он нежным и теплым тоном, вторящим выражению его лица.

Она кивнула, неспособная говорить из-за кома, вставшего в горле.

— Отлично, — он улыбнулся и глянул на часы. — Тогда теперь, мадам гендиректор, я бы хотел внести предложение не обсуждать вопросы, касающиеся бизнеса, за столом. У меня для вас сюрприз, и он вот-вот начнется.

Он встал, не отпуская ее руки, и подвел ее к окну. Когда они подошли к самому стеклу, Хадсон встал позади нее, обвивая руками талию. И как по сигналу в небо взмыли две световые ракеты, разлетевшиеся красным и золотым.

Алли изумленно ахнула.

— Фейерверки?

— Ты их любишь?

— Обожаю, — она повернулась в его руках.

Хадсон запечатлел нежный поцелуй на ее губах.

— Тогда смотри, — он кивнул на окно, накрывая рукой ее живот и крепче прижимая к себе. Его эрекция ткнулась в нее сзади.

— Ты затвердел для меня, — сказала она.

— Как и всегда, — промурлыкал он, губами блуждая по ее шее. Добравшись до уха, он прикусил ее мочку. — А ты? Ты влажная для меня, Алли?

— Возможно, тебе стоит проверить самому, — ее голос был полон отчаянной жажды, но ей было наплевать. Его дыхание у уха, его губы на коже... после нескольких часов предварительных игр и ужина без трусиков это было слишком. Она желала его рук на себе, и ей было плевать, кто может войти и увидеть их.

Скользнув рукой в V-образный вырез блузки с запахом, Хадсон стал мять ее грудь, а правую руку запустил под юбку. Низкий, сексуальный звук завибрировал в его груди, когда его пальцы нашли ее влажную плоть.

— Ты полностью готова для меня, а я едва тебя коснулся, — поддразнил он, одной рукой пощипывая напрягшийся сосок, а другой кружа по ее трепещущему естеству. — Ты хочешь меня внутри, Алли? Ты жаждешь ощутить мои пальцы и член?

— Боже, да, — простонала она. Алли хотела, чтобы он взял ее прямо здесь, жестко оттрахал сзади, прижимая обнаженной грудью к холодному стеклу.

— Ты испорченная девочка, Алессандра.

— Только с тобой, — она задыхалась, стекло перед ней запотело. — Только с тобой.

И это было правдой. Вся жизнь она была образцом примерной девочки. Но Хадсон пробудил в ней то, о существовании чего она никогда не догадывалась. С ним она была дикой и похотливой. Никто не мог вызвать такую реакцию ее тела. Они были созданы друг для друга.

Он ввел один палец внутрь.

— Ты такая готовая.

Так и есть. Алли пылала от жажды, все ее тело отзывалось на каждое умелое движение его пальца. Но этого было недостаточно. Повернув голову, она прижалась щекой к его лицу.

— Больше. Мне нужно больше.

Он сжал ее набухшую грудь и ввел второй палец.

— Этого ты хочешь?

— Да, — прошипела Алли. Она была так близко. Быстро покачивая бедрами, она насаживалась на его руку, устремляясь к нарастающему оргазму.

По другую сторону стекла искрящиеся снопы сине-зеленых искорок отражались на темной поверхности озера. А внутри комнаты ее тело дрожало, стискивая его пальцы, вдалбливающиеся в нее снова и снова.

Головокружение от шампанского смешалось с невероятно сильным возбуждением. Перед ней развернулась финальная часть фейерверка. Взрывы одним за другим наполнили ночное небо калейдоскопом цвета. Алли откинула голову на плечо Хадсона, покоряясь безжалостному ритму его пальцев.

Он прикусил ее шею.

— Не кончай, — выдохнул он ей на ухо. — Я хочу быть в тебе, когда это случится.

Небо над озером потемнело, и его движения замедлились, возвращая ее от грани наслаждения. И когда он убрал руку, она едва не захныкала.

— Думаю, самое время отвезти тебя домой.

Этот мужчина был воплощением зла. Адски сексуального чистейшего зла.

Но Алли знала, что Хадсон возбудился не меньше ее, и потому, поправляя блузку, она гадала, дотерпят ли они до его пентхауса. В лифте, когда переплетя пальцы, они раздевали друг друга взглядом, она убедилась, что этому не бывать. А когда дверь лимузина захлопнулась, укутывая их абсолютной темнотой, она знала, что у них не было ни единого шанса.

Она едва успела опуститься на сиденье, как он запечатал ее рот яростным поцелуем. Как будто ему это было жизненно необходимо. Как будто последние несколько часов были невыносимыми. Она любила его таким, грубым и необузданным в своем желании к ней. От этого каждая клеточка ее тела наполнялась жизнью. Она застонала, раскрывая губы, позволяя ему углубить поцелуй, ласкать ее искусными ударами языка.

И как показалось Алли, старые правила отправились к чертям. Она забралась на колени Хадсона, задирая юбку так, чтобы оседлать его, попутно обнажая повязки. Его руки погладили ее бедра, ее ладони прошли по его груди. Даже сквозь рубашку она ощутила жесткие мышцы пресса, и желание коснуться его кожи стало почти невыносимым.

Мимо них проносился насыщенный трафик Мичиган Авеню, машины и пешеходы, но все это не имело значения. В этом лимузине существовали лишь они двое, их желание, их жажда. И больше всего Алли было нужно ощутить связь, о которой она мечтала всю ночь.

Но как только ее руки добрались до пряжки ремня, он перехватил ее запястья.

— Я думал, мы договорились подождать до дома, — пробормотал он ей в губы.

Целуя и посасывая, она продолжила дорожку по покрытому щетиной подбородку.

— Это было до того, как ты превратил меня в дрожащее желе за ужином.

Распахнув ее блузку, Хадсон запустил пальцы под кружевные чашечки лифчика, высвобождая ее грудь.

— Тут всего два квартала. Уверен, ты сможешь вытерпеть, — поддразнил он и втянул сосок в рот. Она могла поклясться, что кожей ощутила его улыбку.

Ублюдок.

— Поиграли и хватит, Хадсон. Ты напоил меня, накормил, а теперь трахни... пожалуйста.

Он усмехнулся.

— Очень романтично, мисс Синклер.

Обхватив ладонями его лицо, Алли заставила посмотреть на себя. Свет фар проезжающих мимо машин отражался в его голубых глазах. В них плясали нотки веселья, но там горела и та же первобытная нужда.

— Это был самый романтичный вечер в моей жизни, Хадсон. И я обещаю, мы сможем заниматься любовью до самой зари. Но мне нужно ощутить тебя внутри. Прямо здесь, прямо сейчас.

И словно подтверждая свои слова, она качнула бедрами, потираясь о его затвердевший ствол. Хадсон зашипел, и в этот раз, когда ее пальцы добрались до ремня, он не стал ее останавливать. Он просто потянулся к клавише на панели над ними.

— Поезжай домой длинным путем, Макс.

— Сэр? — последовал ответ. Алли выглянула в окно. Лимузин был в половине квартала от Палмолив Билдинг. Неудивительно, что он казался сбитым с толку.

— Он думает, что ты сошел с ума, — прошептала Алли.

— Я близок к этому, — едва слышно прошептал Хадсон и снова нажал кнопку интеркома. — Поезжай вверх по Лейк Шор Драйв. До самого конца и обратно, пожалуйста. Свет переключился на зеленый, и машина миновала дом Хадсона.

— Похоже, я твой на все следующие пятьдесят восемь кварталов, — он усмехнулся. — И что ты будешь со мной делать?

Алли прикусила губу.

— У меня есть парочка идей, — сказала она, расстегивая ширинку и высвобождая его из боксеров. Он застонал, когда она стала ласкать нежный точно бархат и все же твердый точно камень ствол. Его бедра напряглись, и она инстинктивно усилила хватку, поглаживая его от основания до конца. Большим пальцем она погладила чувствительную головку, ощущая доказательство его возбуждения. Удерживая его взгляд, она поднесла палец к губам, медленно слизывая с кожи его вкус.

— Проклятье, Алли. Возьми меня внутрь себя. Я хочу, чтобы ты скакала на моем члене.

Приподнявшись на коленях, она направила его к входу. Все ее тело жаждало его, но она не торопилась, наслаждаясь моментом. Обхватив член рукой, она поглаживала им свои влажные складочки, дразня их обоих, смазывая его своей влагой.

— Медленно, — с трудом выдавил он, едва сдерживаясь. — Я хочу почувствовать каждый дюйм.

От одной мысли о том, как он наполняет и растягивает ее, она задрожала всем телом. Затем в нее проникла толстая головка, раскрывая ее, и Алли стала хватать ртом воздух. Его руки легли на бедра, мучительно медленно опуская ее.

Хадсон не отводил от нее взгляда. Опускаясь на него, она наблюдала, как раскрылись его губы, как тяжело вздымается грудь. Вот по этой связи она скучала. Вот чего жаждала одинокими ночами. Когда они были вместе, ничто в мире не имело значения. Ничто не могло их коснуться.

Когда она полностью вобрала его, Хадсон откинул голову на спинку сиденья. Он вошел так глубоко, что ей показалось, что она кончит от одного лишь чувства наполненности. Но затем он изменил позу, напрягая бедра, и она знала, что захочет большего. Больше движений, больше его. Обвив руками его шею, она стала плавно подниматься и опускаться, сначала медленно, но с каждым толчком все более безумно и неистово.

— Проклятье, внутри тебя просто охрененно, — его губы прокладывали дорожку обжигающих поцелуев по ее шее.

Алли застонала, запрокидывая голову и подставляя ему ноющие груди. Руками она зарылась в его волосы, пальцами вцепляясь в волнистые пряди, удерживая его рядом, когда его зубы сомкнулись на ее соске. Прикусив грудь, он заставил ее вздрогнуть, но тут же смягчил боль поглаживаниями языка. Затем его рука скользнула между их тел, круговые движения большого пальца заставили все ее естество стиснуться вокруг его члена.

— Да, вот так, заставь меня кончить, — как только эти слова сорвались с ее губ, на нее хлынул головокружительный поток мощного оргазма. Он длился и длился, пульсируя по всему телу волнами, а его бедра продолжали вминаться в нее, содрогаясь в спазмах наслаждения.

Алли рухнула на тяжело вздымающуюся грудь Хадсона.

— Извини, — сказала она. Дыхание ее было таким же прерывистым, как и его.

— Извини? — рука Хадсона поглаживала ее спину.

— За то, что запрыгнула на тебя, едва мы сели в машину, — она взглянула на него. — Я вроде как сорвала твой план.

В его груди зародился смешок.

— Все в порядке. Кроме того, если память меня не подводят, были даны кое-какие обещания, — он усмехнулся. — До самой зари, если не ошибаюсь.

Она не смогла сдержать широкую улыбку, расплывшуюся по лицу.

— Собираетесь всю ночь не давать мне спать, мистер Чейз?

— По правде говоря, да, мисс Синклер, — он поднял голову со спинки сиденья и выглянул в окно. Лимузин подъехал к концу Лейк Шор Драйв и разворачивался. — Но пока... — он крепче обхватил ее талию и, не разъединяя их тел, одним движением перекатил ее под себя на сиденье. — Нам все еще предстоит дорога домой.

(8)Фарро — это вид пшеничных зерен с ореховым ароматом, которые часто используются в качестве замены для макарон или риса. У этого злака похожий на коричневый рис вкус

(9)Релиш — это соус, приготовленный из маринованных или нарезанных овощей или фруктов. Возник в Индии и с тех пор стал популярным во всем мире.

Хадсон проснулся от того, что мягкая ладошка погладила его талию, а по бедру скользнула женская нога.

— Давай прогуляем, — сказала Алли.

— Звучит как предложение, от которого невозможно отказаться. Что ты задумала? — он подтянул ее повыше и прижался губами к виску. Изгибы ее тела идеально подходили под жесткие контуры его мышц. Длинными пальцами поглаживая обнаженную спину Алли, он не смог сдержать вибрировавшего в груди мурлыканья удовлетворенного и счастливого мужчины.

— Не знаю, — она пожала плечами, ее мягкая кожа потерлась об него, и тело Хадсона мгновенно проснулось, резко отправляя кровь, питавшую мозговые клетки, прямо к члену. — Нам нужно наверстать немало упущенного времени. Мы могли бы провести выходные вместе, — Алли подвинула ногу, коленом слегка задевая головку затвердевшего ствола. — Начиная прямо сейчас.

Зашипев, Хадсон одним движением перекатил ее под себя.

— Я бы с удовольствием заперся с тобой на все выходные, — наклонившись, он провел губами по ее подбородку. — Но сегодня вечером я должен встретиться с Ником после собрания анонимных алкоголиков.

— Я не знала, что он уже выписался из клиники.

— Буквально на этой неделе, — Хадсон посмотрел на нее, взглядом скользя по изящным контурам лица. — Я бы отменил, но это наша первая встреча с ним с тех пор, как его выписали.

— Не глупи. Ник сейчас должен идти на первом месте, — ее взгляд смягчился. — Как у него дела? — будь это любая другая женщина, он наверняка заметил бы разочарование в голосе или выражении лица, но с Алли не было ничего, кроме искренности и настоящего интереса.

— Пока что хорошо. Похоже, программа ему действительно помогла. Хотя, кажется, он беспокоится насчет праздников, называет их спусковым механизмом. Не то чтобы они играли большую роль в нашем детстве, — Хадсон нахмурился, глубокие складки залегли в уголках его рта. — Но с другой стороны, возможно, поэтому...

С грохотом стальные двери открылись, спуская с цепи воспоминания о праздниках, которые довелось пережить ему и Нику. Большинство взрослых любят рассказывать о праздничных традициях своей семьи, но Хадсон не принадлежал к их числу. У него не было счастливых воспоминаний о распевании рождественских песенок или открытии подарков утром в сочельник. Определенно не было и матери, жарящей бекон на кухне, пока ее дети играют с игрушками, которые она так тщательно выбирала.

Поначалу все было иначе, но те воспоминания размылись и затуманились до такой степени, что казались лишь плодом воображения. После смерти отца все изменилось, и именно эти образы вставали в голове при мысли о праздниках: мать, отсчитывающая дни по количеству таблеток, оставшихся в баночке; Ник, умоляющий его достать елку или радующийся выброшенному Чарли Брауну(10), которого Хадсон притащил домой с какой-то свалки; или он сам, еле как наскребающий денег, чтобы Нику было что открыть в то утро,

когда другие дети радуются гостининой, полной игрушек. От этих воспоминаний он не мог избавиться. Они походили на черную плесень, которая завелась на стене и постепенно расползается все сильнее.

Алли взяла его лицо в ладони, возвращая в настоящее.

— Знаешь, бывают встречи, на которые ты тоже можешь пойти. Группы семейной поддержки.

— Твоя забота — одна из тех вещей, которые я в тебе обожаю, — изогнув губы в порочной ухмылке, он склонился к ее шее и стал посасывать чувствительную кожу. — Но мне хотелось бы поподробнее узнать про идею с прогулом.

Ее пальцы забрались в его волосы, ногти слегка царапали кожу головы. Проклятье, она знала все его 'спусковые механизмы'.

Судорожно вздохнув, Алли дернула его голову вверх.

— Пошли за покупками к Рождеству, — сказала она, просяив.

— У меня есть люди, которые этим занимаются, — он снова опустил голову, языком дразня ямку ее горла.

— Не будь Гринчем. Рождество не Рождество без прогулки по Масы's на Стейт стрит.

Хадсон улыбнулся ей в кожу.

— Ах, я обожаю Масы's.

Она рассмеялась.

— Я имела в виду не примерочные.

— Проклятье, — его пальцы отбросили покрывало, обнажая ее тело.

— Я имела в виду Уолнат Рум(11), ланч под огромной елкой... О! Давай купим елку.

Он накрыл ладонью ее грудь, большим пальцем поглаживая сосок.

— Обычно я не украшаю пентхаус, — заменив большой палец указательным, он продолжал поглаживать сосок, пока тот не затвердел от прикосновений. — Есть команда рабочих, которые украшают офис. Могу позвонить им.

— И в чем тогда веселье?

Хадсон не ответил. Вместо этого он накрыл сосок губами, нежно прикусив.

Ее руки метнулись к его лицу, отчего ему пришлось выпустить ее грудь.

— Я хочу этого, Хадсон. Я хочу сделать эти праздники особенными для Ника, — ее голос понизился до шепота. — Кроме того, это будут первые праздники без моей семьи, — ее взгляд потух от осознания одиночества и ужасной сцены, постоянно встававшей перед глазами. Но глядя на нее, Хадсон видел в глубине искорки надежды, побуждавшие ее двигаться дальше и создавать новые воспоминания. Воспоминания с его участием.

И вот так просто Алли заложила первую трещину в основании его окаменевшего сердца, крошечный раскол, позволивший ей протиснуться сквозь мрачные воспоминания, являвшиеся противоположностью картин Нормана Роквелла. Он посмотрел на все с другой стороны и понял, что не может пренебречь двумя людьми, которые были для него всем. Он не мог представить себе, как проживает дни во тьме, окружившей его точно смерть с гребаной косой. Но как и смерть, его воспоминания всегда были с ним, таились во тьме, ожидая шанса ударить его о кирпичную стену.

Отбросив мрачные ощущения от прогулки в рождественское прошлое, Хадсон сосредоточился на нынешнем Рождестве. Он нужен Алли. Ее необходимо отвлечь всей этой праздничной мишурой. И чтоб ему провалиться, он напялит чертов костюм Санты, если это заставит ее улыбнуться.

— Ладно, — он накрыл ее губы поцелуем, дразня медленными ласками языка.

Алли широко улыбнулась ему в губы.

— А после шопинга можно заглянуть в Дейли Плаза, — пробормотала она, когда он спустился ниже, медленно проводя языком по ключице. — Кристиндлмаркет(12) уже открылся.

— Крист что? — он опустил еще ниже, кружа языком вокруг соска, обхватывая ртом напряженную вершинку и посасывая.

— Рождественская деревня. Все палатки уже поставлены. Думаю, мы сможем купить там елку, — когда ее сосок напрягся и набух, он переключился на другую грудь. — Может, даже выберем украшения, — продолжала она болтать с собой.

— Иисусе, женщина. Я тверд как камень. Можем мы обсудить эту хрень попозже? — он оставил дорожку поцелуев вниз по животу.

— Интересно, они успеют доставить к этим выходным.

Он медленно провел языком по ее увлажнившимся складочкам. Когда он стал кругами вылизывать ее естество, Алли судорожно вздохнула, и тихий стон сорвался с ее губ.

— Ох... ладно...

Бинго.

Терзая ее нежную плоть и наслаждаясь ее вкусом, Хадсон почувствовал, как сокращаются мышцы под его языком.

— Вот так... — он взглянул вверх между ее ног, любуясь видом изумительной женской кожи. Он хотел увидеть ее лицо, но все ее тело выгнулось, и он увидел лишь вершинки сосков и тяжело вздымающуюся грудь.

— Не останавливайся, — взмолилась Алли. Ее пальцы до боли стиснули его волосы.

— Ни за что, даже если бы мог, — сказал он, улыбаясь и закидывая ее ноги себе на плечи.

(10) Персонаж комиксов Peanuts.

(11) Ресторан, в котором с ноября по январь стоит елка высотой почти 14 метров.

(12) Вот здесь лучше погуглить картинки по запросу 'Christkindlmarkt Chicago', чтобы осознать масштабы происходящего

Запрокинув голову, Алли смотрела на 15-метровую ель, возвышавшуюся над Дейли плаза. Сразу вспомнилось, как она, еще маленькая девочка, одетая в белое пушистое пальто, стояла между родителями, когда мэр города зажег огни на официальной городской елке. Она помнила, как все собравшиеся перед сценой разом восхищенно ахнули, а вместе с ними и сотни людей, столпившиеся вокруг Кристкинлмаркета. Год за годом она сидела на лучших местах внутри, но в глубине души всегда мечтала вместе с остальными детьми есть жареные пончики с сахарной пудрой и широко раскрытыми глазами наблюдать, как стеклодувы делают елочные украшения, которые потом будут висеть на елке у них дома.

— Так что такое Кристкинд? — спросил Хадсон, выдергивая ее из детских воспоминаний. Он ворчал из-за их маленького праздничного приключения, отчаянно голосуя за день в постели вместо того, чтобы бродить среди 'толпы людей, скупающих никому не нужные вещи'. Но его настроение улучшилось, как только они вышли на заснеженные улицы. И сейчас, стоя посреди праздничной суматохи, держась за руки, Алли не могла сдержать улыбку, глядя на него. Как бы сильно ни различались их биографии, насчет праздников они были одного мнения. Ни Алли, ни Хадсон не могли похвастаться теплыми воспоминаниями. Но наслаждаясь любовью, которой искрился его теплый взгляд, Алли понимала, что это второй шанс для них обоих. Они больше не были одиноки и вместе могли создать новые воспоминания, которые постепенно затмят старые. Вместе они найдут свой путь.

— Ну, Кристкинд, — начала она, вспоминая историю, которую десятки раз слышала в детстве, — это волшебный ангел, одетая в белые с золотым одежды, с короной на длинных золотистых волосах. Согласно фольклору, она приносит подарки детям в германоязычных странах, оставляет их под елкой и исчезает, прежде чем они успевают ее заметить.

— То есть что-то среднее между зубной феей и Санта-Клаусом? — Хадсон как-то умудрялся сохранять невозмутимое выражение лица, но в глазах плясали смешинки.

Алли рассмеялась.

— Что-то типа того.

— А это все? — он жестом указал на красно-белые полосатые палатки, рядами расположившиеся в тени стальной статуи Чикагского Пикассо.

— Это Кристкинлмаркет.

Он выгнул темную бровь.

— То есть?

— Пошли, — сказала она, утягивая его за собой. — Я тебе покажу.

Хадсон тихо усмехнулся, позволяя увлечь себя в толпу. Находившийся всего в паре кварталов Кристкинлмаркет, казалось, был родом совсем из иного мира, нежели гигантские торговые центры Стейт стрит и Великолепной мили. На площади возле Дейли Центра десятки продавцов сидели в небольших палатках и продавали классические немецкие вещицы вроде шелкунчиков, часов с кукушками и пивных кружек, другие же предлагали ювелирные украшения ручной работы, одежду и игрушки. Некоторые даже демонстрировали покупателям свое мастерство в резьбе по дереву или стеклодувстве, завлекая возможностью купить предмет прямо с верстака.

Держась за руки, они продолжали бродить по лабиринту палаток, пока Хадсон не остановился у одной из них, продававшей что-то вроде небольших деревянных каруселей. Каждая состояла из нескольких ярусов замысловатых резных фигурок, у основания окруженных маленькими белыми свечками. Сверху располагалось нечто, напоминавшее лопасти вертолета(13).

— У нас была такая, когда я был маленьким, — сказал он так тихо, что Алли едва его услышала.

Когда он был маленьким. Хадсон мало говорил о своем прошлом, тем более о детстве. Сотни вопросов сразу заполнили голову Алли. Но не желая торопить его, она придержала язык и спросила лишь одно:

— Что это?

— Рождественская пирамида. Когда зажигаешь свечи, поднимается тепло и пропеллер начинает вращаться, — он осторожно подтолкнул лопасть одной пирамиды. Все ярусы начали вращаться в разных направлениях.

— Это прекрасно, — во времена ее детства дом украшали те же специалисты, что занимались окнами в магазинах торговой сети Marshall Field's. И все же, наблюдая, как вращается пирамидка, и представляя, как в детстве Хадсон смотрел на нее широко раскрытыми глазами, она поняла, что это самое лучшее рождественское украшение из виденных ею.

— Ники был одержим этой штуковиной, постоянно пытался понять, как это работает. Проблема в том, что едва он коснулся пирамидки, все лопасти отвалились, — его губы были сжаты в тонкую линию, но упоминание младшего брата все же вызвало слабую улыбку. — Он так расстроился. Но потом я починил ее, и он снова сломал ее буквально через пять минут.

Алли коснулась руки Хадсона.

— Ты всегда был так добр к нему.

Хадсон нахмурился.

— Мама всегда ставила ее в центр стола. Даже после... — его голос сорвался, и несколько мгновений они стояли молча, пока пирамида не перестала вращаться.

— Давай купим одну, — сказала Алли. — Можно поставить на обеденный стол в твоём пентхаусе.

Он покачал головой.

— Мне не нужна куча хлама. Я люблю порядок и минимализм.

Накрыв ладонью его щеку, Алли заставила посмотреть на себя.

— Я бы хотела купить ее. И представь, как обрадуется Ник, когда увидит ее, — в его глазах она различала внутреннюю борьбу. — А что касается беспорядка, лучше привыкай сразу, Чейз, потому что у меня карт-бланш во всем, что касается декорирования.

Он приподнял бровь.

— Карт-бланш?

— Ну, по крайней мере, на ближайшие несколько недель.

— На основании чьего распоряжения? — спросил он, безуспешно пытаясь скрыть улыбку.

— Моего. Ты разве не получил уведомление? — поддразнила она.

— Нет, должно быть, затерялось среди сотни других, — он коснулся ее губ поцелуем. — Ты просто замечательная, ты знаешь это?

Алли отстранилась, чтобы посмотреть на него.

— Значит, мы купим такую штуку?

— Хмм. Похоже, я не могу тебе ни в чем отказать. Выбирай, какая нравится.

— О, нет, — сказала она. — Ты у нас главный эксперт, ответственный за пирамиды. Ты и выбирай, — она быстро чмокнула его в губы. — Я буду у палатки с оберточной бумагой, подходи, когда закончишь.

Хадсон застонал, но отойдя, она обернулась на него через плечо. Он выглядел расслабленным и счастливым, болтая о чем-то с женщиной, упаковывавшей выбранную им пирамиду. Алли мельком подумала, не была ли эта такой же, как в его детстве. Не то, чтобы это имело значение. Главное, что он встретился лицом к лицу со своим прошлым. И более того, он с готовностью поделился этим с ней.

Улыбнувшись про себя, она подошла к столу, заваленному всеми возможными видами бумаги и ленточек. Несколько минут она копалась в груде красочных рулонов, выбирая, какой лучше всего подойдет для подарков, которые они ранее купили для Харпер и Ника.

— Ты не сказала, что они продают пиво, — сказал Хадсон, появляясь рядом. В одной руке он держал кружку с пивом, а в другой — нечто напоминающее крошечный башмачок. — Серьезно, это гениально. Так все это испытание рождественским шопингом становится куда терпимее, — он протянул ей башмачок.

— Что это? — спросила она.

— Нечто под названием 'глинтвейн'. Согласно мужчине в кожаных штанах, это горячее вино со специями. В комплекте с сувенирной кружкой, — добавил он, усмехнувшись. — Это, полагаю, найдет свое место в моей игровой комнате.

Алли улыбнулась.

— Отличная идея. Будет отлично смотреться за барной стойкой. Можешь поставить ее на стеклянную полочку рядом с 'Баккара'.

— Будешь и дальше дразнить меня, и я не куплю тебе жареных пончиков, на которые ты положила глаз, как только мы пришли.

Алли разинула рот от изумления. Как он умудрялся всегда знать, о чем она думает?

Хадсон криво усмехнулся.

— Говорю же, Алессандра, я неплохо научился читать твое тело, — он склонился, губами касаясь ее уха. — Особенно его желания, — его слова точно спичка воспламенили каждый нерв в ее теле. — Пей свое вино.

Она отпила глоток вина из небольшого башмачка, позволяя теплой пряной жидкости согреть внутренности. Кое-что на витрине привлекло взгляд Хадсона. Он поднял катушку широкой ленты из красного атласа.

— Выглядит многообещающе, — пробормотал он, добавляя ее к куче оберточной бумаги, которую Алли уже выбрала для покупки. Вытащив из заднего кармана бумажник, он протянул кредитку женщине в зеленой шляпе эльфа.

— Собираетесь упаковывать подарки, мистер Чейз?

— Один, если быть точным, — порочный огонек блеснул в его глазах. — И я также планирую его распаковать.

Алли улыбнулась поверх края кружки, радуясь его игривому счастливому настроению.

Хадсон забрал пакеты с их покупками.

— Что следующее в твоём списке рождественских пыток?

— Почему бы тебе просто не признать, что тебе нравится?

— Признаю, что обожаю проводить время с тобой, но я уже готов отвезти тебя домой, — он понизил голос до хриплого шепота. — И раздеться.

Алли оглянулась, с облегчением обнаруживая, что никто не слышал.

— Я позволил убедить себя, что поездка до Стейт стрит слишком коротка, чтобы повторить кое-что в лимузине, и я вел себя прилично в Масы's, хотя был до боли тверд от кое-каких заветных воспоминаний, пока ты выбирала между двумя оттенками голубого, которые, я уверен, на самом деле одинаковые. Но если так будет и дальше, я не ручаюсь за свои действия. Здесь наверняка найдется пустая палатка, и если мы не отправимся домой в ближайшее время, я трахну тебя прямо там, и плевать, кто нас услышит.

Алли едва не подавилась вином.

— Ты не посмеешь, — слова сорвались с губ почти необдуманно, и она тут же пожалела об этом. Выражение на лице Хадсона сказало ей, что он не только может сдержать это обещание, но и всерьез подумывает сделать это прямо сейчас. Он открыл рот, чтобы ответить, но она прижала пальцы к его губам.

— Не отвечай.

Он нетерпеливо выгнул бровь.

— Мне надо найти подарок своему новому ассистенту и подобрать что-то для Бена Вайса. А кроме этого остается только елка.

Хадсон застонал под ее пальцами.

— Два часа, максимум, — она убрала пальцы с его губ и заменила их нежным поцелуем. — И я твоя на остаток вечера.

— Ты будешь моей намного дольше, — пробормотал он ей в губы, прежде чем отстраниться и внести встречное предложение. — Я согласен на девяносто минут и ни секундой больше.

Алли собиралась подать протест, но он тут же пресек.

— Расслабься. Елки продают на дальнем углу площади, и я уверен, что ты со своими олимпийскими навыками сумеешь выбрать елку и два подарка за полтора часа.

— Хадсон, я физически не уложусь в девяносто минут.

Он посмотрел на часы.

— Восемьдесят девять. Будем и дальше стоять и обсуждать? — спросил он, усмехаясь.

Ох, он просто невозможен. И невыносим. И... и какого хрена с ней не так? Перед ней стоит мужчина, который невероятно сексуален в этих темных джинсах, черной кожаной куртке и с идеально взъерошенными волосами, и он хочет забрать ее домой и оттрахать до потери сознания, а она обсуждает время под шопинг?

Серьезно, Синклер, определись уже.

Хадсон обнимал ее за плечи, крепко прижимая к себе, пока они шли к дальнему краю площади, где она в рекордно короткий срок выбрала елку. Пока Хадсон расплачивался с продавцом и договаривался о доставке, она проверила телефон. Пара писем по работе, несколько сообщений от Колина — все могло подождать до понедельника, и смс-ка от Харпер.

Полагаю, никаких звонков = горячая ночь необузданной страсти?

Алли рассмеялась, отвечая:

Ты читаешь слишком много любовных романов.

На экране тут же появились маленькие точки, показывающие, что Харпер печатает. Алли покачала головой. Иногда казалось, что телефон в нее имплантировали хирургическим путем.

1. Тебе НИКОГДА не удастся прочесть слишком много любовных романов.
2. Как ты пишешь смс-ки с руками, прикованными к изголовью?

Алли почувствовала, что краснеет. Она никогда не делилась с ней своими немного извращенными занятиями с Хадсоном. По правде говоря, она вообще не делилась никакими деталями. Но живое воображение Харпер в этом не нуждалось. Единственная проблема была в том, что она попала в точку.

Мы покупаем елку.

На телефоне высветилось:

Покупка елки = горячий вечер необузданной страсти? А за этим сразу же: Я уже спрашивала, есть ли у Качка-Миллионера брат?

Созвонимся в понедельник.

В понедельник?! Ого, это будет нечто. Тебе лучше рассказать всю...

Харпер все еще печатала, но Алли уже засунула телефон в карман джинсов. Внезапно позади нее очутился Хадсон, его рука обвилась вокруг ее талии, губы скользнули по уху.

— Вы разочаровываете меня, мисс Синклер.

Алли повернулась и увидела, что другой рукой он держит веточку омелы прямо над их головами.

— Столько разговоров о рождественских традициях, и вы совсем позабыли про самую важную, — его губы замерли в сантиметре от ее рта. — Я думал, вы более тщательно подходите к делу.

— Как я могу это исправить? — выдохнула она. Обхватив рукой его затылок, Алли прижалась к его губам. Она планировала всего лишь милый нежный поцелуй, абсолютно дозволительный в публичном месте. Но потом ее губы раскрылись, впуская его язык, ласкающий ее мощными глубокими ударами, и она напрочь забыла, где они находятся. Она могла думать лишь об этом мужчине, об этом моменте и о том, как отчаянно желала его.

Застонав ей в рот, Хадсон углубил поцелуй, его язык лизал, дразнил, пробовал на вкус, заставляя ее мечтать о том, чтобы он покрыл такими поцелуями все ее тело с такой же страстью. И когда его рука скользнула по пояснице, прижимая ее крепче, она зарылась пальцами в его волосы.

Подняв голову, он посмотрел на нее затуманившимися голубыми глазами.

— Иисусе, Алли, пожалуйста, скажи, что мы можем отправиться домой.

— Мисс Синклер?

Алли повернулась и увидела своего ассистента, стоявшего буквально в метре от них.

— Колин, — вот и все, что ей удалось сказать, и несколько неловких секунд они молча смотрели друг на друга. Краем глаза она заметила, что Хадсон пытается незаметно стереть ее помаду со своей нижней губы. И хоть она оценила попытку, после того, что видел Колин, скрываться было бесполезно. И какого черта Колин делал посреди дня в рождественской деревне?

— Поздний ланч? — спросила она в жалкой попытке отвлечь внимание от слона в комнате. Да забудьте о комнате, этот слон занимал всю площадь, возвышаясь над всеми елками.

Колин сжал губы, пытаясь подавить улыбку, которая готова была расплыться по всему лицу.

— Сегодня работа идет медленно, раз леди-босс заболела.

Позади нее Хадсон расхохотался в голос.

— Туше, — с покорным вздохом она спросила напрямую: — Полагаю, я могу довериться тебе, и ты не будешь болтать об этом?

— Пфф, — он помахал рукой. — Я вас умоляю, я знаю еще с того вечера в Институте искусств.

У Алли глаза на лоб полезли.

— Ну, отличненько тогда, — она посмотрела на Хадсона, от которого не было никакой помощи, и снова перевела взгляд на Колина. — В таком случае увидимся в понедельник.

Колин кивнул и спешно ретировался к палатке с часами с кукушкой. Как только он оказался на приличном расстоянии, она повернулась к Хадсону.

— Это будет проблемой.

— Не будет.

— Мне меньше всего нужно, чтобы люди сплетничали о нас, Хадсон.

Он привлек ее обратно в свои объятия.

— Алли, выдохни. Мы никогда не собирались держать это в секрете. По крайней мере, я не собирался. С самого нашего знакомства вечно что-то стояло у нас на пути. Мы наконец-то вместе и все чертовски хорошо. И будь я проклят, если позволю страху офисных сплетен разлучить нас.

В его словах был смысл. Но все равно, она не планировала, чтобы ее ассистент застал их вцепившимися друг в друга точно подростки. Боже, ей нужно собраться. И одновременно с этой мыслью Хадсон вновь поднял веточку омелы над их головами.

— Так на чем мы остановились?

В ее кармане зазвонил телефон.

— Не отвечай, — сказал он, наклоняясь, чтобы поцеловать ее в шею. — Ты дома, болееешь, помнишь?

Алли закатила глаза, выуживая телефон из кармана.

— Мне нужно ответить, — сказала она, увидев на экране имя их главного юридического советника.

Хадсон застонал ей в шею.

— Ну что я могу сказать, так бывает, когда встречаешься с властным гендиректором, — поддразнила она, прежде чем нажать на клавишу ответа. — Алло.

Хадсон продолжал свои амурные поползновения, позволяя губам бродить по ее шее.

— Алессандра, мне жаль тебя беспокоить, но это не может подождать до понедельника. В деле случился прорыв. Они нашли человека, который убил твоих родителей.

Алли отстранилась, пытаясь переварить услышанное.

— Это точно?

Хадсон нахмурился.

— Что такое? — прошептал он.

— Да, — сказал Вайс. И его голос дрогнул, когда он добавил: — У него было кольцо твоей матери.

Алли прижала руку к внезапно занывшей груди.

— Они арестовали его?

— Нет.

— Почему?

Воцарилась долгая тишина.

— Он мертв. Судя по всему, передозировка героина.

Мертв? Волна эмоций захлестнула Алли — злость, раздражение и наконец облегчение. Не будет суда, не будет долгого перемывания костей в СМИ. Она сможет без шумихи оплакать родителей и жить своей жизнью.

— Так все кончено?

— Не совсем.

— Что ты имеешь в виду?

— Полиция сумела его осознать, — Вайс помедлил, и Алли представила, как он отпивает глоток воды или промокает брови крахмаленным платком, который всегда носил в нагрудном кармане. Она услышала, как он тяжело вздохнул. — Он был профессионалом, Алессандра. Наемником. Полиция некоторое время наблюдала за ним в связи с другими делами, но не было достаточно улик, чтобы привлечь его к ответственности.

В горле встал ком.

— Я бы хотел, чтобы ты пересмотрела необходимость услуг Клейтона, — сказал он после нескольких минут неловкого молчания.

— Я ценю твою заботу, Бен, но я не нуждаюсь в телохранителе.

— Какого черта происходит, Алли? — спросил Хадсон, даже не пытаясь говорить тише. Ожидая, пока она завершит разговор, он провел рукой по волосам. — Что случилось? — снова спросил он, как только она повесила трубку.

— Они нашли человека, который застрелил моих родителей, — она чувствовала, как слова слетают с ее губ, но голос, произносивший их, как будто принадлежал кому-то чужому.

— Я уже понял. Почему они не арестовали его?

— Он мертв.

— Черт, слава Богу.

Алли покачала головой.

— Нет.

— Почему? Что еще сказал Вайс?

— Это был наемник, — прошептала она.

Не сказав ни слова, Хадсон вытащил телефон из кармана. Напряжение, волнами пробежавшее по его телу, было почти осязаемым.

— Что ты делаешь?

— Звоню Максу, — он прижал телефон к уху. — Хочу, чтобы он собрал команду через час.

Алли потянулась к его телефону.

— Нет, ты же слышал, что я сказала мистеру Вайсу. Я не нуждаюсь в телохранителе.

Каких бы врагов не имел мой отец, они не мои враги.

Он раздраженно выдохнул.

— Ты не знаешь этого наверняка.

— Я знаю, что я счастлива, Хадсон, по-настоящему счастлива. И я не собираюсь позволять какому-то обиженному бизнесмену разрушить все.

Хадсон обеспокоенно посмотрел на сотни людей, наводнивших площадь.

— Дай хотя бы увезти тебя отсюда.

— Нам все еще нужно два подарка...

— Алли, перестань. Я только что вновь обрел тебя. И меня до чертиков пугает, что какой-то псих может забрать тебя у меня, — он тяжело сглотнул. — Пожалуйста, позволь отвезти тебя домой.

Да, домой. Хадсон был для нее домом, и ей нужно было быть там. Она кивнула, и он со вздохом облегчения прижал ее к себе.

(13) Вот тут тоже лучше погуглить 'рождественская пирамида'

Учитывая, сколько усилий он потратил на то, чтобы уговорить Алли остаться на ночь у него, Хадсон не мог поверить, что выпускает ее из поля зрения. По улицам разгуливает какой-то неуравновешенный псих, нацелившийся на семью Синклер и, возможно, ищущий Алли. Он нуждался в капельке контроля над ситуацией и в куче охраны, оберегающей ее от угрозы. Он располагал целой частной охранной фирмой в своем распоряжении — бывшие военные, ФБР-овцы, специальные агенты, даже израильский разведчик. Он бы задействовал всех их, если бы это значило, что Алли в безопасности. Но в данный момент Хадсон мог предложить ей лишь Макса, и хотя каждый день он доверял ему свою собственную жизнь, мысль о том, что Алли выйдет за пределы пентхауса, доводила его до белого каления.

Раздался тихий сигнал лифта. Ник вошел в фойе, даже не потрудившись оторваться от телефона, на котором что-то печатал.

— Эй, бро, сделай что-нибудь с новым привратником. Недоумок решил поиграть в 'двадцать вопросов' и кто-черт-подери-это-такой, — пальцы Ника быстро порхали над экраном телефона. — Мудак, — пробормотал он себе под нос.

— Он делает свою работу, Ник, — Хадсон помог Алли надеть пальто, и она высвободила волосы из-под воротника. — И перестань стараться выглядеть дерьмово, — добавил он, получше взглянув на младшего брата. Его одежде давно пора было на свалку, не говоря уж о том, что стрижка давно отросла.

— Как будто твоя сожалеющая задница выглядит... — Ник поднял взгляд и умолк на середине предложения, когда Алли пронеслась мимо него к лифту.

— Привет, Ник, пока, Ник, — она обернулась через плечо на Хадсона. — Не украшайте без меня елку.

— И не подумаю, — со вздохом сказал Хадсон. — Давай я тебя провожу, — он прошел мимо ошарашенного Ника. — Ни слова, понял?

— Дерьмо, бро, тебе это слишком просто дается, — Ник засунул телефон в карман застиранных джинсов с дырами на коленях.

Хадсон встал перед Алли, пока она заматывала шею кашемировым шарфом. Он буквально чувствовал на себе взгляд брата.

— Тебе разве не надо совершить набег на холодильник или типа того? — спросил он.

Самоуверенная улыбка, сиявшая на лице Ника, когда он выходил из комнаты, разозлила бы Хадсона, если бы он не был чертовски рад видеть, что брат улыбается.

И все же он подождал, пока Ник скроется на кухне, прежде чем сделать последнюю попытку.

— Я никак не могу убедить тебя остаться? — едва она закончила застегивать пуговицы на пальто, он расстегнул одну.

Алли рассмеялась.

— Перестань, — она отпихнула его руку и быстро застегнула пуговку обратно. — Я же сказала, я не стану мешать вашему маленькому 'мальчишнику'.

— Ты не помешаешь. Ради всего святого, здесь три этажа. Посмотри фильм в кинотеатре или... — губы Хадсона изогнулись в порочной ухмылке. — Валяйся в моей постели обнаженной, жди меня. Что захочешь. Хотя я предпочел бы последнее.

— Со мной все будет в порядке. Кроме того, так ты успеешь соскучиться по мне.

— Я всю жизнь по тебе скучал, — он запечатлел поцелуй на ее губах.

Алли улыбнулась.

— Тогда ты переживешь еще одну ночь.

— Макс отвезет тебя и останется в особняке до утра.

— Хадсон, это необязательно.

— Это не обсуждается, Алессандра. Если ты покидаешь мою квартиру, он идет с тобой.

Вот, — Хадсон протянул ей ключ-карту с полным доступом.

Алли выгнула бровь.

— Так тебе не придется звонить завтра. Конечно же, если ты захочешь заглянуть сегодня попозже, я определенно не буду возражать.

— А, назначаете следующий перепих, — сказал Ник, пересекая фойе. В одной руке он держал пакетик начос, а в другой — упаковку жевательных мармеладок.

— Заткнись, Ник, — Хадсон бросил на него взгляд, но Ник уже поднимался по лестнице через две ступеньки.

— О, похоже, этот вечер будет эпичным, — сказала Алли. Отступая к лифту, она улыбнулась. — Но кто знает, возможно, я удивлю тебя пробуждением.

Хадсон застонал и пробежался рукой по волосам. Взгляд, которым она его наградила, заставил член дернуться, но когда двери захлопнулись, в груди обосновалась боль, появлявшаяся всякий раз, когда Алли уходила. Его брату лучше оценить это по достоинству, подумал он, разворачиваясь на пятках и поднимаясь наверх.

— Так-так-так, как низко пал великий, — сказал Ник, как только Хадсон вошел в игровую комнату. Он уже снял свою куртку и бросил ее на кожаный диван. — Прямо новый этап. Наконец-то нашел свои яйца и позвонил ей, а?

Хадсон оборвал брата резким взглядом.

— Не начинай, Ник.

Помоги ему Боже, этот вечер без нее и так будет долгим, даже болезненным, если брат будет продолжать это дерьмо.

— Будь я проклят, — самодовольно улыбаясь, Ник покачал головой, глаза блестели искорками ни-за-что-не-оставлю-эту-тему. — Ты еще больший подкаблучник, чем был раньше.

— Заканчивай, Ник.

— Да брось, бро, остынь, — он рассмеялся. — Ты как заклинатель кисок. Они всегда выстраивались в очередь.

Хадсон остановился.

— Не начинай об этом. Она просто... — он подумал об Алли и всех ее заскоках. У нее уходило десять минут, чтобы заказать чертов кофе, она задавала полсотни вопросов в ответ на одно его предложение, и единственный способ заткнуть ее — зацеловать до полусмерти.

— Она просто что, взяла тебя за яйца?

— За сердце, чувак. За гребаное сердце, — он выдохнул и слегка улыбнулся. — Я люблю ее.

— Эй, извини за дерьмовые подколы. Но для этого и нужны младшие братья, знаешь да?

— Ага, знаю. А теперь я могу надрать твою никчемную задницу в бильярд?

— Еще чего, — Ник перемахнул через спинку дивана и растянулся на коже. — Думаю, по этой комнате я скучал больше всего.

Хадсон усмехнулся.

— По этому ты скучал больше всего?

Игровая комната представляла собой роскошное мрачное пространство, которое соответствовало духу того времени, но с ноткой современности. Здесь было все — столы для покера и бильярда, плоские экраны и 'объемный звук', диваны, способные комфортно разместить десятерых, камин, у которого можно расслабиться или настроиться на нужный лад, и конечно же, доска для дартса с дурной репутацией. Ник всегда говорил, что здесь не хватало лишь машины для жарки арахиса и разрешения бросать окурки на пол. Но после тридцати дней взаперти с базовыми каналами и столовской едой Хадсон не думал, что список Ника возглавит именно эта комната.

— Черт подери, да. Твой дом — как Диснейленд для взрослых. И не тот, что в Анахайме, а чертов Диснейленд в Орландо.

Хадсон усмехнулся. Они с Алли определенно устроили тут свою версию 'Дикой поездки мистера Тоада'(14), погремели цепями, так сказать.

— На втором месте твоя записная книжка с телефонами девочек, это просто парк развлечений. Ты знаешь, что у них есть для этого приложение? Шест для стриптиза сделал бы это место раем, просто вишенка на торте.

— Ни за что, — щелкнув переключателем, Хадсон включил люстру от Тиффани в стиле арт-деко, подсветившую бильярдный стол красным светом.

Ник сел и провел рукой по волосам. Черт, они были похожи сильнее, чем он признавал.

— А, давай. Не давай слабину. Ты же как, черт, я даже не знаю, бог Пентхауса.

— Плейбоя, — поправил Хадсон. — Это место было штаб-квартирой Плейбоя. И я отличаюсь тем, что всегда тверд(15).

— Слишком много информации, — Ник выудил шары из карманов под лузами и выложил их на столе. Он немного попытался жонглировать, но они стукнулись друг о друга. — Накосячил, — он повесил треугольник на место. — Парни из клиники такие 'Когда я смогу прийти и поцеловать пол, по которому ходил Хэфнер(16)?' Ты можешь собирать плату за вход.

Хадсон снял со стены пару киев.

— Плата за вход и шесты для стриптиза, да? Какие еще у тебя планы на мою квартиру?

— Нее, на этом все. И помещение такого размера странно называть квартирой. Это пентхаус. А квартира — это там где я живу.

— Не знал, учитывая, сколько времени ты тут торчишь, — Хадсон бросил Нику кий и тот поймал его в воздухе.

— Мне здесь нравится.

— Давай разбивай, — Хадсон подошел к холодильнику за баром и взялся за прохладную стальную ручку. — Что будешь пить?

Проклятье, вопрос был столь же привычным, как почистить зубы поутру. Он посмотрел на холодильник, полностью забитый банками из нержавеющей стали. Какой же он ублюдок, подумал Хадсон, что не выбросил все это.

— Дерьмо, — он опустил руку и повернулся лицом к брату. — Прости, Ник.

— Слушай, все в порядке, — Ник натер кончик кия мелом. — Старые привычки умирают не сразу, верно?

Хадсон издал резкий смешок.

— Да уж, наглядный пример.

— Возьми себе пива или что хочешь. Я в норме.

— Я не хочу усложнять тебе задачу.

— Прикол еще и в том, чтобы научиться справляться с тем, что люди вокруг меня пьют.

Так что черт подери, бро, пей что хочешь, — Ник сделал удар, и шары с грохотом разлетелись в разные стороны. — Кроме того, я все равно надеру тебе задницу, — добавил он, когда три шара залетели в лузу от одного удара. — Всухую.

— Иисусе, Ник, — Хадсон снова распахнул холодильник и вытащил две банки газировки. Обычно бильярд и холодное пенистое были синонимами, но сегодня ему важнее было побыть с братом, чем выпить пива. Он не помнил, когда в последний раз просто играл в бильярд или общался с Ником, выслушивая его остроты. Хотя он все равно полностью не расслаблялся. Алли была где-то там, снаружи, а его прошлое продолжало выскакивать как гребаное слайдшоу. Но анализировать эти воспоминания ему хотелось не меньше, чем удалять зубной нерв. И он, черт побери, не собирался проигрывать эту партию.

Со следующим ударом Ник промазал.

— А, проклятье. Твоя очередь.

— Удача далеко не заведет, — сказал Хадсон, подходя к противоположной стороне стола и наклоняясь. — Навык всегда выигрывает, — он нанес удар и забил два шара.

Ник включил стереосистему, и заиграла песня Volbeat 'Pool of Booze, Booze, Booza' (17). Сильные гитарные аккорды и низкий баритон солиста с датским акцентом заполнили комнату. Ник самодовольно усмехнулся. Его брат всегда умел найти повод для веселья и поднять настроение.

Хадсон покачал головой, улыбаясь.

— Милый выбор, — забив еще один шар, он вместе с ним забил и все дерьмо, беспокоившее его. Но он все еще напоминал бомбу, готовую взорваться.

(14) Аттракцион в Диснейленде

(15) Ник просит Хадсона не подыгрывать, но оригинальное выражение буквально переводится как 'не делайся мягким'. Хадсон же отвечает явным намеком на эрекцию:)

(16) Хью Хэфнер — основатель и главный редактор журнала Плэйбой

(17) Игра слов — название песни переводится как 'Бассейн бухла, бухла, бухла', но Pool — не только бассейн, но и пул — разновидность игры в бильярд.

Скользнув по панели лифта ключом, который ей дал Хадсон, Алли нажала кнопку пентхауса. Машина тут же плавно заскользила на верхний этаж Палмолив Билдинг. Она глубоко вздохнула, разглядывая резьбу по дереву, которой была украшена кабина лифта. Цифры на дисплее увеличивались, а с ними росло и ее нервное возбуждение.

Она крепче стиснула пакет, в котором лежали продукты для выпечки, которые она купила накануне. И ее одежда. И ее трусики. О чем, черт подери, она думала? Алли беспокойно переминалась с ноги на ногу. От движения ее обнаженные груди терлись о ткань пальто, служа вовсе не деликатным напоминанием. Это все Хадсон и его фантазия, которую он описывал вчера. Это заставило ее прийти в его пентхаус, надев на себя лишь каблуки, пальто и улыбку. Ну, хотя бы пальто и каблуки. Улыбка начинала сползать.

Идея пришла ей в голову еще тогда, когда он дал ей ключ. Тогда это казалось прекрасным планом и куда менее дерзким, чем расхаживать по улице голышом. Но теперь, стоя в лифте, она начинала сомневаться, что доведет дело до конца.

Испуганный всхлип сорвался с ее губ, когда на ум пришла другая мысль. А что если Ник остался на ночь, и он все еще там? Образ Хадсона, предлагающего ей снять пальто, пока его братишка сидит и ест мюсли, заставил ее пересмотреть весь план. Алли решила, что безопаснее всего было вернуться в уборную в холле здания, но тут двери лифта открылись. Низкое рычание, больше походившее на животное, чем на человеческое, эхом прокатилось по пентхаусу.

Хадсон.

Не раздумывая ни секунды, Алли бросила пакет и поспешила в спальню. Она нашла его корчащимся на постели в агонии кошмара. Он выгнул шею, лицо исказилось.

К горлу подступила желчь. Алли не могла смотреть на его страдания, и что бы ни преследовало его во сне, оно причиняло боль не слабее физического удара.

— Хадсон, — кое-как выдавила она.

Он застонал, беспокойно ерзая и запутываясь в простынях.

— Не уходи, — простонал он. На секунду она подумала, что он говорит с ней, но потом поняла, что он молит кого-то во сне. Его голова вертелась из стороны в сторону.

Это должно прекратиться. Она должна вернуть его из того темного места, в котором он находился. Она забралась на кровать, становясь на колени рядом с ним.

— Хадсон, — громче сказала она, положив руки ему на плечи и слегка встряхнув. — Это я, Алли. Проснись.

Хадсон дернулся и открыл глаза.

— Алли? — голос его звучал хрипло, как будто он до этого кричал, и ее сердце содрогнулось. Горячая слеза сбегала по ее щеке. Он уставился на нее, сбитый с толку, но минуто спустя туман, казалось, рассеялся. — Что такое, что случилось?

— Тебе приснился кошмар.

Он сел, опираясь локтями на колени, и закрыл руками лицо. Мышцы на руках и ногах затвердели от напряжения.

Алли подождала, пока его прерывистое дыхание замедлилось.

— Если хочешь поговорить об этом...

— Не хочу.

Алли знала, что Хадсон бы предпочел, чтобы она забыла об этом, но образ его мук был слишком свеж в памяти. Если был хоть какой-то способ дотянуться до него, помочь, она должна была попытаться.

— Это происходит не в первый раз. Возможно, если ты поговоришь с кем-нибудь...

— Я сказал, оставь это, — рявкнул он. Его резкий тон заставил Алли вздрогнуть. Черты Хадсона тут же смягчились. — Извини меня, Алли. Я не хотел срывать на тебе.

— Все в порядке, — она потянулась, чтобы коснуться его, но засомневшись, опустила руку. — Я люблю тебя, Хадсон. И в чем бы ни была проблема, я хочу помочь.

— Я знаю, — он запустил руки в волосы. — Просто позволь мне справиться по-своему.

Алли кивнула, хотя на самом деле не согласилась. Очевидно, способ Хадсона не работал. Но Алли вернулась в его жизнь всего какие-то сутки назад. Понадобится время, чтобы он открылся перед ней, и она с радостью ему это время предоставит. Она будет ждать, пока он не будет готов. Что бы ни преследовало его в кошмарах, они справятся с этим вместе.

Постепенно остатки кошмара оставляли его, и Хадсон начал на глазах расслабляться. После нескольких долгих тихих моментов кое-что пришло ему на ум. Вскинув голову, Хадсон обеспокоенно посмотрел на нее.

— Как ты добралась сюда?

— Макс привез меня.

— Хорошо. Я приказал ему постоянно находиться рядом с тобой, пока вся эта ситуация не разрешится.

— Ты не думаешь, что это немного слишком?

— Нет, когда дело касается твоей безопасности, Алессандра, — она открыла рот, чтобы возразить, но он бережно взял ее за подбородок и закрыл ей рот. — Это не обсуждается, — сказал он непреклонным тоном.

В другой день и при других обстоятельствах Алли немало высказала бы ему о том, что его стремление к контролю напоминает манеры неандертальца. Но он несомненно беспокоился об ее безопасности. Волнение залегло в морщинах, избородивших его прекрасное лицо. И после того, чему она только что была свидетелем, она меньше всего хотела добавлять ему причин для стресса.

— Ладно, но только до тех пор, пока полиция не закроет дело.

Какое-то время Хадсон пытливо изучал ее взглядом, не веря, что она согласилась без споров, но затем резко отбросил простыни и выбрался из постели.

— Ну, раз вопрос решен, — сказал он, вставая и потягивая руки над головой. — Накорми меня, женщина. Раз уж меня подрядили выполнять обязанности эльфа, я не могу делать это на пустой желудок, — и только когда Алли встала, он заметил ее наряд и склонил голову набок. — Почему ты все еще в пальто?

Она почувствовала, как заливаешься ярким румянцем, но хоть убей, не могла понять, откуда взялась эта внезапная стыдливость.

— О, ээ...

Хадсона осенило, и он расплылся в улыбке от уха до уха.

— Мисс Синклер, вы же не заявили в мой пентхаус в одном кашемировом пальто?

Ее руки инстинктивно взметнулись к отворотам, крепче запахивая их.

— Ну... я.... ты...

Его голубые глаза засияли смесью веселья и восхищения, но не это привлекло ее внимание. Ее взгляд был целиком и полностью прикован к жесткому бугру эрекции, распиравшему пижамные штаны.

— Почему, черт побери, ты раньше не сказала?

И прежде чем она успела придумать ответ, он набросился на нее, повалив на постель.

Алли рассмеялась, когда он подмял ее под себя.

— Я так понимаю, ты одобряешь?

Его проворные пальцы одну за другой расстегнули пуговицы пальто, и секунды спустя, она открылась его голодному взгляду.

— Да, блин, чертовски одобряю, — Хадсон опустил голову и лизнул сосок.

От ощущения, эхом отдававшегося в ее естестве, у Алли перехватило дыхание.

— Я думала, ты голоден.

Он бросил на нее взгляд, который мог бы воспламенить древесину.

— Умираю от голода, — сказал он, прежде чем втянуть напрягшуюся вершинку соска в рот.

Алли сидела на полу в окружении оберточной бумаги, ленточек и скотча. Она только что добавила последние штрихи к коробке с подарком для Харпер и любовалась своей работой.

— Знаешь, покупая эту ленту, я планировал найти ей другое применение.

Алли посмотрела через всю гостиную туда, где стоял Хадсон, вешая последние украшения на елку. Первую половину дня они провели за совместным украшением елки, но после ланча она оставила это занятие ему, а сама устроила импровизированный упаковочный бутик посреди пола.

— Веди себя прилично. Мы и так серьезно выбились из расписания из-за утренней задержки.

Он остановился, не донеся игрушку до елки, и выгнул бровь.

— Задержки?

— Считай это изумительной и крышесносящей задержкой, но все равно.

Он усмехнулся.

— Ты знаешь такой сериал 'Друзья', Алессандра?

— Я бы на твоём месте хорошенько подумала, прежде чем повторять шутку Моники.

— И не думал. Особенно после столь очевидного намека, — Хадсон стоял спиной к ней, вешал последнюю елочную игрушку, но по голосу она поняла, что он улыбается. Таким он ей нравился, расслабленным и игривым. И в сотый раз за день она поклялась сделать что угодно, лишь бы облегчить страдания, свидетелем которых стала сегодня утром.

— Хочешь надеть звезду на макушку? — спросил он.

— Это твой дом, Хадсон. Эта честь принадлежит тебе.

— Знаю, но это наша елка.

Наша елка. Ей нравилось, как это звучало. Так нравилось, что Алли не могла скрыть идиотскую улыбку, пока вставала и подходила к нему, держащему золотую звезду.

— Почему ты улыбаешься?

— Ты. Мы. Это.

— Очень конкретно.

— Я счастлива. Никогда не думала, что буду счастлива в этот праздник.

Он протянул ей звезду и пошел, чтобы принести стул из столовой.

— Кстати, о праздниках, — начал он. Тон был как будто беззаботным, но в нем явно звучало волнение. — Я тут подумал...

— Да?

Хадсон поставил рядом с ней стул.

— Я тут подумал, может, ты захочешь провести праздники со мной и Ником. Я хочу сказать, это не будет так продуманно, как ты, наверное, привыкла, но мы могли бы сходить куда-нибудь или поужинать здесь, открыть подарки, — он пожал плечами. — Что-то типа того.

Она никогда не видела его таким нервничающим. Это было просто умилительно.

— Звучит идеально. Я с удовольствием проведу праздники с тобой и Ником.

Он улыбнулся и протянул ей руку, чтобы опереться, пока она вставала на стул. И все равно Алли не сумела дотянуться до верхушки. На площади дерево не казалось таким огромным. Наверное, на фоне того, что в 15 метров высотой, любое будет казаться маленьким. Встав на цыпочки, она едва успела надеть звезду и тут же потеряла равновесие. Хадсон поймал ее, и Алли свалилась ему в руки. Он прижал ее к груди, почти как жених, переносивший невесту через порог дома. Она засмеялась над своей неуклюжестью и приготовилась к неизбежным подколам Хадсона.

Но вместо этого, когда она посмотрела ему в глаза, он помрачнел.

— Если бы ты сегодня вышла за него замуж, это бы меня убило.

Его пылкое заявление и мысль о том, как близка она была к тому, чтобы потерять его навеки, вызвали ком в горле. Кончиками пальцев она погладила его по щеке.

— Я люблю тебя, Хадсон.

Склонившись, он сладко, почти благоговейно поцеловал ее и затем поставил на ноги.

— Ну, что следующее в твоем бесконечном списке?

Алли улыбнулась. Несмотря на Гринчеподобный внешний вид, Хадсон и сам получал удовольствие. Он просто был слишком горд, чтобы признать это. Или наслаждался, дразня ее. В любом случае, она давно так не веселилась.

— Мне надо поставить последнюю партию печенья в духовку. Почему бы тебе не собрать пирамиду?

— Маленькая командирша, да? — сухо сказал он. — Возможно, я все-таки найду этой ленточке хорошее применение.

— Если это должно было меня напугать, то попытка провалилась, — она плавной походкой направилась на кухню, нарочно покачивая бедрами. Стон, донесшийся из гостиной, подтвердил, что это не осталось незамеченным.

Алли посыпала разноцветными сахарными кристалликами последнюю партию печенья и поставила понос в печь. Повернувшись, она обнаружила, что Хадсон сидит на углу стола, перебирая разложенные перед ним резные детальки. Наблюдая, как он собирает основание пирамиды, она невольно задумалась, как это выглядело бы для постороннего человека. Хадсон собирает проект, она суетится на кухне. Это выглядело так по-домашнему, и так... так... Она искала подходящее слово, чтобы закончить мысль, и в итоге остановилась на 'нормально', потому что этим нормальные пары занимаются на выходных. Проводить с ним тихую субботу казалось таким правильным и таким странным. Между ними бесспорно существовала связь, но они столько еще не знали друг о друге. И еще больше она не знала о

нем.

Образы этого утра снова всплыли в памяти. Для остального мира Хадсон Чейз возможно, выглядел как генеральный директор, который все держит под контролем, хозяин не только своей судьбы, но и многих других. Но под идеальностью наружностью, однако, скрывался мужчина со своими демонами, выходившими на поверхность, когда он спал и был наиболее уязвим. Видя это своими глазами, она отчаянно желала помочь. Но для этого он должен был открыться ей, а на это нужно время. Судя по тому, что ей было известно, это наверняка как-то связано с какой-то травмой в детстве, еще более тяжелой, чем то, о чем он уже рассказывал. Но что может быть хуже, чем мать, умершая от передозировки наркотиками, и брат, которого швыряли от одной приемной семьи к другой?

— О чем ты там задумалась? — спросил он.

Алли встретила с его любопытным взглядом.

— Хмм?

— Ты хмуришься. Назревает какой-то кухонный кризис, который срочно нужно предотвратить?

Она слегка усмехнулась, перебирая украшения для печенья на гранитной столешнице.

— Нет, просто думаю, достаточно ли глазури для печенья я купила.

Хадсон покачал головой, возвращаясь к маленькой пирамидке на столе перед собой. Второй ярус уже занял свое место, и он готовился собрать третий.

— Ты же понимаешь, что нас будет всего трое?

— Да, знаю, — она закатила глаза, прекрасно зная, что он не увидит. — Просто хочу сделать этот день особенным для Ника. И для тебя, — тихо добавила она.

Он бросил взгляд на нее, выражение лица смягчилось.

— Он будет особенным, потому что ты будешь здесь. А остальное, — он помахал рукой в воздухе, — это здорово, но незначительно.

Она почувствовала, как в груди теплеет.

— Спасибо, но так уж случилось, что мне это нравится, так что строй давай, — поддразнила она.

— Лента, Алессандра. Целая куча осталась.

— Валяй, Чейз, — рассмеялась она. — Но только после того, как закончишь работу, — прислонившись бедрами к прилавку, Алли наблюдала, как он собирает крошечные детальки на каждом ярусе. И когда он закончил, выражение его лица сменилось. Ушла дьявольская улыбка в сочетании с чувственной угрозой, на их место пришло что-то более невинное. Хадсон всегда выглядел старше своих двадцати девяти лет, но в тот момент наружу проглянул юный мальчик, изумленно вззирающий на украшение, собранное родителями.

— Она похожа на ту, что была у тебя в детстве? — нерешительно спросила она. Как бы ей ни хотелось узнать о его прошлом, она не хотела подталкивать его туда, куда он не готов был наведаться.

— Понятия не имею, — пробормотал он. — У меня остался образ в памяти, но я не знаю, насколько он точный. Мама перестала ставить ее после смерти папы. Тогда же она перестала отмечать Рождество.

Грудь Алли сдавило от этой мысли. Хадсон никогда не упоминал об отце и тем более не говорил, почему он не участвовал в его жизни, хотя очевидно, что там не все так просто. Представлять двух мальчиков, растущих без отца, было тяжело само по себе. Но представлять их с матерью, столь подавленной, что она не могла даже справлять праздники,

едва не заставило Алли расплакаться. Она готова была пойти к нему, обнять и сказать, что он никогда больше не будет одинок, но он удивил ее, сказав намного больше, чем пару слов.

— Мы с Ником сидели за столом, наблюдая, как папа ее собирает, — сказал Хадсон. — Он разрешал нам играть с маленькими человечками, пока не приходило время собирать и их. Ник начинал плакать, если ему не давали подержать Санта-Клауса, хотя папа и говорил ему, что самый важный здесь — младенец в яслях, — он криво улыбнулся. — Но этот младенец не разносил подарки, так что Нику было наплевать.

Один за другим Хадсон стал добавлять лопасти пропеллера на верхушку пирамиды. Алли не шевелилась, не желая разрушить момент. Хадсон говорил, делился воспоминаниями детства, и что важно, счастливыми. И это заставляло ее еще сильнее гадать, что же случилось и бесповоротно изменило их жизни.

— Закончив, он разрешал мне зажечь свечи, — поставив последнюю лопасть на место, Хадсон осторожно подтолкнул их, и все ярусы начали вращаться в разных направлениях. Он откинулся на спинку стула, наблюдая за их движением.

Раздался сигнал таймера духовки, и Алли подпрыгнула. Хадсон обернулся, маленький мальчик тут же исчез.

— Не спали их там, — поддразнил он. — Когда женщина руководит процессом, это настоящий кошмар.

— Только если ее эльф халтурит, — парировала она, с облегчением понимая, что его настроение не испортилось. — Но поскольку он закончил все дела в своем списке, он чист. Может даже подумать о награде, — она взяла прихватку и нагнулась, чтобы достать последний поднос с печеньем из печи.

Хадсон внезапно очутился позади нее, накрыв ладонями ее попку.

— Я могу придумать пару наград, от которых не отказался бы.

Алли дернула бедрами, и он шлепнул ее по заднице. Взвизгнув, она выпрямилась.

— Тебе повезло, что я это не уронила, — сказала она, ставя поднос остывать на стол.

— Пахнет вкусно.

— Спасибо. Но не слишком восторгайся, я только испекла их.

Алли никогда не увлекалась кулинарией, но нашла в магазине коробку готового к выпечке рождественского печенья, что дало ей возможность неплохо притвориться кулинаром. Ну, почти. Она испекла половину с цветным сахаром, а другую половину оставила, чтобы украсить глазурью. Тогда это казалось простым, но теперь, когда нужно было украсить дюжину печенек декоративной глазурью — и при этом сохранить аппетитный вид — она засомневалась.

Хадсон протянул руку, чтобы стащить печенье с подноса, но она шлепнула его по руке.

— Они слишком горячие, чтобы есть, — Алли повернулась и предложила одну из тех, что остывали на решетке. — Вот, попробуй эту.

Он взял печенку и устроился напротив стола. Скрестив ноги в лодыжках, он наблюдал, как Алли раскладывает печенье на пергаменте. Изображать из себя Марту Стюарт(18) само по себе было непросто. Делать это, когда Хадсон наблюдал за каждым ее шагом, было почти невозможно.

— Тебе разве не нужно управлять империей или посмотреть футбольный матч?

Что угодно. Ну хоть что-нибудь.

— Ничего столь же занимательного, — он доел печенье и стряхнул крошки с рук. — Могу я помочь?

— Хочешь украсить печеньки?

— Да, — выражение его лица было искренним.

— Ну ладно, — Алли положила перед ним кусок пергамента, а на него — печенье в форме звездочки.

— Сомневаешься в моих способностях?

Она рассмеялась.

— Начни со звездочки, и мы повысим тебя до снеговика.

Хадсон посмотрел на тубики разноцветной глазури и секунду спустя потянулся за синим.

— Просто возьми обеими руками и сожми, — сказала она, не глядя. Рядом с ней Хадсон замер, и ей пришлось прикусить губу, чтобы сдержать улыбку. Если все сложится удачно, возможно, он и не заметит нехватку ее кулинарных навыков.

Алли взяла зеленую глазурь и начала выдавливать ее на печенье в форме елочки. Закончив, она добавила несколько разноцветных пятнышек. Неплохо, подумала она. Действительно напоминало рождественскую елку. И даже не ту, что украшал четырехлетний ребенок.

— Как у меня получается? — спросил Хадсон.

Алли раскрыла рот при виде его печенья, идеально украшенного замысловатым узором в виде снежинки с блестящими кристалликами сахара. Серьезно?

— Хмм, неплохо.

— Хмм. Как только я нашел правильное место, куда нужно надавить с должным усилием, все получилось, — его описание пробудило к жизни каждый нерв в ее теле. И судя по его ухмылке, он это знал. — Я готов к следующему уровню?

Сложная домашняя утварь вроде дорогих кофейных машин по-прежнему не подчинялась Хадсону, но очевидно, он приберег что-то про запас, например, талант к рисованию. Алли запомнила это, чтобы обдумать потом. В данный момент ее склонность к соперничеству требовала сосредоточиться на украшении печенья.

Она положила перед ними по снеговика, и Хадсон выгнул бровь.

— Кажется, я чувствую вызов.

— Просто украшай свою печеньку, — пробормотала она.

Он усмехнулся.

— Продолжай в том же духе, Алессандра, и я возьму тебя на полу кухни. Хотя, если память не изменяет, в прошлый раз тебе понравилось.

Проигнорировав его комментарий, Алли сосредоточилась на украшении снеговика. Но ее мысли блуждали далеко от трубок из кукурузного початка и носов-пуговок. Она думала лишь об их первом совместном утре, а точнее о том, как они оказались на кухонном полу, потные и задыхающиеся. Она настолько ушла в эти мысли, что совсем забыла об их небольшом соревновании.

Когда Алли наконец глянула в сторону, с губ сорвался невольный смешок. На столе перед Хадсоном лежал весьма соблазнительная... снежная баба в красных трусиках и лифчике.

— Ты же не нарисовал сиськи рождественской печеньке?

— Именно это я и сделал, — он невозмутимо посмотрел на нее и слизнул капельку глазури с пальца. — И они довольно вкусные.

Глаза Хадсона метнулись к ее соскам, напрягшимся под ткань свитера, затем вновь к

тюбику глазури, который он держал в руках.

Алли прищурилась.

— Ты не посмеешь.

Он не ответил, но порочный блеск его глаз сообщил ей, что очень даже посмеет.

Она сделала шаг назад.

— Я серьезно, Хадсон. Даже не думай об этом.

Его губы изогнулись в похотливой улыбке.

— Ох, слишком поздно, Алессандра.

Дрожь радостного возбуждения пробежалась по ее телу, и Хадсон медленно, хищно начал подступать к ней. Алли прикусила нижнюю губу, пытаясь предугадать его следующий шаг. Она дернулась вправо, и он тоже, зеркально вторя ее движениям и не отводя от нее взгляда. Сделав еще один шаг, она очутилась за барной стойкой. В поле зрения был обеденный стол. Два или три шага, и она доберется до него.

— Ну, тебе придется сначала меня поймать, — она бросила вызов, прекрасно понимая, что поднимает ставки.

— На это и рассчитываю, детка, — стремительно, точно вспышка, он бросился к ней. Алли взвизгнула, разворачиваясь и убегая к столу, остановившись только тогда, когда он очутился между ними. Хадсон покачал головой, глаза его горели предвкушением. — И ты знаешь, что случится, когда я тебя поймаю.

Адреналин хлынул по ее венам. Наблюдая за ним, она ходила от одного конца стола к другому. Он хотел ее, и будь она проклята, если тоже не хотела его. По правде говоря, прямо здесь, на столе, было бы прекрасно. Но она затеяла эту возбуждающую игру в кошки-мышки, и теперь нужно было доводить до конца.

Она отступила в гостиную, улыбаясь еще шире, и метнулась за диван.

— Ну давай, Чейз.

Глаза Хадсона вспыхнули.

— Дразнишь меня? — но он не стал ждать ответа. Вместо этого он за пару шагов добрался до дивана, оперся о спинку свободной рукой и перемахнул через него.

Дерьмо.

С бешено колотящимся сердцем Алли рванула в единственном доступном направлении. Едва она очутилась на лестнице, Хадсон оказался позади, перепрыгивая через две ступеньки разом. Она судорожно вздохнула, когда его пальцы схватили ее сначала за бедро, а затем спустились до лодыжки.

Он повалил ее вниз, блуждая руками по всему телу, бедрами вжимаясь в ее попку и шепча на ухо:

— Я поймал тебя, детка.

Запустив руку в ее волосы, он повернул ее голову набок, губами отыскивая местечко, всегда сводившее ее с ума. Алли застонала от удовольствия, когда он принялся посасывать чувствительную кожу. Она извивалась под ним, все ее естество содрогалось, отзываясь на его твердеющую эрекцию.

— И что я теперь с тобой сделаю? — прорычал он, набрасываясь на нее.

Ее губы раскрылись в прерывистом вздохе.

— Все что захочешь, — и она действительно имела это в виду. В тот момент Алли горела для него, отчаянно желая заполучить его любым способом, каким он только пожелает.

Перевернув ее на спину, Хадсон наклонился, одной рукой упираясь в лестницу позади ее головы. Он встретился с ней взглядом, и его глаза были полны темных намерений.

— Полагаю, все дело в украшении.

Она смотрела, как он выдавил небольшую капельку красной глазури на ее нижнюю губу.

— Тебе понравилась глазурь, не так ли? — она тяжело дышала, слова получились едва слышным шепотом.

Он облизнул губы. — Мне нужно еще раз попробовать, чтобы убедиться, — кончик его языка прошелся по ее нижней губе. — Хмм, на тебе еще вкуснее.

Она подняла голову, пытаясь углубить поцелуй, но Хадсон отстранился.

— Хочешь попробовать? — предложил он.

— Да, — выдохнула она. Его глаза вспыхнули, когда она, задыхаясь, добавила: — Пожалуйста.

— Как хочешь, — он нагнулся, запечатывая ее рот поцелуем. Она застонала, когда его язык скользнул ей в рот, горячий, бархатистый, с ароматом сладкого сахара и вкусом Хадсона Чейза.

Алли услышала, как тюбик глазури скатился по лестнице, и затем его рука оказалась под ее свитером. Стащив его через голову и отбросив в сторону, он дернул за кружевные чашечки лифчика. Одна лямка оторвалась, но ей было плевать. Она была слишком занята, с предвкушением наблюдая, как Хадсон тянется к отброшенному тюбику. Мгновение спустя тонкая линия глазури украсила ее сосок.

— Так еще лучше, я уверен, — хрипло произнес он.

Она выгнула спину.

— Возможно, тебе стоит попробовать.

Хадсон согласно застонал, захватывая ее сосок и нежно посасывая, затем отпустил его, позволяя прохладному воздуху омыть поблескивающую вершинку.

Бедра Алли начали самопроизвольно двигаться под ним, пока он облизывал ее грудь, оставляя после себя следы красной глазури. Его зубы приблизились к соску, и это стало почти невыносимым. Она не могла больше ждать. Ей нужно, чтобы он ее взял, прямо здесь, на лестнице. Ее пальцы вцепились в его волосы, притягивая его голову ближе.

— Хадсон...

Он посмотрел на нее затуманившимся взглядом.

— Ты хочешь ощутить меня внутри? — спросил он. От его хриплого голоса по спине пробежали мурашки. Его ладонь поглаживала ее по ребрам, лаская краешек груди. Она посмотрела вниз, на свою тяжело вздымающуюся и опадающую грудь, а он продолжал ласкать большим пальцем набухший сосок.

— Да, — она задыхалась. — Хадсон... пожалуйста.

Алли кожей ощутила его щетину, когда он провел языком посередине ее живота.

— Медленно и нежно или быстро и жестко? — пробормотал он в ее кожу. Его руки скользнули на бедра. Одним движением он задрал ее юбку и стянул трусики. Ее ноги раскрылись, предоставляя ему полную свободу.

— Как это будет, Алессандра?

Алли запрокинула голову с раздраженным стоном, ее тело обмякло на жестких и неудобных ступеньках.

— Как угодно... и так, и так... — она вцепилась в волосы Хадсона, и едва слышный

всхлип сорвался с ее губ. — Я хочу тебя.

Он устроил свои плечи меж ее бедер.

— Хмм, тогда жестко и быстро. Я хочу, чтобы ты кончила мне в рот.

Ее губы раскрылись в безмолвном вздохе, когда его язык, влажный и теплый, пытал ее как раз там, где нужно, поглаживая и дразня чувствительную плоть. Его руки блуждали по ее ногам, удерживая ее на месте, пока она пыталась приподнять бедра в ответ на его ласки. Затем его губы сомкнулись на ней, посасывая в безжалостном ритме, один палец проник внутрь.

— Этого ты хотела? — спросил он, не нуждаясь в ответе. Хадсон знал ее тело столь хорошо, что и без слов знал, что она желала большего. Но он хотел это услышать. Осознание этого заставило ее задрожать от возбуждения.

— Больше, — взмолилась она. — Мне нужно больше, — она раскачивалась на его руке, почти обезумев от желания кончить.

Он добавил второй палец.

— Так хорошо, Алли?

— Боже, да...

Его рот вновь вернулся, пальцы и язык продолжали ритмичные поглаживания, быстро и жестко доводя ее до освобождения, которого так жаждало ее тело. Она глянула вниз, и вид того, как его голова двигается меж ее бедер, как его пальцы проникают внутрь, довел ее до предела. Она закричала, резко содрогаясь в оргазме, захватившем все ее чувства. Рука Хадсона надавила на ее поясницу, крепко прижимая ее ко рту. И только когда последняя судорога наслаждения оставила ее тело, он устроился меж ее бедер. Приподняв ее ногу, он вошел одним мощным толчком, подтолкнувшим ее выше по лестнице. Почти сразу же он взял быстрый темп, от которого все ее внутренности вновь начали конвульсивно содрогаться.

— Вот так, — прохрипел он, вдавливаясь в нее и доводя до судорог нового оргазма. — Дай мне это.

Алли вцепилась в ступеньку, и ее накрыл второй оргазм, не менее опустошающий, чем первый. Хадсон последовал за ней мгновение спустя. Он кончил, выкрикнув ее имя и вмянаясь бедрами в последнем мощном толчке.

Прижавшись губами к виску, он просунул руку под ее обмякшее тело и привлек ближе. Он так и прижимал ее к груди, пока не выровнялось их дыхание.

Когда Хадсон наконец заговорил, его голос сошел до хриплого шепота.

— Думаю, мы решили вопрос с соревнованием в украшателстве.

Алли фыркнула.

— Едва ли.

— Почему это?

— Ты воспользовался нечестным преимуществом, украшая... несъедобные предметы.

Мягкий смешок зародился в его груди.

— Я бы поспорил насчет 'несъедобных'.

Она толкнула его в плечо.

— Ты понял, что я имела в виду. Я была ограничена печеньем.

Как только слова слетели с губ, на ум пришла определенно пошлая мысль. Она потянулась за тюбиком глазури, переводя взгляд на уже затвердевающую эрекцию Хадсона. Медленно и расчетливо она облизнула нижнюю губу.

— Конечно, есть способ сравнить счет, так сказать, — слезая с колен Хадсона, она устроилась ступенькой ниже. — Если ты готов к реваншу, конечно.

Широко улыбаясь, он устроился поудобнее, согнув одну ногу в колене и опираясь на локти.

— Я не останавливаю тебя, детка.

(18) Американская бизнесвумен, сколотившая состояние на советах по домоводству

Двери в гардеробную были открыты, в ванной все еще стоял пар. На кровати лежал кроваво-красный шелковый галстук и свежая рубашка. По настоянию Алли формальности были отброшены ради комфорта. Так что, быстро переодевшись, Хадсон натянул через голову темно-синий пуловер с V-образным вырезом и расправил кашемировую ткань на своем торсе. Он предлагал сходить в какой-нибудь вычурный ресторан на ужин, как это привыкли делать обитатели Золотого побережья, к которым она относилась. Дерьмо, судя по адресу, он тоже к ним относился. Но Алли захотела сама приготовить для них троих. Официальных ужинов, на которых она побывала, хватит на всю жизнь, и она хотела чего-то небольшого и интимного, в противоположность тому, что закатывала ее мать в угоду своим капризам.

Выходя из комнаты, Хадсон остановился возле зеркала в полный рост и быстро взглянул на ширинку. Посмотрев на свое отражение и подумав о том, как обернулась его жизнь, он ощутил незнакомое чувство. Он был счастлив. Две вещи, имевшие для него наибольшее значение, сошлись вместе.

Одна — его брат, ради которого он бы сделал... он сделал невероятное. Другая — женщина, которой он принадлежал, и которая, вероятно, устраивает бардак на его кухне. Как будто ему есть до этого дело. Количество женской одежды в доме увеличивалось с каждым днем, и почему-то ему было все равно, если рядом с туалетной бумагой появятся тампоны. Затем он подумал о том, сколько времени потратил на попытки уложить волосы. И гель, он даже воспользовался чертовым гелем, и все равно волосы выглядели дерьмово.

Выключив свет, Хадсон вышел, тихонько посмеиваясь над тем, каким подкаблучником стал, и направился на кухню. На его глазах мать-природа доставляла в Чикаго белоснежное Рождество, снежинки кружились за окнами высотой во всю стену. Но его внимание привлек звук закрывающейся дверцы духовки и звяканье горшков и кастрюль. Ароматы, витавшие в гостиной, отдались в голодном животе, и Хадсон пошел на источник шума.

Алли, на его кухне.

То еще зрелище.

Он прислонился к стене на самом краю комнаты и наблюдал за ней, поглощенный ее решительностью сделать этот обед лучшим в истории.

Сделав пируэт, она схватила ухваты для горшков, которые лежали между двух мисок. Когда она их вытащила, на пол свалились две деревянные ложки. Алли, очевидно, пыталась прыгнуть выше своей головы. Он сжал губы, подавляя смешок и оценивая урон. Гранитные столешницы были завалены мисками, ложками, ножами и разделочными досками всех размеров, предназначений и разновидностей. В раковине покоились дуршлагаи, еще миски и то, что, кажется, было полным набором кастрюль. Хадсон гадал, осталась ли еще чистая посуда. Впрочем, если и осталась, это ненадолго.

Алли наклонилась, чтобы проверить птицу в печи, и предоставила ему прекрасный вид на свою попку. Наблюдая за движениями ее тела, он чувствовал, как затвердевает. И понимал, сколько времени уйдет на то, чтобы вытряхнуть ее из этих штанишек и глубоко погрузиться внутрь.

— Выглядит хорошо, — Хадсон широко улыбнулся. Когда она выпрямилась, он увидел,

что она одета в белый поварской фартук, тесемки которого дважды были дважды обернуты вокруг талии и завязаны спереди. У него есть фартук? Кто знает.

— Ты так думаешь? — Алли наклонилась и снова посмотрела в стекло духовки, и вновь выпрямилась.

Он склонил голову набок.

— Абсолютно, — он подходил к ней точно хищник, двигая плечами при каждом шаге.

— Индейка должна приготовиться как раз вовремя. Картошка готова, фаршированные... — она указывала пальчиком на каждое блюдо, — рулетики, клюквенный соус... из банки, как и просили.

Точно прочитав его мысли, она стала отходить и налетела на угол.

Он остановился перед ней, обхватывая руками за поясицу и привлекая ближе.

— Хадсон, — Алли склонила голову набок, и его губы нашли ее шею. — Еще столько всего нужно сделать.

— Бесчисленное множество, — сказал он, забираясь руками под ее свитер и поглаживая бока. Чувствуя, как затвердевает член, он сплавил их губы поцелуем.

— Я хочу тебя, — пробормотал он.

— Прошло всего несколько часов.

— Этого недостаточно. Такое чувство, будто я не могу дышать, если я не в тебе, — он снова накрыл ее губы своими, и она растворилась в поцелуе, прислоняясь к нему. Давление на член усилилось, и он застонал.

— Проклятье, — выдохнул Хадсон. Пресс напрягся, пальцы впились в ее кожу. Он бы устроил ее в позицию для быстрого траха, но гребаный ад, не было ни единого дюйма столешницы, не заставленного кухонными принадлежностями (Хадсон даже не знал, что у него есть вся эта хрень) или не залитого чем-то в ходе ее превращения в Марту Стюарт.

Накрыв ладонью ее грудь и стянув тонкое кружево лифчика, он кончиками пальцев погладил сосок. Затем языком проник в ее рот, лениво трахая, и прикусил ее нижнюю губу зубами.

— Боже, да, — выдохнула Алли ему в губы. Изданный ей звук был смесью одобрительного мурлыканья и стога. К черту кухонный стол, пол тоже прекрасно подойдет. Он хотел ее под своими губами, хотел проникнуть языком вглубь ее влажного естества. Ему нужно было своим телом ощутить ее обнаженную кожу, ее горячее прерывистое дыхание у уха. Она была права, прошло всего несколько часов, но они длились просто убийственно, заставляя его чувствовать биение сердца в головке члена.

И как только он собрался доказать, как быстро умудрится избавиться ее от одежды и завалить на спину, устроившись лицом меж ее бедер, вдали раздался сигнал лифта.

— Твой брат здесь, — пробормотала Алли ему в губы.

Хадсон зарычал, обрывая поцелуй и поправляя эрекцию в штанах.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ник прочистил горло.

— Эй, чувак, у тебя здесь восемьдесят комнат. Займите одну.

Хадсон показал ему средний палец поверх плеча Алли.

— Мило. Ну прям рождественское настроение, — хихикнул Ник. — Где же гребаная любовь?

Алли рассмеялась. Если бы снаружи не валил адский снегопад, Хадсон вышвырнул бы брата и заставил его ждать, пока он не займется любовью со своей женщиной в каждой-

гребаной-комнате-без-исключения. По два раза.

Стекла задрожали от сильного порыва ветра.

— Чувак из прогноза погоды обещает рекордные снегопады и прочее дерьмо, — Ник скинул куртку и бросил ее на спинку дивана.

— Какого черта, Ник? Убери свою мокрую куртку с дивана.

— Серьезно? Ты наезжаешь на меня со всей этой чушью? — Ник схватил куртку и замер, краем глаза заметив созданную Алли версию деревни Санты. — Срань господня.

Как и ожидалось, она и правда переборщила. Пентхаус Хадсона выглядел как витрина магазина на праздники. Везде, где было свободное место, она навешала гирлянд и огоньков. Боже, всех этих лампочек хватило бы для того, чтобы посадить в гостиную Боинг. Но он понимал, что она делала это с благими намерениями, и благодаря этому сосредоточилась на чем-то еще помимо мысли, что это ее первые праздники без семьи. Кроме того, выражение лица Ника было просто бесценно. Хадсон не видел его таким с самого детства. И видеть двух самых важных для него людей счастливыми — это самое важное. Даже если его дом напоминал фильм 'Каникулы'.

Алли официально победила. И в этот момент он еще сильнее влюбился в нее.

Глаза Ника метались от елки, которая могла посоперничать с той, что стояла перед Уолнат Рум, к столу с красно-белыми пуансеттиями и мозаичными подсвечниками. Свечи горели, распространяя по квартире пряный аромат специй и высасывая всю холодность из его ультрасовременного пентхауса. Впервые это место напоминало дом, и все благодаря женщине, которая в данный момент разрушала его кухню.

Как по заказу Алли оказалась рядом с Хадсоном. Он обнял ее за плечи и поцеловал в макушку, наблюдая, как Ник уставился на деревянную пирамиду. Он протянул руку, чтобы заставить тонкие деревянные лопасти крутиться, но как только его палец коснулся замысловатой конструкции, все рухнуло — ангелы пали с небес, лопасти упали на пол.

— Господи Боже, — пробормотал Хадсон себе под нос. — Кое-что никогда не меняется.

Алли прикрыла рот ладошкой, чтобы скрыть смешок, а он подошел к горке деревянных деталек.

— Я только хотел, чтобы маленькие парни крутились быстрее, чувак, — Ник собирал лопасти, разлетевшиеся в разные стороны, пока Хадсон спасал падшего ангела с пола.

— А идея оставить эту хрень в покое тебе в голову не приходила?

— А идея расслабона нахрен покинула твою голову? — Ник вставил одну из лопастей в положенное место, не убирая руку, точно сомневаясь, что деталька будет держаться.

Хадсон отпихнул руку Ника.

— Дай мне.

— Эй, оставь гендиректора в офисе. Я справлюсь, — Ник вставил еще одну лопасть на место, затем другую, но потом все снова развалилось. — Сукин сын.

— Подвинься, — Хадсон отпихнул Ника, не давая поиграть в бирюльки.

— Приступай, — Ник сложил лопасти в кучу на столе и пошел к елке. — Чувак, тут целая гора подарков, — он присел и стал рыться в коробках. — И я вижу свое имя на многих из них. Кого ограбили?

— После ужина.

— После ужина? Черта с два. Я знаю, когда ты что-то скрываешь. И когда ты скрываешь, оно того стоит, — Ник выпрямился. — Да брось, чувак, не трахай мозги. В чем

дело?

— Эй, никаких траханий в Рождество.

Алли наклонилась к Хадсону и прошептала так, чтобы расслышал только он.

— На кухне я слышала противоположное.

— Это другое, — Хадсон поцеловал ее в висок.

— Сейчас или позже, бро, но ты отдашь мне подарок. Я знаю тебя, ты не устоишь. Так что выкладывай.

— Нет. Позже.

— О, да ладно, — Алли закатила глаза. — Ты так ждал этого весь день. Просто отдай ему.

Она не могла не подколоть его этим.

— Ладно, можешь открыть один.

Ник тут же зарылся в гору подарков и начал свою версию игры в 'поиск предметов'. Наконец, он появился с огромной прямоугольной коробкой, на которой почерком Хадсона было подписано имя Ника.

— Это твой выбор?

Ник широко улыбнулся.

— Чем больше, тем лучше.

— Необязательно, — Хадсон подошел к елке и взял маленькую красную коробочку с тщательно продуманным бантиком из серебристой ленточки. Дело рук Алли, конечно же. Ему не хватало терпения, когда дело касалось упаковки подарков, и он всегда предпочитал наклейки. Отклеить, прилепить, готово.

— Маленькую? — Ник скептически посмотрел на нее.

— Как хочешь, если ты предпочтешь ту, в которой упакован кашемировый пуловер. Дело твое.

Невольно улыбаясь, Алли наблюдала, как взгляд Ника мечется между огромной коробкой в его руках и маленькой, которая умещалась на ладони Хадсона.

— Ты же знаешь, что большие подарки дарят в маленьких коробочках, — подсказала она.

Ник рассмеялся.

— Раз она так говорит, — он отбросил большую коробку и схватил маленькую из рук Хадсона. Сорвав ленточку, поднял крышку и обнаружил серебристый ключ с цепочкой и надписью HARLEY DAVIDSON. На наносекунду Ник лишился дара речи, а затем резк вскинул голову.

— Да ладно?!

— До ужина осталось еще несколько минут, — сказала Алли. — Почему бы тебе не сходить с ним вниз и не показать?

— Он здесь?

— Хочешь пойти посмотреть?

— Э, да, черт побери, — Ник уронил коробочку и вскочил на ногу, едва не подпрыгивая на месте, как в детстве.

Хадсон локтем обхватил шею брата и потащил его к лифту, ероша волосы костяшками пальцев.

— Веди давай, малыш.

Возможно, он радовался не меньше брата. Они вновь проводили время вместе, и Ник

улыбался почти как в детстве, когда открывал дерьмовые подарки, на которые Хадсон еле как наскребал деньги. Но в этот раз он приготовил брату кое-что, что компенсирует хреновые игрушечные машинки, у которых через неделю отваливались колеса. В этот раз его брат получит настоящие охренительные колеса.

Вырвавшись, Ник побежал вперед и ударил по кнопке вызова лифта.

— Давай, старичок. Брось ходунки и поспеши.

Хадсон едва зашел в лифт, а Ник уже жал большим пальцем на кнопку закрытия дверей. Ему казалось, что брат вот-вот начнет отскакивать от стен лифта точно мячик, а эта поездка несомненно будет самой долгой в жизни Ника.

Через три... два... один... двери открылись.

Рядом с стальным-серым DB9 Хадсона был припаркован единорог Ника, Harley Davidson Fat Boy, вальяжный и роскошный, с безошибочно узнаваемым ностальгическим профилем.

Хадсон Чейз не шутил, когда дело касалось мотоциклов.

Ник прошелся вдоль блестящей черной классики так, будто если он подойдет ближе, чудо исчезнет.

— И это мое?

Хадсон усмехнулся.

— Ага, с Рождеством.

Его брат провел рукой по хромированному значку на кожаном ремне, затем перебросил одну ногу через байк.

— Здесь четырехцилиндровый двигатель, коробка передач с шестью скоростями. Хромированный спидометр, консоль зажигания, — указал Хадсон. — Вся необходимая информация здесь.

Ник положил руки на руль из нержавеющей стали с хромированными ручками.

— Это охренительный байк.

— Если тебе не нравится цвет или комплектация, можем перепродать.

— Ни за что. Это лучший подарок на свете, бро. Я обожаю его, — Ник откинулся на металлическом троне, смотря на бетонную стену перед собой, точно это была открытая дорога. — Когда поедем кататься?

— Байк, снег — не лучшее сочетание.

— Ой да брось, кайфолом.

— Никакого байка в такую погоду. Не говоря уж о том, что яйца отморозишь.

— Говорю же. Кайфо. Лом, — Ник усмехнулся.

— Здравый смысл, — Хадсон сделал два шага вперед. — У него хромированные колеса и противоугонная система, автоматически блокирующая движение, — сказал он, указывая на дополнительные прикрасы. — Даже лучше, чем на моем байке.

Ник продолжал трогать все, касаясь пальцами каждого дюйма.

— Я не знаю, что сказать.

— Попробуй 'спасибо'.

Он посмотрел на него снизу вверх.

— Спасибо, Хадсон.

— Не за что. Рад, что понравилось, — Хадсон почувствовал, как в кармане завибрировал телефон. Вытащив его, он быстро набрал сообщение и убрал аппарат обратно. — Ужин готов, — едва он произнес эти слова, как телефон снова завибрировал.

— Нам лучше подняться, — сказал Ник, слезая с байка.

— Ага, — Хадсон напечатал ответ, снова убрал телефон и наградил брата строгим взглядом. — Никакой езды в пьяном виде, понял?

— Чувак, да когда ты уже оставишь эту тему? Трезв как стеклышко, помнишь? — Ник запустил руку в карман и достал жетон за 30 дней(19) и бросил Хадсону.

Хадсон поймал жетончик и посмотрел сначала на одну сторону, потом на другую. Можно было много чего сказать, но на ум не приходило ничего, кроме как:

— Это для меня лучший подарок на Рождество, Ники, — он прочистил горло. — Нам лучше подняться, пока Алли не начала опять строчить мне смс-ки.

Ник засмеялся.

— Подкаблучник.

— Не отрицаю, — он широко улыбнулся. — Однажды это случится и с тобой, — Хадсон хлопнул брата по плечу, направляясь к лифту. Пока они поднимались, он просветил Ника в еще несколько деталей об его новом железном коне. И пока он с напыщенным видом разглагольствовал, Ник сопровождал это звуковыми эффектами, эхом отражавшимися от деревянных панелей.

Едва они вышли из лифта, Алли глянула на них, продолжая расставлять еду на столе.

— Как раз вовремя. Садитесь оба.

— Могу я помочь чем-нибудь? — Хадсон чмокнул ее в щеку.

— Нет. О, погоди, да! Вино, — она металась между столом и кухней, пытаясь определиться, куда идти.

— Я займусь этим.

Алли остановилась, коснувшись его предплечья.

— Или лучше не стоит, — она посмотрела на Ника, который тыкал пальцем в батат.

Привязанность, которую эта женщина питала не только к нему, но и к его брату, была подобна стреле в сердце.

— Все нормально, детка.

Ник ясно дал понять, что не хочет, чтобы вокруг него ходили на цыпочках. Он хотел, чтобы все было как можно естественнее, и если Хадсон обычно подавал вино к ужину, он подаст его и сейчас.

Он как раз вернулся с бутылкой шардоне, когда Алли вышла с кухни. Ее руки были заняты очередным блюдом, но проклятье, это как раз было его любимым — запеканка из зеленой фасоли с очень хрустящим луком. Блюдо, может, для кого-то и бюджетное, но черт, это же классика.

— Ты превзошла сама себя, — сказал он. Хоть Алли и была не в своей среде, все было идеально. Хадсон открыл вино с мягким хлопком и стал наполнять бокалы. Алли принесла последнее блюдо, и проклятье, он был готов рухнуть на одно колено.

— О, дерьмо, это картофельный гратен? — выпалил Ник, прежде чем Хадсон успел сказать хоть слово.

— Угадал.

— Чувак, Хадсон, не вздумай облажаться и потерять ее.

— Ни за что.

— Садитесь, пожалуйста. Ешьте, пока горячее, — Алли только присела, как ее телефон разразился визгливой мелодией Girls Just Want to Have Fun.

Хадсон выгнул бровь при звуках поп-гимна 1980-х.

— Харпер, — смущенно улыбнулась она. — Это она поставила, не я.

Хадсон и Ник оба рассмеялись над ее отговоркой.

— Привет, — сказала она в трубку. — Как Сент-Луис? Дядя Эдди все еще в штанах? — морщинка залегла меж ее идеальных бровей. — Ты все это время торчишь в аэропорту О'Хара? — она встала и подошла к окнам, дававшим панорамный вид на Лейк Шор Драйв. Снег летел то в одну, то в другую сторону из-за резких порывов ветра. — Снегопад сильный, но движение нормальное. — Вновь тишина. — Ну, очевидно, сегодня ты не улетишь... Нет, мы еще не ели.

Хадсон убрал с коленей салфетку и положил на стол.

— Почему бы тебе не приехать и не провести канун Рождества с нами?... Нет, никаких проблем, — Алли вернулась к столу и подняла тарелку гратена, в которую Ник уже был готов запустить ложку. — О, нет, еда будет готова через полчаса, так что все будет отлично.

Хадсон с Ником обменялись взглядами, говорящими, что их голод может стать проблемой.

— Приезжай, — сказала Алли и положила трубку. Не медля, она повернула к Хадсону и Нику. — Вы мне с этим не поможете?

— Какого хрена? — беззвучно прошептал Ник, когда Алли ушла из столовой, забрав с собой гору тарелок.

— Просто делай, что говорят, — они оба принялись относить тарелки на кухню одну за другой. Алли понеслась сервировать еще одно место, а Хадсон полез за телефоном.

— Макс, скоро приедет буйная рыжая по имени Харпер Хейз. Пропусти ее наверх.

Алли раскрыла рот.

— Макс сегодня работает?

— Да.

— Пошли человека домой. Хватит того, что последние две недели ты заставлял его ходить за мной хвостиком, но это же канун Рождества.

— Преступники не отдыхают на праздники.

— Я в твоём пентхаусе. Ничего со мной здесь не случится.

Хадсон вздохнул.

— После того, как она приедет, ты можешь уехать на ночь, — сказал он Максиму.

Она выгнула бровь.

— И увидимся 26-го, — неохотно добавил он прежде, чем повесить трубку. Хоть ему и хотелось держать Макса в боевой готовности, Алли была права. Не стоило лишать человека возможности провести время с семьей.

— Спасибо, — она поцеловала его в щеку. — Может, отдадим Нику остальные подарки?

— У меня нет идей получше на ближайшие полчаса, — он обнял ее и запечатлел быстрый поцелуй на губах. — Положи печенье, Ник, — сказал Хадсон, не оборачиваясь. Повернувшись, он застал брата на месте преступления и указал подбородком в сторону елки. — Там еще есть подарки с твоим именем.

(19) В обществах типа анонимных алкоголиков и прочих людей, зависимых от чего-либо, дают жетончики типа '30 дней без алкоголя', '30 дней без азартных игр', смотря, от чего зависим человек и с чем он пытается завязать

— Гребаный ад, — выдохнул Хадсон, когда двери лифта открылись. Харпер, кажется, притащила с собой весь свой гардероб в двух чемоданах размером с Эскалейд(20). Уперев руки в бока, он уставился на эту гору багажа. Если бы он не знал, подумал бы, что рыженькая сюда переезжает.

Алли прибежала к лифту как раз тогда, когда Харпер начала выпутываться из всех слоев одежды, которыми пыталась защититься от ветра. В данный момент Хадсон видел только пару ярко-зеленых глаз.

— О Боже, ты, должно быть, замерзла, — сказала Алли.

— Не все так плохо, — Харпер стучала зубами, с нее сыпались снежинки. Она присела на скамейку в прихожей и стащила свои... Боже, это что, сапоги с пожарными машинами(21)?

— Я не знала, что у тебя с собой столько багажа.

— Эй, ты меня первый день знаешь? — следующими пошли изумрудно-зеленые перчатки, упавшие на пол с влажным шлепком.

— Нам надо было встретить тебя на остановке, — Алли бросила на Хадсона сердитый взгляд. — Давай-ка отведем тебя к огню, — увлекая Харпер в гостиную, она обернулась на Ника и Хадсона. — Вы позаботитесь об этом?

Братья переглянулись. Хадсон провел рукой по волосам и сдержал ругательство. Хватало того, что он должен был разыгрывать гребаное гостеприимство, но работать коридорным? Господи, он утащит брата за собой на это дно.

— Ну, не стой там, сделай что-нибудь полезное, — он хлопнул Ника по груди тыльной стороной ладони.

— Оу, — Ник притворно содрогнулся. — Рассчитывай силы, бро.

Зайдя в лифт, Хадсон взялся за выдвижную ручку одного из чемоданов, Ник проделал то же самое с другим. Братья оттащили чемоданы Харпер — один в разноцветный горошек, другой в радужную полосу — в прихожую пентхауса и сложили ручки чемоданов обратно. Закончив, они увидели, что женщины сидят перед ревушим пламенем. Алли, очевидно, подбросила несколько поленьев, превратив гостиную в пылающий ад.

— Почему тебе вообще понадобилось столько багажа? — спросила она. — Я думала, ты едешь всего на несколько дней.

— В одном чемодане подарки для моих племянников, мятный шоколад Frango для мамы и... — наконец, избавившись от верхней одежды, Харпер как следует разглядела, что ее окружало. Присвистнув, она переводила взгляд с огромной елки, заметной из-за статуи Капура, к пианино Fazoli и сводчатым потолкам.

Хадсон встречался с Харпер всего несколько раз, но этого хватило, чтобы понимать — мало что может лишить ее дара речи.

— Святая корова, — сказала наконец она.

— Я немного переборщила с декорациями, да?

— Немного. Но черт, это место просто огромно.

Ник рассмеялся.

— Мой брат ничего не делает наполовину. У него всегда я...

Хадсон заткнул Ника взглядом, не давая ему закончить предложение, в котором явно содержалось слово 'яйца'.

— Что-нибудь выпить, Харпер?

— Конечно, благодарю. Может, бокал вина?

— Красное или белое?

— Мне подойдет то, что пьют остальные, — сказала Харпер. Она наконец скинула пальто, и все остальные мысли о гостеприимстве затмил ее наряд. Подруга Алли была одета в смесь цветов и узоров, которая идеально вписалась бы в 1985 год, с легкой примесью хипстерского движения. Хадсон не разбирался в трендах женской моды, но даже он мог с уверенностью сказать, что эта женщина маршировала под свой собственный барабан.

— Сначала принеси ей что-нибудь, чтобы согреться, — сказала Алли. — Вино она может выпить за ужином.

Требовательная штучка. Усмехнувшись Алли, Хадсон посмотрел на Харпер и выгнул бровь.

— Скотч?

— Конечно, почему нет, черт побери.

Пока Хадсон шел к бару, его живот принялся урчать. Время коктейлей прошло два часа назад, и тот факт, что он наливал скотч, умирая с голоду, говорил о том, что он сделает и скажет все что угодно, чтобы сохранить на лице Алли это выражение счастья. Черт, кто не заслуживает немного счастливых моментов?

— Так что за история с рыженькой? — спросил Ник. Хадсон краем глаза глянул на брата, пока наливал янтарную жидкость, немного беспокоясь, что Ник так близко к спиртному.

— Алли... — он помедлил, закрывая графин хрустальной пробкой. — ЛДН.

Хадсон показал пальцами кавычки, но Ник не удержался.

— ЛДН?

— Ага, Лучшие Друзья Навеки, — сказал он, поднимая два бокала отменного скотча.

Ник рассмеялся.

— И давно ты знаешь эту фразочку, бро?

— Да уж дольше тебя, — Хадсон подошел к огню, где женщины погрузились в свою женскую болтовню на скорости света.

— И вот, после трех переносов рейса и отключения самолета мы все сели на борт, но тут диспетчер закрыл взлетную полосу.

— Твоя мама, должно быть, так расстроилась.

— Она паниковала с самого утра, — Харпер изобразила голос матери. — Эл Рокер говорит, что это будет хуже, чем метель в 2011-м., — она пожала плечами. — Эй, могло быть и хуже. Я могла, как и все эти люди, застрявшие в аэропорту, спать на раскладушке в канун Рождества. А так я хотя бы поужинаю с лучшей подругой и буду спать в своей постели, — Хадсон протянул ей бокал, и она тут же его приняла. — Спасибо.

— Они забронировали тебе билет на утро?

— Да, если снегопад прекратится, — она глянула на снежинки, белым занавесом пролетающие за окном, отпила глоток скотча и закашлялась. — Воу, от этого ж волосы на груди вырастут.

— Признак хорошего скотча, — усмехнулся Хадсон. — Слишком?

Харпер сделала еще один глоток.

— Нет, все в норме. Хотя вот ей лучше быть осторожной, — сказала она, кивая в сторону Алли. — Один бокал, и я выболтаю все ее секреты.

Хадсон наблюдал, как Харпер делает еще один большой глоток. Так, так, так. Возможно, вечер будет интереснее, чем он думал.

Алли поднялась на ноги.

— Ладно, болтун...

— Находка для шпиона? — Харпер улыбнулась, и Ник рассмеялся.

— Поставь бокал и помоги мне накрыть на стол.

Харпер встала с дивана.

— Лучше я возьму бокал с собой и помогу накрыть на стол. Умираю с голоду!

Боже святой, не одна она, подумал Хадсон, отпивая глоток своего скотча.

— Нужна помощь, детка? — он скрестил ноги в лодыжках, надеясь, что она не затащит его на кухню и не найдет для него еще один фартук. Хотя Ник, кажется, не возражал.

— Мы справимся, — она наклонилась, чтобы быстро поцеловать его в губы, и он пропал.

Хадсон обхватил ее затылок, удерживая рядом.

— Давай быстрее, я с нетерпением жду десерта, — промурлыкал он ей в губы. Алли повернулась и пошла на кухню, обнявшись с Харпер. Он посмотрел им вслед, затем перевел взгляд на наручные часы, отсчитывая минуты до конца ужина и момента, когда она наконец окажется под ним, выкрикивая его имя.

Время отдавать(22).

Из кухни донесся голос Харпер, подскочивший на целую октаву.

— Дерьмо, да эта кухня размером с квартиру-студию.

Он усмехнулся в стакан.

— Похоже, эта белая хрень собирается в сугробы, — сказал Ник позади него.

Хадсон вытянул шею. Озеро вдалеке едва было видно. Он присоединился к брату у окна для лучшего вида. Машины внизу двигались друг за другом змейкой по Лейк Шор Драйв и были почти полностью покрыты снегом.

— Ужин подан, — сказала Алли. Они с Харпер вошли в комнату с двумя блюдами.

Тут же сорвавшись с места, Хадсон подвинул столовые приборы, которые со временем как будто множились, и освободил место для принесенных ими блюд.

— Пахнет изумительно, — сказал он. И когда она улыбнулась, его озарило — это ее рай. Разлученная семья воссоединилась в последний момент, будь проклята погода, но это то, что ей было нужно.

Из сентиментальной медитации его вырвал смеющийся баритон Ника и веселый голос Харпер.

— Конечно, — сказала она и посмотрела на пустые приборы и фасоль, которая переходила по рукам. — Но серьезно, ребята, вы не обязаны были меня ждать. Уверена, вы меньше всего хотели засовывать ужин обратно в печь.

Алли раскрыла рот от удивления.

Харпер закатила глаза.

— Я тебя умоляю, я же слышала, как звенели вилки о тарелки. И для галочки, я прямо представила, как ты щелкаешь пальцами на этих двоих, — она помахала пальцем между Ником и Хадсоном, — чтобы они помогли тебе быстренько убрать все на кухню.

Ник расхохотался.

— Похоже, она тебя раскусила, Алли.

— Как я и говорила, у всех свои секреты, — Харпер улыбнулась Нику, поднося бокал к губам и делая еще один глоток обжигающего горло скотча. — Знаете, — сказала она, уставившись на хрустальный бокал. — Чем больше пьешь, тем мягче эта хрень заходит.

— Тогда тебе точно больше не наливаем, — поддразнила Алли, пока Хадсон разливал вино.

— Так где ты должна была быть сегодня? — спросил Ник.

— В Сент-Луисе, — сказала Харпер, накладывая себе сладкий картофель и выуживая себе побольше зефирок.

— Ты там выросла? — поинтересовался Ник. Он нагрузил свою тарелку протеинами и добавил чайную ложечку овощей.

— Ага. Алли говорила, что вы, парни, родом из Мичигана. Из какой его части?

Ник замер, наполовину погрузив ложку в фарш, и поерзал на стуле.

— Эм, ну мы много переезжали.

— В основном по северному полуострову, — вмешался Хадсон. Дискомфорт Ника вторил его собственному. Их прошлое было запретной темой. Он быстро перевел разговор на безопасные рельсы. — Так скажи мне, Харпер, что за торжество намечается сегодня в Сент-Луисе?

— Ох, ну смотри, — Харпер бухнула себе еще одну ложку картошки на тарелку. — Ну, мама точно сделала большую чашу своего знаменитого гоголь-моголя. Тетя Сью утверждает, что не пьянеет от него, хотя начинает распевать песни по дороге на полуночную мессу. Мои племянницы и племянники к этому моменту уже настолько гиперактивны от съеденного печенья и конфет, что если мы откроем окно, то скорее всего услышим вопли моей сестры о Санте прямо здесь, — Харпер поставила тарелку и посмотрела на часы. — И примерно час спустя дядя Эдди вырубился на диване за просмотром 'Этой прекрасной жизни', засунув руку под пояс штанов.

— Не уверен, сможем ли мы сравниться с таким, — хохотнул Хадсон. — Но в кинотеатре наверху наверняка есть копия 'Этой прекрасной жизни', — он указал вилкой вверх и тепло улыбнулся Алли. — И я уверен, что Алессандра припасла в холодильнике достаточно гоголя-моголя, чтобы вдохновиться на песню-другую.

Глаза Харпер расширились.

— У тебя тут есть кинотеатр?

— Ага, — ответил Ник. — И чертова игровая комната. Если хочешь, я устрою тебе экскурсию после ужина. Может, поиграем в бильярд?

Хадсон бросил взгляд на брата, но тот только пожал плечами. С каких это пор это место стало личным местом для развлечений Ника?

Хитрая улыбка скользнула по лицу Хадсона, он решил добавить искорки в разговор за счет Алли.

— Ты играешь в дартс, Харпер?

— Я играла немного в барах, но не могу назвать это своим большим хобби.

— А Алессандра в этом весьма неплоха. Особенно с завязанными глазами.

Алли прыснула вином в бокал.

— Ты в порядке? — спросил он, касаясь ее спины. Она кивнула, вытирая рот салфеткой, и наградила его тяжелым взглядом, который тут же смягчился, стоило Хадсону улыбнуться.

— Расскажи немного о себе, Ник, — сказала Харпер, поднимая вилку с комбинацией

картофеля, клюквы и индейки.

Ник внезапно засмутился и будто... черт побери, его брат нервничал? Грешники в аду сегодня будут кататься на льду. Он отпил большой глоток газировки и кое-как выдавил два слова.

— Например, что?

Харпер наколола на вилку стручковую фасоль.

— Ну не знаю... боксеры или трусы-плавки?

Теперь пришла очередь Ника поперхнуться напитком. Черт, вечер становился все веселее. Его брат реально краснел. Но зная, что Ник может ляпнуть что угодно, Хадсон задержал дыхание, надеясь, что тот не выпалит 'без белья вообще'.

— Я, ээ... — Ник запнулся.

— Я шучу, — рассмеялась Харпер. — Что-нибудь попроще, например, чем ты зарабатываешь на жизнь?

Ник было бы проще, придерживайся она темы нижнего белья, подумал Хадсон, разрезая индейку.

— Вообще я только что устроился на новую работу.

Хадсон замер, не донеся вилку до рта.

— Правда?

— Ага. Вы смотрите на нового баристу в Старбакс.

— Это здорово, Ник, — сказала Алли. — Где именно?

— На перекрестке Дирборн и Дивижн.

— Если тебе нужна была работа, надо было прийти ко мне, — сказал Хадсон, прежде чем отправить вилку в рот.

— Нее, бро, все в норме. Ты достаточно для меня сделал. К тому же я знаю, каким кораблем ты управляешь.

Харпер улыбнулась.

— Я бываю в том месте почти каждые выходные. Может, будем с тобой видеться иногда.

— Можем заходить вместе, — подключилась Алли.

— О боже, — Харпер выпучила глаза. — Не уверена, что Ник готов к твоим специальным заказам. Лучше дай ему несколько недель, прежде чем требовать с него двойной обезжиренный ванильный латте, очень горячий и немного пенки.

Алли повернулась к Хадсону, и тот вскинул руки в знак поражения.

— Не жди у меня защиты против этого.

— Ладно, — Алли переключилась на Ник. — Тогда возможно ты сможешь научить своего брата пользоваться его машиной для эспрессо.

— Извини, но этот чувак — безнадежный случай.

Все засмеялись над ним, но Хадсон в тот момент был счастливее некуда. Все четверо беззаботно беседовали, и он не мог не замечать, как улыбались Ник и Алли. Харпер тоже присоединилась к ним. Почти два часа комната была полна лишь звуками вилок, звякавших о тарелки, звоном бокалов и смехом, который был точно вишенка на торте.

Ник откинулся на стуле и погладил живот.

— Черт, Алли, это было отменно.

— У кого-нибудь осталось место для десерта?

Боже, нет, подумал Хадсон, бросая салфетку на стол. Он был набит под завязку, не

говоря уж о том, что ужин продлился довольно долго. Он был готов к моменту, когда Труляля и Траляля попрощаются и отправятся по домам, а он останется наедине с Алли.

— Я не смогу съесть ни кусочка, — сказала Харпер. — Снимаю шляпу перед шеф-поваром.

Слава Богу. На мгновение Хадсон даже задумался, не сказал ли это вслух, но раз никто не пнул его под столом, видимо, не сказал.

Все встали, чтобы убрать тарелки со стола, ставя их одну на другую и складывая сверху столовое серебро.

— Ох, дерьмо, — сказал Ник.

Хадсон бросил взгляд на брата, затем на окно. Снаружи Лейк Шор Драйв превратился в заснеженную парковку. По меньшей мере два фута снега выпало за вечер на дороге у озера. Один за другим люди выходили из машин, когда бензин заканчивался.

— Черт, — Алли подошла ближе к окну. — Мы не сможем отправить их в такую погоду, — прошептала она подошедшему Хадсону. — Они даже не смогут поймать такси.

Проклятье, она была права.

— Нет, конечно же нет. Они останутся здесь. У меня много комнат.

Алли приподнялась на цыпочках и мягко поцеловала его в щеку. Совсем не то, что было у него на уме, но ночь еще не закончилась. Если повезет, их гости скоро отправятся по кроваткам.

Необходимость ограничиваться спальней серьезно поменяла планы Хадсона. И не в лучшую сторону. Хоть он и наслаждался вечером, но соглашаясь на все эти декорации, он представлял, как использует елку, пылающее пламя и мерцающие огоньки как идеальную атмосферу для его собственной версии празднования Рождества. Но у матери-природы другие планы. Например, устроить ему ночевку с братом и эксцентричной лучшей подругой его девушки.

Алли вошла в комнату и закрыла за собой дверь. И когда она щелкнула замком, стало ясно, что у нее тоже есть свои планы.

— У меня есть для тебя сюрприз.

Он склонил голову набок.

— Ты уже вручила мне подарок.

— Это было то, что можно положить под елку и что ты мог открыть перед Ником, — в ее взгляде мелькнула порочная искорка, и его заинтересованность подскочила до предела. — Этот подарок требует более интимного места вручения.

Ее пальцы начали постепенно расстегивать изящные пуговицы на красной кофточке. Полы потихоньку расходились в разные стороны, открывая его взгляду кружевной лифчик и нежные округлости груди. Хадсон сжал руки в кулаки. Гребаный ад, этого он и хотел.

Он шагнул к ней, но Алли повернулась и направилась в ванную. На ходу она обернулась, нарочно позволив кофточке соскользнуть с плеча, оголяя нежную кожу. Хадсон застонал, начиная чувствовать, как она влияет на него, как жесткий бугор возбуждения начинает подниматься в штанах. В то же время он услышал тихий смешок Алли, донесшийся из ванной.

Выругавшись себе под нос и быстро поправив свое достоинство, он прошел в кабинет, соединенный со спальней. Обойдя массивный стол, он открыл центральный ящик. Вид

длинной узкой коробочки с логотипом Картье отозвался знакомой болью в груди, когда остатки парня-подростка из прошлого схлестнулись с надеждой на будущее.

После Алли он никогда не будет прежним. Именно ее ему не хватало всю жизнь. Хадсон никогда не чувствовал себя по-настоящему цельным с другой женщиной. Он мог уезжать по делам на долгое время и никогда не скучал. Он мог держать одну из них под руку и забывать, что они находятся в одной комнате. И он бесчисленное количество раз уходил от них, не оглядываясь назад. Но Алли поглотила его. Бросала ему вызов. И когда они занимались любовью, он чувствовал себя цельным.

Хадсон убрал коробочку в карман и вернулся в спальню. Алли стояла перед ним черной атласной сорочке с кружевами. Вид ее заставил его остановиться на полпути, и вся хрень из прошлого стала лишь отдаленными дурацкими мыслями. Он резко втянул воздух — она была сногшибательна.

— Тебе нравится? — ее ореховые глаза посмотрели на него, мягкие светлые локоны упали на бледную кожу. Контраст невинности, которая все еще в ней оставалась и того, какой раскованной она могла быть с ним.

Только с ним.

— Нравится ли мне? — он приподнял брови, подходя ближе. — Я в восторге, — кончиками пальцев он коснулся ее груди, проводя по краю атласной ткани. — Проклятье, Алли, ты самая красивая женщина, на которую я когда-либо положил взгляд.

Алли улыбнулась и слегка покраснела.

— Ну, было либо это, либо пошлая миссис Клаус.

Он усмехнулся. Она могла расхаживать в трениках или даже в мешке из-под картошки, и ему бы нравилось, потому что это она. Хадсон был не из тех парней, которые западают на дорогое белье, чулки и лифчики, поднимавшие чуть ли не до подбородка то, что ему хотелось освободить. Но он все же был мужчиной из плоти и крови, и не собирался жаловаться. Господи Боже, она идеальна. Резко выдохнув, он приказал своему стояку остыть.

— У меня для тебя подарок.

— Мне не нужно ничего больше, Хадсон, под этой крышей есть все, чего я могла желать, — ее руки скользнули на его талию.

— Не соглашусь, — он достал из-за спины кожаную коробочку. Она была перевязана красной ленточкой, фирменный рождественский знак Картье, и хотя черный бантик обычно лучше подходил к его праздничному настроению, в этот раз радостный красный пришелся кстати.

Алли открыла коробку и ахнула. Внутри лежал ножной браслет, сделанный на заказ по точным инструкциям Хадсона. Изящные переплетающиеся цепочки из белого золота держали одну подвеску в виде ракушки с идеальными бриллиантами.

— Она прекрасна, — прошептала она. На ее глаза навернулись слезы, и Хадсон гадал, вспоминает ли она такую же сцену десять лет назад, когда он подарил его безделушку с карнавала.

— Я подумал, это будет более уместно, чем та дешевка, что ты носишь запрятанной в ботинки.

— Я люблю эту 'дешевку', - сказала она. — И тот факт, что ты хранил ее все эти годы...

Хадсон сократил расстояние между ними. Он коснулся ее губ своими раз, другой, и потом стал целовать глубоко и медленно. Он был медленным и осторожным, склоняя голову и лаская ее рот языком.

Боже, целовать ее с каждым разом было все лучше и лучше.

Руки Алли скользнули под его свитер. Они были мягкими и прохладными против его горячей кожи. Хадсон отстранился и одним движением стянул свитер через голову, отбрасывая его в сторону.

— Эй, что случилось? — он накрыл ладонью ее щеку, большим пальцем вытирая слезинку. — Почему ты плачешь?

— Потому что этот вечер был просто идеален. Потому что я люблю тебя

— Я тоже люблю тебя, Алли. Больше всего на свете.

И это было правдой. Он любил ее больше, чем компанию, которую построил с нуля. Больше, чем любое будущее, простирившееся перед ними. Он любил ее больше себя самого.

Хадсон опустил голову и снова поцеловал ее с медленным, искусным обольщением, задействовав весь рот, от чего ее пальцы зарылись в его волосы. Он поднял Алли на руки и уложил на королевского размера кровати, затем растянулся над ней, сохраняя сдержанный контроль, полностью противоречащий эрекции, пульсировавшей в его штанах. Отбросив волосы с ее лица, он большим пальцем приласкал скулу.

— Мне нравится ощущать тебя сверху, — Алли скользнула ногой по его лодыжке.

Хадсон погладил ее бедро, закидывая ее ногу себе на талию.

— И как я ощущаюсь?

— Твердым, — она качнула бедрами под ним и улыбнулась. — Очень твердым.

— Проклятье, Алли, — прошипел он.

Она прижалась губами к напрягшимся мышцам его шеи, прокладывая дорожку поцелуев к подбородку. Считанные секунды оставались до того, как ему захочется большего, намного большего. Он нуждался в ней, в каждом дюйме ее плоти, горячей и сжимающейся вокруг него. Он должен был заняться с ней любовью с голодным отчаянием умирающего человека, ищущего Бога.

Он задрал ткань сорочки выше до ребер. Тело ее выгнулось, соски проступили сквозь тонкую ткань. Нетерпеливым жестом Хадсон стянул атлас, и вершинка ее груди напряглась от потока холодного воздуха. Будучи не в состоянии остановиться (да как будто он остановился бы, будь у него возможность), он лизнул сосок, втягивая его в рот. Его язык кружил, то отступая, то возвращаясь, дразня и посасывая, его руки блуждали по всему ее извивающемуся телу. Нетерпеливые пальцы вцепились в край ее белья.

— Я хочу это снять.

Алли сбросила сорочку с плеч и стянула через голову. Когда она бросила ее, ткань приземлилась... на кровать? На пол? Какая к черту разница. Его глаза были прикованы к ее безупречной коже. Руки ласкали всюду от шеи до бедер, затем губы повторили весь этот путь. Он покрывал ее тело неторопливыми поцелуями и чем ниже он спускался, тем дольше задерживались его губы. Наконец, устроившись между ее бедер, он подхватил ее под колено и забросил ногу себе на плечо.

Опустив голову, он пробежался языком по ее естеству. Дыхание Алли прервалось, воздух шумно вырвался из легких. Он ласкал ее долгими, медленными движениями, затем погрузил язык еще глубже, наслаждаясь ее вкусом.

— О Боже... Хадсон... — Алли застонала, стискивая простыни.

— Приятно? — он лизнул самое чувствительное местечко.

— Да... — ее голос дрожал, как и все ее тело.

— Так сладко, ты меня убиваешь, — им завладела похоть, и с низким рычанием он

схватил ее за бедра, шире разводя ноги и проникая в нее языком. Он врывался в нее глубокими, чувственными ласками, и она тут же разлетелась на кусочки под его ртом, увлажняя его губы. Она выгнулась всем телом на постели, запрокинув голову. И дерьмо, то, как она выкрикнула его имя, заставило его член содрогнуться в штанах от отчаянного желания. Хадсон отстранился и едва не вырвал молнию, расстегивая ширинку и спешно отбрасывая брюки.

Одним движением он навис над ней, бицепсы напряглись, пока он устраивался на локтях. Головка его члена задела ее горячее естество, и его обдало новой волной жара.

Алли посмотрела на него. Боже, если она всю оставшуюся жизнь будет так на него смотреть, он всю свою жизнь проведет внутри нее.

— Займись со мной любовью, Хадсон.

— Всегда, — он накрыл ее губы своими, одновременно глубоко вминаясь в нее и чувствуя, как в плечи вонзаются ее ногти. Он отвел бедра назад, затем напряг низ позвоночника, вновь проникая в нее. Тонкие руки Алли скользнули по спине к его обнаженной заднице, подталкивая его еще глубже.

Хадсон вскинул голову, с губ его сорвалось рычание, мышцы напряглись от наслаждения, расходившегося от низа живота. Его широкая спина сокращалась и расслаблялась с каждым движением бедер, каждым плавным толчком наружу и снова внутрь, и наконец он нашел ритм, который его тело поддерживало на автопилоте.

— Ох, Боже... — Алли выгнулась, высоко поднимая подбородок, ее соски терлись об его грудь. Проклятье, один лишь только вид ее, извивающейся под его телом, едва не заставил его тут же кончить. Он закрыл глаза, но в этот раз его не преследовали мысли о прошлом. Никакие кошмары не угрожали нарушить чистое наслаждение. Были лишь они вдвоем, их прерывистое дыхание, смешивающееся со звуками секса.

Алли сомкнула ноги на его талии, гортанный звук, напоминавший его имя, сорвался с ее губ, когда все ее тело стало сжиматься вокруг его члена. Он обрушился на ее губы поцелуем и начал двигаться по-настоящему, его бедра самопроизвольно сокращались. Толчки становились чаще, быстрее и мощнее с каждым беспощадным ударом.

— Я хочу, чтобы ты почувствовала, как я кончаю в тебя, — кое-как проговорил он между вздохами.

— Да... Не останавливайся... Я так...

Быстрый точно удар молнии оргазм пронзил ее тело. Хватка, которой она стиснула его, оказалась последней каплей, и волна наслаждения, бурлившая глубоко внутри, пронзила его позвоночник. Он бурно кончил, всем телом прижимаясь к ней, бедрами вжимаясь в ее естество, продолжающиеся судороги ее оргазма окончательно лишили его разума.

Рухнув на нее сверху, он зарылся лицом в ее шею, пытаясь восстановить дыхание.

— Счастливого Рождества, — прошептала она, лениво поглаживая его спину.

И оно действительно было таким. Все благодаря ей. Несмотря ни на что, Алли удалось сделать их первое совместное Рождество особенным, не только для них двоих, но и для Ника. Осознание этого прошло по нему мощным ударом, и это заставило Хадсона лишь сильнее влюбиться в нее.

(20)Кадиллак Эскалейд — один из самых роскошных полноприводных внедорожников люкс класса.

(21)Вот тут лучше погуглить Fire Engine Boots и посмотреть картинки, потому что я

даже не знаю, что из этого хуже...

(22) Весьма пошлая отсылочка к тому, что Рождество — время отдавать/делиться любовью, благами и пр.

Хадсон открыл один глаз. Первым делом он увидел плетеную кучку перьев, веточек и ниток, которая теперь болталась над его кроватью. Он почти ожидал, что птичье семейство использует эту хрень как магазин для своих нужд, но если она действительно держала в узде ночные кошмары, пусть так и будет. Потом он увидел Алли, стоявшую рядом с кроватью в его пижамных штанах и его же футболке с длинным рукавом.

— Что случилось с женщиной, с которой я заснул прошлой ночью? — он перекатился набок, и простыня сползла ему на бедра.

Алли хихикнула.

— Не ожидал, что я буду готовить завтрак в таком виде?

— Нет, я ожидал, что ты будешь скакать на моем члене в чем мать родила.

Она ахнула, когда он резко схватил ее и затащил обратно в постель.

— Хадсон, здесь Ник и Харпер.

— Я не собирался приглашать их присоединиться, — Харпер казалась ему женщиной, ценящей здоровые сон, да и Ник, почти без сомнений, все еще дрыхнет. Пока он употреблял, он не спал сутками, но теперь он скорее всего беспробудно дрых. — И если память не изменяет, прошлой ночью их присутствие тебя не останавливало.

Он начал задирать ее футболку, но Алли отпихнула его руки.

— Я имею в виду, они наверняка голодны.

— Я голоден, — он принялся работать над завязкой ее — точнее, его — штанов. — Кроме того, я думал, ты собираешься открывать подарки рождественским утром.

— Кажется, ты открыл свой подарок вчера ночью, — Алли с улыбкой вывернулась из его объятий. — И не один раз.

Хадсон застонал и пробежался рукой по темным кудрям. Он знал, что выглядит как после отменного траха, хотя и не испытал этого удовольствия.

— Напомни еще раз, почему у нас чертова вечеринка с ночевкой?

— Потому что, — сказала Алли, снова завязывая шнурок позаимствованных штанов и подворачивая их на талии, — Лейк Шор Драйв превратился в парковку, вот почему.

— Ну, если к утру пробка не рассосалась, я собственноручно расчищу эту чертову дорогу.

— Брюки, — она схватила его за руку и вытащила из постели.

— Не так я себе представлял утреннюю сцену, — проворчал он, шлепая к гардеробной.

— А какова была твоя версия?

Хадсон возник на пороге гардеробной, завязывая штаны. Алли хватило одного взгляда на выражение его лица, чтобы начать пятиться к двойным дверям в спальню. Он настиг ее за три широких шага и распластал ладони по обе стороны от ее головы.

— Я представлял, — промурлыкал он, приближая свои губы к ее рту. — Как зарываюсь в простыни и трахаю тебя языком.

Звук, который она издала, был практически хныканьем.

— Завтрак, — выдохнула она, — и потом я твоя на весь день.

Запомнив это обещание, Хадсон неохотно открыл дверь. Он последовал за ней вниз, в холл, обнимая за талию, губами прижимаясь к шее и шепча все свои планы на ее обнаженное

тело. Чтобы подчеркнуть, как собирается взять ее сзади, он шлепнул ее по попке. Алли взвизгнула и прикрылась, но потом резко встала как вкопанная.

Хадсон врезался в нее.

— Какого... — его голос нарушил сцену, развернувшуюся перед ним: Харпер и Ник, уютно устроившиеся перед потрескивающим и уже затухающим огнем. Господи Боже, да они превратили его гостиную в лагерь. Слава Богу, они все еще были одеты во вчерашнюю одежду.

Алли быстро собралась, намного быстрее, чем он, и поприветствовала гостей широкой улыбкой.

— Доброго утра вам двоим.

— Эй, утра, — Ник быстро поднялся на ноги. — Счастливого Рождества.

— Счастливого Рождества. Как... — Алли запнулась на полуслове. Хадсон знал без сомнений, что она собиралась спросить, как им спалось, но судя по их виду, они не смыкали глаз. — Готовы к бекону и яйцам? — нашла она.

— Фирменный завтрак Алесандры Синклер? — Харпер встала и пригласила взъерошенные рыжие локоны.

— Эй, мои навыки приготовления завтрака получали восторженные отзывы, — Алли глянула через плечо на Хадсона, едва не сшибая его с ног понимающей улыбкой.

Он определенно готов расчистить эту чертову дорогу.

Алли направилась на кухню, но остановилась на полпути, заметив последний подарок, который он ухитрился подсунуть под елку, пока она спала. Скрытный сукин сын.

— Что это?

— Если я тебе скажу, потеряется весь смысл упаковки, — почти мальчишеская улыбка осветила его лицо. — Открой и узнаешь.

Алли достала коробку из-под елки и прочла ярлычок на ней. Она посмотрела ему в глаза.

— Но ты уже вручил мне подарок прошлой ночью, — она приподняла штанину пижамных брюк, чтобы показать бриллиантовый браслет, который он надел на нее где-то между занятиями любовью. Его член едва не выругался в голос от мысли об этом.

— Открывай.

Алли стащила черно-серебристую ленточку, затем подняла белую гляцевую крышечку, увидев два билета на...

— Восточный Экспресс?

Хадсон кивнул.

— Мы уезжаем в Венецию в воскресенье, а поезд отвезет нас в Лондон к кануну Нового года.

— Ты серьезно?

— Ты, я и загадки Восточного экспресса.

Она обвила его шею и крепко поцеловала в губы, совершенно наплевав на их аудиторию.

И Хадсон был совершенно с ней согласен насчет этого.

Он обхватил ее руками, наклоняясь и целуя с бесконечной любовью.

— Подожди, — она отстранилась и помрачнела. — А аэропорты к тому времени будут нормально работать?

Он улыбнулся еще шире.

— Частный самолет, детка, — он мягко коснулся ее губ своими, целуя раз, другой...

— Вы двое когда-нибудь перестанете? — голос Ника разрушил всю атмосферу.

Хадсон застонал. Сейчас он был не в настроении для гостеприимства и отчаянно надеялся, что когда завтрак подойдет к концу, дороги приведут в порядок.

На частном самолете Алли летала бесчисленное количество раз. Сколько она себя помнила, у Ингрэм Медиа был свой реактивный самолет. И хотя по большей части его использовали для дел бизнеса, ее мать без проблем заимствовала его для поездок в отпуск или прогулок на шопинг в Нью-Йорк в последнюю минуту. Но Алли никогда не летала частным рейсом с мужчиной, которого любила, и определенно не в рамках невероятно романтичной поездки по Европе.

Потянувшись через сиденье лимузина, она мягко сжала руку Хадсона.

— Не терпится? — спросил он.

— Очень, — она расплылась в той же глупой улыбке, которая не сходила с ее лица последние несколько дней. — Я все еще не могу поверить, что тебе удалось устроить это в такие короткие сроки.

Они воссоединились чуть более двух недель назад, и все же за это время Хадсон как-то умудрился спланировать стремительную поездку за границу на Восточном экспрессе, параллельно управляя двумя мультимиллиардными корпорациями. Не говоря уж о потакании каждому ее праздничному капризу.

— Я весьма изобретательный мужчина, Алессандра. Особенно когда чего-то хочу.

Они завернули на взлетную полосу, и после предъявления паспортов взошли на борт белого Гольфстрима с логотипом Чейз Индастриз, украшавшим хвостовую часть самолета. Служащая аэропорта встретила их, как только они поднялись на борт. Это была симпатичная девушка лет двадцати пяти с темными волосами, убранными шарфом, подходящим под темно-синий костюм.

— Добрый вечер, мистер Чейз, мисс Синклер, — сказала она, широко улыбаясь.

Хадсон поприветствовал ее коротким кивком.

— Добрый вечер, Натали.

— Могу я принести вам что-нибудь выпить перед взлетом?

— Пино гриджо для мисс Синклер, а я буду скотч. Три пальца.

— Сейчас все будет, — она подождала, пока Хадсон помог Алли снять пальто и сбросил свое собственное. Как только он протянул их Натали, его телефон зазвонил. Глянув на экран, Хадсон нахмурился.

— Мой брат, — сказал он, нажимая кнопку. — Дай мне минутку.

Хадсон прошел в заднюю часть самолета, давая Алли время осмотреться. Как и самолет Ингрэм медиа, который приобретался в основном для деловых поездок, самолет Чейз Индастриз был воплощением утонченной роскоши. Интерьер был нейтральным, с темно-синими акцентами и теплой деревянной отделкой. Кремовый кожаный диван занимал левую часть самолета, тогда как такие же мягкие кресла с невысокой спинкой стояли вокруг плазменного телевизора в правой части. Все в этом просторном интерьере было выполнено элегантно и со вкусом. И тогда как в самолете Ингрэм находился большой стол для совещаний, Алли была готова поспорить, что за дверью, за которой исчез Хадсон, располагалась спальня. Которой они, без сомнений, найдут применение в течение ночного перелета. Укол возбуждения пронзил ее при мысли о том, как они проведут ночь на высоте нескольких миль.

— Что у тебя на уме? — Хадсон очутился позади нее, отключая телефон.

— Просто думала о нашем плане полета, — ответила она с улыбкой. — С Ником все хорошо?

Брови Хадсона собрались вместе.

— Похоже, мой брат развлекает твою подругу в моем домашнем кинотеатре.

— Оу? — мысли о вечере, который они с Хадсоном провели в кинотеатре, заполнили ее воображение. — Оу... — повторила она.

— Вот именно.

— Наверное, они просто проводят время вместе, поскольку все их знакомые уехали из города.

Снежная буря настолько отложила все рейсы в аэропорту О'Хара, что Харпер решила отменить поездку вместо того, чтобы три дня сидеть на чемоданах. Последнее, что слышала Алли — что Харпер собиралась поехать в Нью-Йорк, если погода позволит. И теперь она торчит с Ником? Конечно, она бы сказала, если бы отношения между ними зашли дальше. Поменяться местами казалось честным, и Алли тщательно допросила подругу об их ночевке. Но Харпер настаивала, что в канун Рождества между ними ничего не произошло, и даже клялась своей единственной парой туфель от Джимми Чу. Но опять-таки, подумала Алли, Ник в точности принадлежал к тому типу, который нравился Харпер. Большие карие глаза, бесконечные ресницы и темные волосы, которые отросли чуточку больше, чем следовало. Добавьте к этому вид потерянного щеночка, которым сейчас щеголял Ник, и...

Ох дерьмо.

Алли сделала мысленную пометку написать Харпер, как только они приземлятся, и переключила внимание на суматоху, царившую в самолете. Натали вернулась с заказанными коктейлями как раз тогда, когда Макс поднялся на борт с их багажом.

— Какие-то проблемы с взлетной полосой? — спросил у него Хадсон.

— Нет, сэр, и пилот сообщил мне, что мы готовы взлетать.

Хадсон взял у Натали низкий стакан и протянул Алли ее бокал с вином, продолжая беседовать с Максом.

— Как там с погодой?

— Небо этой ночью чистое. Плюс наш полет будет проходить на высоте 51 тысячи футов(23), что выше основных зон турбулентности и маршрутов коммерческих рейсов.

— Превосходно.

— Я буду с остальной командой, если вам что-то понадобится, — сказал он и скрылся за дверью, которая, очевидно, вела на бортовую кухню.

— Макс летит с нами?

— Да, он будет контактировать с местными властями, — будничным тоном ответил Хадсон.

Кто-то снаружи закрыл дверь самолета. Натали проверила ее и скрылась в том же направлении, что и Макс. Алли ничего не сказала, зная, что ее внешний вид скажет все Хадсону красноречивее любых слов.

— Алессандра, ты же не думаешь, что я повез бы тебя в Европу безо всякой охраны?

Она скрестила руки на груди.

— Я думала, это будет романтический побег, так что да, я думала, мы будем путешествовать одни.

— Это и будет романтично. Ты даже не заметишь его.

— Будет немного тесновато в спальном вагоне, не находишь?

— У нас вагон-люкс. Но тем не менее, уверяю тебя, Макс его с нами делить не будет, — он усмехнулся. — А теперь пристегнись. Нам дали добро на взлет.

Очевидно, по его мнению, разговор был закончен. Алли еще многое хотелось высказать, но она знала, что стремление Хадсона к чрезмерной опеке вытекает из почти непреодолимого желания обеспечить ее безопасность. И чем больше она об этом думала, тем больше убеждалась, что это связано с его кошмарами. Так что несмотря на то, что она считала его личного телохранителя здесь лишним, не говоря уж обо всей европейской команде, она решила оставить это и наслаждаться временем, проведенным с любимым мужчиной.

Когда Хадсон протянул руку, она приняла ее и позволила отвести себя к двум креслам у полированного мраморного столика. Хадсон подождал, пока она застегнула ремень безопасности, затем поднял бокал и чокнулся с ней.

— За первую из многих поездок.

— Мне нравится, как это звучит, — Алли потягивала вино, пока самолет выруливал на взлетную полосу. — Как долго продлится полет?

— Всю ночь, — трудно было не заметить сексуальный подтекст в его глазах, пока Хадсон посматривал на нее поверх края бокала.

Самолет стремительно набирал скорость, и когда колеса оторвались от земли, в животе Алли затрепетало. Но она подозревала, что это ощущение не имеет ничего общего с гравитацией, скорее с мужчиной, сидевшим рядом. Она наблюдала, как он смотрит в маленькое овальное окошко, как его по-мужски красивое лицо отражается в стекле, и думала, как ей повезло, что Хадсон Чейз вернулся в ее жизнь. На сей раз навсегда.

С началом праздничного сезона Алли думала, что впереди ждет шесть недель страдания, за которым последует целый год, который будет не лучше. И хоть теперь в ее жизни еще было полно хаоса, с Хадсоном она ощущала умиротворенность и довольство, которые еще недавно казались ей невозможными.

Как будто почувствовав ее взгляд, Хадсон повернулся и посмотрел на нее. Не говоря ни слова, он взял ее руку и поднес к губам. Долгие несколько секунд его глаза блуждали по ее лицу, и наконец он заговорил.

— Я благодарен за тебя каждый день, — пробормотал он.

И вот так просто она пала еще сильнее.

Пилот объявил, что они набрали нужную для полета высоту, и Натали подала легкий ужин из жареной курицы и овощей.

— Еще вина? — спросил Хадсон, поднося бутылку к ее бокалу.

— Мистер Чейз, не знай я вас, я бы подумала, что вы пытаетесь меня напоить. Собираетесь этим воспользоваться?

Губы Хадсона изогнулись в порочной ухмылке, и он вновь наполнил ее бокал.

— У меня есть на уме несколько вещей, которыми можно занять время.

— Просветишь меня?

— Нет.

Алли раскрыла рот от удивления, а он небрежно поставил бутылку вина обратно в ведерко со льдом и вернулся к своему ужину.

Вот так, значит, да?

Решив, что лучше всего будет вообще никак не реагировать, Алли изобразила полное

безразличие, хотя каждый нерв в ее теле пробудился к жизни от любопытства, что же он запланировал на их трансатлантический перелет.

Очень медленно она вытерла губы салфеткой и положила ее на тарелку вместе с серебряными приборами.

Хадсон замер, не донеся вилку до рта.

— Тебе понравилось?

— Было очень вкусно. Я просто не очень голодна, — добавила она с милой улыбкой. — Но ты не торопись. Я пока почитаю что-нибудь, — Алли наклонилась и вытащила из-под своего сидения дорожную сумку, достав оттуда путеводитель по Италии. Устроившись поудобнее в мягком кожаном кресле, она пролистывала страницы, сама не зная точно, что ищет.

О да, вот это идеально подойдет.

— Жаль, мы не останемся в Венеции на Новый год, — сказала она как можно более небрежно.

Одна темная бровь выгнулась.

— Почему это?

— Похоже, у них проходит замечательное торжество на площади Святого Марка, — Алли развернула книгу к Хадсону, показывая страницу, привлекающую ее внимание. На фотографии сотни пар слились в страстных объятиях, пока над башней площади взрывались фейерверки. — Видимо, венецианцы очень серьезно относятся к поцелуям в полночь.

— Похоже на то, — его глаза светились весельем.

Алли потянулась за бокалом и сделала большой глоток сухого белого вина. Зная, что Хадсон следит за каждым ее движением, она нарочно облизала губы, прежде чем вернуться к путеводителю.

— Они называют это коллективным поцелуем, — сказала она и начала читать описание. — Коллективный поцелуй на площади Святого Марка привлекает сотни посетителей, заполняющих площадь, чтобы насладиться музыкой, закусками, фейерверками и полуночным поцелуем! Что может быть веселее, чем целоваться среди незнакомцев? Кроме того, тепло тела поможет быстрее согреться.

— Тепло тела? — Хадсон усмехнулся. — Учитывая все обстоятельства, я бы предпочел наслаждаться теплом твоего тела в номере отеля, где фейерверки видно из постели.

— Но тогда мы пропустим еще одну традицию.

— И какую же?

Алли подняла книгу повыше, чтобы скрыть улыбку, и продолжила читать.

— И не ограничивайте себя одним поцелуем. Хватайте любого незнакомца и наслаждайтесь романтикой в этом братском жесте в последний день года.

С другого сидения доносилось лишь молчание. Алли опустила книгу, выглянув поверх страниц. Хадсон смотрел на нее с непроницаемым выражением лица.

— Ты пытаешься заставить меня ревновать?

— Вовсе нет, — продолжила Алли, прекрасно осознавая, что играет с огнем. — Но знаешь, как говорят 'Когда ты в Риме '(24)... — она хихикнула. — Ну, или в данном случае, в Венеции.

Он очень аккуратно и методично сложил вилку и нож на тарелку.

— Ты правда думаешь, что я стал бы тебя делить? — жар его взгляда сказал ей, что это был риторический вопрос. Глядя ей в глаза, он нащупал пряжку ее ремня безопасности.

Расстегнув его, он склонился ближе, пока его губы не коснулись ее уха. — Я хочу, чтобы ты пошла в спальню, — тихо сказал он. — Я присоединюсь к тебе через минуту, и к тому моменту хочу, чтобы ты была голой и ждущей, пока я тебя оттрахаю.

От его неожиданного приказа у Алли перехватило дыхание. Тон его был требовательным, властным и горячим как сам ад. Очень медленно она поднялась со своего места. Тело ее гудело предвкушением, пока она прошла по узкому коридору в заднюю часть самолета. Как она и предполагала, там находился не зал для совещаний, а спальня. Маленькая, кровать всего лишь двуспальная, но роскошный интерьер напоминал пятизвездочный номер в отеле. Свежие белые льняные простыни покрывали постель, посреди длинного изголовья лежал комплект евро-подушек в серебристых, синих и шоколадно-коричневых тонах. Но взгляд Алли привлекли именно планки изголовья из темного дерева. Раздеваясь, она гадала, собирается ли Хадсон приковать или привязать ее к ним. Одна лишь мысль об этом послала волну дрожи по ее телу.

Повесив одежду в небольшой шкаф, она забралась в постель. Прохлада пухового одеяла при контакте с обнаженной кожей дала ей почувствовать, насколько она была незащищена. Алли лежала на кровати совершенно голой и ждала. И ждала.

Казалось, прошла целая вечность до того момента, когда дверь наконец открылась со щелчком.

Хадсон вошел в комнату, закрывая и запирая за собой дверь. Глаза его блестели в мягком свете, но он не сказал ни слова, медленно расстегивая пуговицы рубашки. Алли получила возможность упиваться каждой деталью, начиная от того, как перекатились его мышцы, когда он выдернул полы рубашки из брюк, и до того, как напряглись бицепсы, пока он высвобождался из рукавов. Наблюдать, как раздевается Хадсон Чейз, было уникальной в своем роде прелюдией. Но когда он потянулся к пряжке ремня, шоу внезапно закончилось.

— Повернись.

Без колебаний Алли перекатилась на живот. Сзади себя она услышала, как медленно расстегнулась молния, затем зашуршала ткань. Она знала, что он обнажен и без сомнения сильно возбужден. Поглаживал ли он себя, глядя на нее? Мысль о том, как он ласкает себя, наблюдая за ней, послала теплую волну меж ее бедер, где и без того уже было влажно.

— На четвереньки, — сказал он столь низким и хриплым голосом, что она буквально ощутила его вибрацию кожей. — Я хочу трахнуть тебя лицом вниз, задницей кверху.

То, как резко и грубо он заявил о своих желаниях, воспламенило ее кровь. Как бы она ни любила его нежным и романтичным, она не могла отрицать, как он влиял на нее, когда полностью забирал контроль. Когда вел себя как настоящий плохой парень, воплощающий в жизнь каждую грязную фантазию.

Кровать рядом с ней прогнулась.

— Такая красивая, — прошептал он. Алли чувствовала на себе его руки, поглаживающие ее бедра и попку, и наконец остановившиеся на талии. Он стянул ее по матрасу, пока ее колени не очутились на краю постели, и пристроился сзади.

Наклонившись, он отбросил ее волосы на одну сторону. Алли почувствовала, как его раскрытый рот скользнул по ее плечу, как губы прижались к ее горлу, и невольно задумалась, чувствует ли он ее бешеный пульс.

— Лежа здесь в ожидании, ты думала обо мне, представляла все то, что я могу с тобой сделать? — он шире раздвинул ее ноги и пальцем скользнул по ее естеству. Она услышала, как он зашипел от ощущения ее влаги. — О да, думаю, так и было, — его пальцы кружили в

медленной размеренной ласке. — Ты истекаешь влагой для меня.

Ей не нужно было подтверждение. Она чувствовала, насколько увлажнилась по тому, как легко он скользнул меж ее складочек. Когда его рука исчезла, она услышала тихий звук одобрения.

— И ты такая сладкая, — образ того, как он слизывает ее соки с пальцев, заставил Алли желать, чтобы его язык скользнул по ее влаге, пробуя ее долгими поглаживающими ударами.

Но вместо этого он продолжил дразнить ее подрагивающее естество пальцами, пока вся она не содрогнулась от нужды. Она чувствовала себя такой пустой, тело буквально болело. Отчаянно желая ощутить в себе хоть какую-то часть его, она подалась бедрами навстречу его руке.

— Пожалуйста, Хадсон.

— Шшш, — промурлыкал он. — Полет долгий, детка. В нашем распоряжении часы.

Алли не сдержалась и захныкала.

Хадсон вновь нагнулся, и в этот раз она закрыла глаза, стараясь сосредоточиться на ощущениях — его губы, блуждающие по ее коже, его волосы, щекочущие спину — а не на непрерывном пульсировании между ног.

— Скажи мне, что заставляет тебя так жаждать моего члена? — его шепот коснулся ее распаленной кожи. — Тебя заводит предвкушение, Алессандра? Или то, что ты на краю кровати, такая открытая и уязвимая, и знаешь, что я собираюсь хорошенько и жестко тебя оттрахать? — его зубы прикусили мочку ее уха. — Или и то, и то другое?

— Да, и то, и другое, — выдохнула она.

Встав, он схватил ее за бедра, пальцами впиваясь в ее плоть. Где-то в глубине ее души мелькнула надежда, что останутся следы. Она хотела напоминания о том, как чувствовала себя в этот момент, как его абсолютная властность подстегнула возбуждение до почти невыносимого уровня.

— Пожалуйста, я хочу тебя. Всего тебя.

Он зарычал и погрузился в нее одним глубоким мощным толчком. Алли ахнула, ощущая, как каждый дюйм его ствола растягивает и наполняет ее. Одного лишь этого ощущения было почти достаточно, чтобы заставить ее кончить. Чувствуя, как туго обхватывает его, она знала, что не протянет долго, стоит его твердому члену начать двигаться в ее влажной плоти. Но он не начал. Вместо этого он замер, проникнув в нее до предела, и не двигался, пока она не смогла уже это терпеть. Она попыталась двинуть бедрами, но его хватка усилилась.

— Не двигайся, — прорычал он. Усилие, которым он едва удерживал контроль, явно слышалось не только в голосе, но и в том, как напряглись его пальцы. — Я просто хочу ощущать тебя вокруг себя.

Коротко и прерывисто дыша, Алли ждала, все ее тело пульсировало вокруг него. Это было слишком, ей нужно было больше. Она сжала свои внутренние мышцы в отчаянной попытке подстегнуть его. Хадсон издал рык, низкий, животный звук, и затем начал двигаться, вдавливаясь в нее быстро, жестко и глубоко.

С каждым тяжелым ударом его бедер, ударявшихся о край матраса, кровать раскачивалась. Алли попыталась обрести равновесие, слепо раскинув руки, что было силы вцепившись в простынь. Когда руки и ноги начали дрожать, она рухнула на локти, зарываясь лицом в пуховое одеяло, пока он продолжал трахать ее. Потому что так все и было. Это не сладкое и нежное занятие любовью, как прошлой ночью. Это грубое чувственное траханье, и она наслаждалась каждой минутой.

— Проклятье, Алли, я не могу тобой насытиться. Ты так здорово скользишь вокруг моего члена.

Она простонала невнятные просьбы в одеяло. Слова вроде 'еще', 'сильнее', 'глубже'. Хадсон изменил угол проникновения, задевая точку, которая сразу отбросила ее за грань. Его дыхание стало прерывистым, толчки ускорились, становились сильнее. Затем одна рука скользнула по животу к ее клитору. Двойной атаки она не могла вытерпеть. Низкий пронзительный крик сорвался с ее губ, а его пальцы изогнулись и сильно надавили.

— Вот так. Охренеть, кончи для меня, — рычал он. — Сейчас же, Алли. Дай мне почувствовать, как ты кончаешь на моем члене.

С приглушенным криком она взорвалась, всем телом содрогаясь вокруг него в волнах оргазмов, накатывавших один за другим. Хадсон оставался с ней, тщательно выверенные толчки удерживали ее в состоянии ослепительного наслаждения, пока она тряслась и извивалась под ним в безумном удовольствии. Вот как он влиял на нее. Так мог только он.

Позади нее Хадсон издал резкий звук, заходясь в агонии экстаза. Все его тело содрогнулось и задрожало, и он пролился в нее.

— Я люблю тебя, — прошептал он, рухнув на нее сверху. Вес его тела, вдавливавшего ее в матрас, тяжело вздымающаяся грудь, успокоили дрожь в ее теле.

— Я тоже люблю тебя, — промурлыкала она. И это была правда. Она любила его больше, чем представлялось возможным.

Хадсон перекатился на спину, привлекая ее к себе. Она ткнулась носом в его грудь, чувствуя, что руки и ноги стали точно ватные, а веки отяжелели. Самолет поворачивал, кренясь влево, а Алли забылась изможденным сном, чувствуя себя в полной безопасности, ведь мужчина, обнимавший ее, всегда будет рядом.

(23) 15,5 км

(24) 'Когда ты в Риме, веди себя как римлянин'. Англоязычный аналог русского выражения 'в чужой монастырь со своим уставом не ходят'

Стук, разбудивший Джулиана, напоминал скорее грохот, громкий, как звук ядра, вылетевшего из пушки. Он понятия не имел, кто это или как долго они долбили в двери его номера-люкс, но он был на волоске от того, чтобы разорвать их в клочья.

— Pour l'amour de merde(25), — он прокашлялся, заставляя голосовые связки работать. — Arrêter cette incessante frapper. Je viens(26).

Когда он, наконец, открыл глаза, ему показалось, что утренний свет, проникающий сквозь окна, обжег его сетчатку. Он покосился на худую руку, властно распластавшуюся на его груди, и скинул ее. Женщина — Боже правый, он не помнил ее имени — перекадилась с тихим стоном, когда ее рука безвольно упала на матрас.

Джулиан свесил ноги с кровати и потер глаза рукой. Снова открыв их, он впервые полностью осмотрел комнату. На всех видимых поверхностях была раскидана одежда — на паре кресел, на абажуре, на комодe — даже с люстры над кроватью свисал лифчик. Пустые бутылки из-под шампанского валялись на полу, переполненные пепельницы заполнили прикроватные столики.

И снова гребаный стук.

— Une minute(27), — вытащив пачку Gitanes(28), он достал сигарету, зажал ее зубами и прикурил, быстро щелкнув золотой зажигалкой с выгравированными буквами ДЛ. Первая затяжка всегда была лучшей, и этот трюк всегда работал. Бросив зажигалку на прикроватный столик, он поднялся на ноги. Постояв немного и переждав приступ неожиданного головокружения, он схватил халат из узорчатого шелка, висевший на изножье кровати с замысловато резным балдахинем.

Направляясь к источнику стука, он набросил халат на плечи и завязал пояс. Открывая дверь, он выдохнул, выпуская струйки дыма через нос.

— Что? — рявкнул он на английском с сильным акцентом.

— Месье Ло...

Джулиан прервал мужчину, выгнув бровь.

— Маркиз Лорен, — сказал тот, немедленно исправляя ошибку. Если что-то Джулиан и узнал о своем наемнике, так это то, что несмотря на свой промах, он всегда следовал протоколу. Раненый солдат, заново завербованный каким-то милитаристским режимом, от которого он неизбежно бегал в самоволки.

— Оуі, Филипп?

— У меня есть новости.

Джулиан распахнул дверь полностью.

— Входи, — сказал он, удерживая сигарету в уголке рта. Жестом он указал мужчине следовать за ним и сел в одно из кресел у камина.

Проницательный взгляд Филиппа просканировал комнату, резко задержавшись на кровати в стиле начала века, где после прошлой ночи все еще спали две женщины. Статная брюнетка с оливковой кожей лежала на спине, рукой прикрывая глаза, точно защищаясь от солнца, одна нога согнута в колене, открывая ее обнаженное естество. Другая, блондинка, лежала на животе, закинув руку на другую девушку.

Джулиан усмехнулся. Женщины значили не больше парчовых занавесок на окнах. От

них столько же пользы, но намного больше веселья.

Филипп обошел кресло, расстегнул темное пальто и сел напротив Джулиана.

— У меня есть информация о местонахождении Алессандры Синклер и Хадсона Чейза.

Джулиан глубоко затянулся сигаретой, кончик ее засветился ярко-оранжевым.

— Нахрен мне сдался этот мудака, — его сильный акцент искажал слова, дым выходил из его рта с каждым слогом.

Филипп вытащил небольшую записную книжку из нагрудного кармана и открыл ее.

— Через несколько часов мисс Синклер сядет на борт Восточного Экспресса Венеция-Симплон, конечная точка назначения — Лондон, с краткой остановкой на 48,8567 градусов широты и...

Джулиан оборвал его.

— Enfer putain(29). Изъясняйся на английском, как любят говорить американцы.

— Да, сэра. Париж, Франция.

Его глаза расширились.

— Когда?

Филипп снова сверился с записной книжкой.

— Завтра утром, в восемь ноль-ноль.

— Идеально, — губы Джулиана скривились в улыбке. Все складывалось как нельзя лучше, как будто он был марионеткой в руках самого Бога. Он откинулся в кресле и затушил сигарету о хрустальную пепельницу.

Пора привести его план в действие.

(25) Ругательство, которое в буквальном переводе означает что-то вроде 'Ради любви к дерьму' (франц.)

(26) Прекратите долбить. Иду я (франц.)

(27) Одну минуту (франц.)

(28) 'Цыганка' (франц.) — культовая марка сигарет, ставшая частью французского стиля.

(29) Черт возьми (франц.)

Алли никогда не была в Венеции. В Риме, Милане, даже Флоренции — да, но никогда не в муниципалитете, который обычно называли 'плавающим городом'. Ей нравилась идея впервые посетить одно из самых романтических мест в Европе в компании любимого мужчины. Поэтому она была так разочарована, когда большую часть своего единственного дня в Венеции они проспали в самолете.

Многие путешественники стараются спать во время ночных перелетов и наутро прибывают отдохнувшими и подстроившимися под местный часовой пояс. Но на борту самолета Хадсона ей удалось лишь один раз немного вздремнуть. Не то чтобы она жаловалась. При мысли об их трансатлантическом перелете губы сами сложились в улыбку, и Алли невольно отыскала его взглядом среди лобби отеля.

Хадсон разговаривал с консьержем у стойки. Он стоял спиной к ней, давая возможность восхититься своей прекрасной задницей, облаченной в деним. Каким бы горячим ни выглядел Хадсон Чейз в костюме, было что-то такое в его манере носить джинсы, что заставляло ее ерзать на стуле.

Словно почувствовав отвлеченный ход ее мыслей, Хадсон повернулся. Судя по выражению лица, он вполне возможно прочел ее мысли. Или просто заметил, что она таращится на его задницу. Наблюдая, как он неспешным шагом идет по мраморному полу, Алли гадала, как он умудрялся выглядеть так сексуально в обычных джинсах и кашемировом свитере.

— У тебя опять это выражение лица, — его голубые глаза искрились весельем.

— Какое такое выражение?

— Такое, которое намекает, что ты хотела бы вернуться в отель.

Алли покраснела.

— Заманчиво. Но мы пропустим наш поезд.

— Готова отправляться?

Поднявшись, она взяла свою сумочку и пальто и улыбнулась.

— Показывай дорогу.

Хадсон положил руку на ее поясницу. Но вместо того, чтобы направиться к главному выходу из отеля, где наверняка ждал Макс и итальянская команда безопасности, ждущая в бронированной машине, Хадсон повел ее к черному входу.

— Мы разве не на станцию направляемся? — спросила Алли, когда они вышли на свежий утренний воздух. Температура держалась на уровне примерно +10 градусов, но на солнце было намного теплее.

— Я подумал, что мы могли бы воспользоваться каналом, — он указал на гондолу, ожидавшую возле гостиничного причала. — Нельзя уезжать из Венеции, не опробовав их самый известный способ передвижения. Боюсь, это не так романтично, как ночью, но...

— Это идеально, — Алли кинулась к нему, обвивая руками за шею и крепко обнимая.

Хадсон удержал равновесие и засмеялся.

— Я так понимаю, это была хорошая идея?

Она запечатлела быстрый поцелуй на его губах.

— Это была отличная идея. Спасибо.

Его взгляд смягчился.

— Я сделаю для тебя что угодно, — прошептал он. Затем его губы слились с ее губами в долгом, медленном и глубоком поцелуе. Она крепче обняла его за шею, прижимая к себе, пока их языки сплетались воедино, учащая дыхание. Его рука скользнула под ее пальто, и Алли почувствовала, как она давит на ее спину. Выгнувшись ему навстречу, она захотела ощутить его обнаженную кожу и невольно задумалась, не поздно ли снова вернуться в отель.

Позади них кто-то деликатно кашлянул. Алли повернулась и увидела, что их гондольер указывает на лодку. Он был одет в традиционную униформу из черных брюк, рубашки в черно-белую полоску и широкополую соломенную шляпу с красной лентой.

— Scusi, no stazione(30), — сказал он на смеси английского и итальянского.

Хадсон посмотрел на часы.

— Grazie(31), — поблагодарил он гондольера и шепнул Алли: — Мы продолжим это в поезде.

От шелкового чувственного тона его голоса тело омылось волной жара.

— Ловлю вас на слове, мистер Чейз.

Его ответная улыбка была почти мальчишеской. Он ловко забрался в покачивающуюся лодку и протянул руку Алли. Вцепившись в его ладонь, она как-то умудрилась перебраться в гондолу, не рухнув в канал.

— А что насчет багажа? — спросила она, когда они уселись на скамейку, напоминавшую маленький диванчик, обитый красным бархатом.

Хадсон взял сложенное одеяло с небольшого столика перед ними и постелил на их колени.

— Макс привезет его на машине. Он встретит нас на станции.

Алли уставилась на него.

— Никакой охраны? Ты не боишься, что на нас нападут ниндзя-скуба-дайверы?

Хадсон изо всех сил старался скрыть улыбку.

— Нет, Алессандра, я не беспокоюсь насчет ниндзя-скуба-дайверов. Но у нас есть прикрытия на случай, если они решат напасть, — он кивнул на другую сторону канала. Алли проследила за его взглядом и увидела маленькую моторную лодку под управлением двух внушительного вида мужчин в темных куртках и очках-авиаторах.

Она закатила глаза.

— Такое чувство, будто оказалась в фильме про Борна.

Хадсон усмехнулся.

— Просто наслаждайся поездкой, — он обхватил рукой плечи Алли, крепче прижимая ее к груди. Гондольер занял место в задней части лодки, и с мягким ударом весла они начали плавно скользить по воде. Он без проблем направлял их по извилистому каналу, минуя сотни зданий в пастельных тонах, датирующихся минимум XIV веком, пока они не достигли точки назначения.

Станция Венеция Санта Лючия располагалась в конце Гранд-канала и служила главной железнодорожной станцией Венеции. Это было современное здание из стекла и бетона, которое слегка выделялось на фоне величественных дворцов и отелей. Снаружи десятки человек ходили туда-сюда по двору, и даже с причала Алли видела толпы людей у обширного терминала. Но как только они достигли платформы, создалось такое ощущение, что они с Хадсоном попали в прошлое.

Один лишь вид Восточного Экспресса с его реставрированными вагонами 1920-х годов

вызывал в воображении образы изящной, утонченной и романтической эпохи былых времен. Сами вагоны представляли собой произведение искусства на колесах. Выкрашенные в сияющий полночно-синий цвет, они были отделаны золотым и заканчивались белоснежной крышей.

Ряд стюардов, одетых в белые ливреи и перчатки, выстроился вдоль поезда. Как только они подошли, один из них шагнул вперед и поприветствовал их по имени.

— Мистер Чейз, мисс Синклер, — он слегка поклонился, сгибаясь в пояснице. — Добре пожаловать на Восточный экспресс. Меня зовут Эндрю, и я буду вашим стюардом на протяжении все поездки, — произнес он с уточненным британским акцентом. — Что бы вам ни понадобилось, не стесняйтесь просить.

Алли улыбнулась.

— Спасибо, Эндрю.

— Мы отправляемся ровно в 10:57, к тому времени наши шеф-повара подадут ланч из трех блюд в вагоне-ресторане Etoile du Nord. Если хотите, можете пойти и занять столик, я могу дождаться прибытия вашего водителя и проследить, чтобы ваш багаж доставили в вагон.

Хадсон поблагодарил мужчину щедрыми чаевыми и помог Алли подняться по ступеням вагона-ресторана. Интерьер всемирно известного роскошного поезда был головокружительной смесью довоенного очарования. Глянцевые мозаичные панели покрывали стены вагона с антикварными светильниками и гобеленовыми полотнами. Вдоль обеих стен были сервированы столики с белыми льняными скатертями, вокруг которых стояли кресла, обитые темно-зеленым бархатом. Хрустальные кубки поблескивали в лучах позднего утреннего солнца, как и идеально отполированное серебро. Все было готово для того, чтобы промчат сотню путешественников сквозь мистическую поездку по итальянским Доломитам и швейцарским Альпам.

Пока поезд отбывал от станции, Алли и Хадсон наслаждались неспешным ланчем на двоих, глаза друг на друга больше, чем на итальянские пейзажи. Эндрю появился вскоре после того, как официант подал десерт, чтобы сообщить, что поезд вскоре прибудет к первому пункту назначения. И когда он закончил говорить, улыбка Алли расплылась до ушей.

— Я полагаю, Верона в числе тех городов, которые тебе хотелось бы посмотреть? — спросил Хадсон, когда они остались одни.

— Я бы с удовольствием посетила Casa di Giulietta.

— Ах да, дом Джульетты, — сказал он, имея в виду дом, в котором якобы жила семья Капулетти.

— Я знаю, что они всего лишь плод воображения Шекспира, но...

— Но никогда не стоит недооценивать силу повествования, — сказал Хадсон, заканчивая ее мысль.

Алли кивнула.

— Именно. Так мы сможем поехать? — предвкушение забурлило в ней точно пузырьки. Она едва не подпрыгивала на месте, ожидая его ответа.

— Я думал, мы проведем немного времени в вагоне, возможно, продолжим начатое в отеле, — он снисходительно улыбнулся. — Но если твое сердце осталось на балконе Джульетты, значит, Верона.

Водитель высадил их на Пьяцца делле Эрбе, где они побродили по мощеным улицам, лакомясь gelato(32) и рассматривая прилавки торговцев, продававших все что угодно, начиная от украшений и заканчивая футбольными майками. Макс никогда не отставал, хотя и держался на расстоянии. Алли все еще думала, что охрана была не нужна, но постоянное присутствие Макса успокаивало в другом смысле, ведь благодаря его наблюдательному взгляду Хадсон мог расслабиться и сам наслаждаться поездкой.

Добравшись до центра площади, они остановились у мраморного фонтана, чтобы Алли смогла свериться с путеводителем.

— Тут сказано, что нам стоит посмотреть на стену с письмами.

Хадсон заглянул через плечо Алли.

— А еще тут сказано, что Шекспир никогда не бывал в Вероне, — он забрал книгу из ее рук и продолжил читать, идя вслед за Алли по битком набитым людьми улицам. — И что балкон был добавлен в 1930-х годах по решению местного правительства для улучшения потока туристов.

— Шшш, — она шикнула на него, игнорируя дозу реальности. Потому что Хадсон не понимал одной простой вещи — даже если Ромео и Джульетта были лишь вымыслом, их существование в реальности не имело значения. Тысячи туристов, стекавшихся к дому XIII века каждый год, приезжали не для того, чтобы постоять на том самом балконе, где Джульетта увидела Ромео, но ради опыта, даже для того момента, который символизировал собой балкон.

Алли покачалась на носочках, разглядывая аллеи и тротуары, пока не нашла то, что искала. Улыбка осветила ее лицо.

— Пошли, — сказала она, хватая Хадсона за руку и увлекая его к каменной арке. Табличка с одной из самых знаменитых цитат Шекспира висела прямо над входом в длинный темный тоннель с тысячами небольших клочков бумаги.

— Что это за записки? — спросил Хадсон.

— Это любовные письма. Легенда гласит, что если написать письмо к своему любимому человеку и оставить его на стене Джульетты, то любовь будет вечной, — Алли медленно прошла по тоннелю, часто останавливаясь, чтобы прочесть некоторые записки. — Жаль, что люди больше не пишут любовных писем. Все эти эмоции, пролившиеся на бумагу. Представь, что было бы, если бы они послали эти письма адресату, а не прикрепили их на стену... — она подняла краешек бледно-голубой бумажки и сморщилась, — на жвачку.

Подойдя сзади, Хадсон обвил ее талию руками и прижался губами к уху.

— Пошлая смс-ка тебя устроит?

— Не совсем Ромео и Джульетта, — рассмеялась она. — Но опять-таки, у них все сложилось не очень хорошо.

— Тоже верно, — в обнимку они прошли оставшуюся часть тоннеля. Выйдя на задний двор из кирпича и камня, Алли попросила женщину сфотографировать их. Алли была уверена, что позировать для фото с легендарным балконом для Хадсона было все равно, что позировать с Микки Маусом, но он согласился.

— Что внутри дома? — спросил он.

— Музей, костюмы и бутафория из фильма Дзеффирелли(33), — Алли пошла к дому. Сделав несколько шагов, она поняла, что Хадсон за ней не последовал. — Ты не пойдешь

внутри?

Хадсон поднял взгляд от путеводителя.

— Если память мне не изменяет, балкон для Джульетты. Ты иди, я буду здесь, — он кивнул на бронзовую статую в дворике. В глазах его мелькнули порочные искорки. — Согласно этой твоей книжке, если потереть правую грудь Джульетты, это приносит удачу.

— Тебе сначала придется пробраться сквозь толпу таких же подростков, как и ты, — поддразнила она.

— Я бы скорее потер твою грудь, — усмехнулся он. — Но не думаю, что этот вариант сейчас уместен.

Засмеявшись и покачав головой, Алли направилась к каменному зданию. Она быстро миновала различные выставки, остановившись только один раз, чтобы сделать фото кровати, которая использовалась при съемках фильма. Все еще держа в руке телефон, она вышла на балкон. И тут же ее телефон завибрировал, уведомляя о новом сообщении. И ее сердце растаяло от слов Хадсона, искусно сплетенных с теми, что говорил Ромео, наблюдая за Джульеттой из сада.

Что за блеск я вижу на балконе... И одним взглядом, в одно мгновение ты пленила мое сердце... О, это моя любовь.

Алли подняла голову, ища глазами Хадсона среди толпы. Она нашла его не в очереди к бронзовой скульптуре, а прислонившимся к входу в тоннель с телефоном в руке. И в тот самый момент, когда их глаза встретились, между ними завибрировала связь, зародившаяся с первой же встречи. Она всегда была там, даже когда Алли изо всех сил старалась запихнуть ее в дальний угол сознания. И Хадсон тоже чувствовал эту связь. Это было заметно по тому, как темнели его глаза, окидывавшие ее взглядом с головы до ног, по тому, как менялась его поза, когда она входила в комнату, по тому, как приоткрывались его губы, когда она касалась его кожи.

Прижав телефон к груди, она одними губами произнесла:

— Я люблю тебя.

— Пойдем, — так же беззвучно произнес он.

Алли со всех ног кинулась вниз по лестнице.

(30) Извините, но поезд (итал.)

(31) Спасибо (итал.)

(32) Итальянское мороженое.

(33) Фрэнко Дзеффирелли — итальянский художник, режиссёр театра и кино, продюсер, сценарист, дважды номинированный на премию 'Оскар', получивший премию ВАФТА, пять раз завоевавший премию Давида ди Донателло, дважды — премию 'Эмми'. Известен своими экранизациями и постановками Шекспира.

Пока машина везла их обратно к станции, Хадсон держал Алли за руку, рисуя большим пальцем круги на ее коже. Этот контакт, пусть и небольшой, был бесспорно интимным. Каждое поглаживание эхом отдавалось в ее теле, пытая ее обещанием того, что ждет впереди.

Прикусив губу, она посмотрела на него.

— У тебя опять это выражение лица, — пробормотал он.

В этот раз Алли точно знала, о чем он, поскольку сделала это нарочно.

— Я хочу поцеловать тебя, — прошептала она в ответ.

Хадсон уткнулся носом в ее щеку.

— Я собираюсь сделать с тобой куда больше, чем просто поцеловать, — его язык обвел раковинку ее уха, зубы прикусили мочку. Эти ощущения послали острый укол удовольствия к ее паху

— Пойдем, — сказал он. — Мы на месте.

Через считанные минуты они оказались в поезде. Хадсон живо устремился по коридору, таща за собой Алли за руку, так что ей приходилось спешить, чтобы успеть за ним. Но когда они добрались до вагона, он резко остановился. Развернувшись, он подтолкнул ее к двери, прижимая ее бедрами.

— Я хочу тебя голой. Сейчас же, — прорычал он, прежде чем сплавить их губы воедино. Алли услышала сзади позвякивание ключей. Мгновение спустя дверь отворилась, и они ввалились внутрь, переплетаясь руками, ртами и языками.

Их поприветствовал испуганный британский акцент.

— Мистер Чейз, мисс Синклер.

Алли и Хадсон дружно повернулись и увидели их стюарда, склонившегося над маленьким столиком и суетившегося с безупречным набором для чаепития.

— Послеобеденный чай обычно подается в гостевом вагоне. Я предположил, что вы вернетесь прямо перед отправлением, так что я ээ... взял на себя смелость...

— Это замечательно, Эндрю, — вмешалась Алли, пытаясь избавить бедного стюарда от страданий. Когда он посмотрел на нее, она ободряюще улыбнулась. — Как раз то, что нужно после всей этой толпы.

Хадсон пробормотал что-то себе под нос, и хотя Алли не смогла разобрать, что он сказал, она догадывалась, судя по настроению. Она едва сдержала смехок.

Эндрю выпрямился и пригладил накрахмаленный белый пиджак.

— Коктейли будут поданы ровно в пять в вагоне-баре, — начал он, рассказывая, несомненно, хорошо заученный текст. — После этого в столовой Côte d'Azur будет подан неспешный ужин из четырех блюд, приготовленных нашими шеф-поварами прямо в поезде.

Описание звучало прекрасно и оправдывало ожидания Алли. Но она была готова поспорить, что Хадсон ни капли не заинтересован в 'неспешном'. Ее подозрения подтвердились, когда он раздраженно выдохнул и прошел в прилегающую комнату. Краем глаза она заметила, как он поправил свои джинсы и сердито провел рукой по волосам. Повернувшись налево, затем направо, он открыл узкую дверь с лакированной мозаикой. За ней оказалась небольшая раковина и овальное зеркало.

— Где ванная? — спросил Хадсон.

— Уборные в конце коридора в дополнительном вагоне, — ответил Эндрю.

Алли не особо думала о том, как дело обстоит с уборными в поезде, построенном в 1920-е. Судя по выражению лица, Хадсон об этом тоже не задумывался. До этого момента.

— А кровать? — спросил он, нахмурившись. — Также дальше по коридору?

— Нет, сэр, — стюард издал смешок, очевидно, думая, что Хадсон шутит. — Пока вы и мисс Синклер будете наслаждаться нашим пятизвездочным рестораном, я займусь превращением зоны с сидячими местами в уютную спальню.

Алли попыталась поймать взгляд Хадсона, но он, сбитый с толку, уставился на раковину.

— Спасибо, Эндрю. Увидимся за ужином? — сказала она, надеясь, что тот поймет намек и быстро ретируется. Но вместо этого он продолжал излагать программу вечера.

— Ужин официальный, вечерний туалет по выбору, но желателен. Столики на двоих, либо на две пары. Если у вас будут предпочтения, я передам управляющему.

Хадсон вскинул голову.

— Мы будем ужинать одни, — взгляд, которым он его наградил, запугал бы иного мужчину, но Эндрю стойко выдержал. Похоже, стюарду привычнее было иметь дело с взбешенными гендиректорами, нежели с парочками, слившимися в страстном объятии.

Эндрю вытащил маленькую кожаную книжечку и сделал пометку, прежде чем выйти в прилегающую комнату. Впервые Алли заметила их чемоданы, стоявшие открытыми на деревянных полках.

— Если вы не возражаете присоединиться к мисс Синклер за чаем, я как раз закончу распаковывать вещи и если нужно, займусь отпариванием или гладкой, — он жестом предложил Хадсону шагнуть вперед, а затем потянулся к раздвижным дверям, разделявшим две комнаты. — Вы даже не заметите моего присутствия, — сказал он перед тем, как закрыть их.

Но вместо того, чтобы присоединиться к Алли на обитом бархатом диване, Хадсон направился к двери.

— Вернусь через несколько минут.

И он скрылся с грохотом двери вагона.

С тяжелым вздохом Алли откинулась на сидение. Отодвинув край гобеленовой шторы с бахромой, она стала смотреть в окно на пролетающие мимо загородные пейзажи и невольно задумалась, как вечер принял столь досадный поворот. Каким-то образом за последние полчаса от чтения романтических смс-ок на балконе Джульетты она перешла к сидению в одиночестве в вагоне с китайским чайным сервизом и очень дотошным стюардом в соседней комнате.

Она знала, что Хадсон расстроился, но хоть Алли и ценила, что он спланировал всю эту поездку, детали вроде расположения ванной имели для нее не больше значения, чем существование Ромео и Джульетты в реальности. Проводить время вместе — вот что было важно. И надо было как-то это ему доказать.

И она точно знала, как это сделать.

Вытащив из кармана джинсов телефон, Алли открыла переписку с Хадсоном. Вспомни уроки литературы в старших классах, она напечатала ответ, подобный его сообщению, смесь слов Шекспира с ее собственными.

Ромео, Ромео, где же ты, Ромео?

Ее телефон завибрировал ответом.

Я, очевидно, вернулся в колледж. Уборные здесь как в общежитии. Но без душевых.

Без душевых? Алли внезапно очень обрадовалась, что завтра они уже будут в Лондоне. Но она предпочла проигнорировать его открытие и набрала свою креативную версию цитаты из самой известной пьесы Барда.

Так пусть, мой святой, рук примеру последуют уста; И уста мои... окажутся на твоём члене.

Несколько мгновений спустя на экране возникли маленькие точки, указывающие, что он печатает.

Это было очень пошлое сообщение, Алессандра. И если мне не изменяет память, совсем не точная цитата.

Жалуетесь, дорогой сэр?

Напротив, но это вызывает у меня желать проделать очень грязные вещи с тобой. В частности с твоим ртом.

Например?

Начав читать ответ Хадсона, Алли почувствовала, как краснеет, и буквально подпрыгнула, когда Эндрю постучал в раздвижную дверь.

— Да, — пропищала она и тут же прочистила горло.

— Ваш наряд к вечеру готов, мисс Синклер, — сказал он сквозь матовую стеклянную панель. — Могу я еще чем-то служить?

Медленная улыбка осветила ее лицо, когда на ум пришла идея.

— Вообще-то да, Эндрю, вы можете кое-что для меня сделать. Секундочку, — она быстро напечатала Хадсону, что встретится с ним в вагоне-баре через тридцать минут, и закрыла переписку. — Эндрю, — позвала она, открывая дверь. — Вы не могли бы найти для меня другое место, чтобы переодеться?

В литературе, которую Алли читала ранее на этой неделе, Восточный Экспресс называли музеем на колесах. Это описание подходило для всех винтажных вагонов, но особенно для Восточного бара. Гостиная, или вагон-бар, как его называли на экспрессе, похоже замер во времени, в золотом веке роскошных железнодорожных путешествий. Гости в вечерних костюмах потягивали напитки за круглыми столиками со свежими цветами в вазах, тогда как другие собрались вокруг кабинетного рояля, на котором пианист исполнял романтично-ностальгическую классическую мелодию.

Алли остановилась у входа в вагон, поглаживая платье цвета слоновой кости, льнувшее

к каждому изгибу тела. Она приберегала это длинное платье в греческом стиле на особый случай, и сейчас, казалось, настало идеальное время. Она осматривала вагон, пока не нашла Хадсона в смокинге от Тома Форда. Он сидел за барной стойкой в задней части вагона, спиной к ней, но и такого вида Хадсона Чейза хватило, чтобы сердце ее заколотилось быстрее. Взгляд ее скользнул от широких плеч к темным волнистым волосам. Одна лишь мысль о том, как ее руки вцепятся в эту неуправляемую копну этой ночью, заставила пальцы стиснуть украшенный бисером клатч.

— Могу я принести вам что-нибудь? — спросил молодой официант.

— Нет, благодарю вас, — сказала она, не отводя взгляда от Хадсона. — Я уже нашла, что хочу, — она пробралась через толпу, лавируя между столиками, пока не очутилась прямо за ним. — Прошу прощения, это место занято? — она не узнала собственный голос — идеальное сочетание невинного вопроса и предвкушения, от которого перехватывало дыхание.

Хадсон повернулся к ней, и глаза его засветились весельем.

— Вовсе нет, — он указал на свободный барный стул. — Прошу вас, присоединяйтесь ко мне, — его взгляд опустился ниже, когда она скрестила ноги, нарочно позволяя глубокому разрезу обнажить бедро. — Шампанского?

— С удовольствием, — она улыбнулась с напускной скромностью.

Хадсон поймал взгляд бармена.

— Бокал 'Кристал' для леди.

— Так что привело вас на Восточный экспресс? — спросила она, продолжая их игру.

— Хмм, — он сделал глоток скотча из замысловато украшенного низкого стакана, грани которого блеснули, отбрасывая отсветы. — Я планировал романтический побег с женщиной, которую люблю. Но, похоже, здесь целый заговор, нацеленный мне помешать.

Алли улыбнулась.

— Похоже, этой женщине очень повезло. И что-то подсказывает мне, что она этим всем наслаждается. Кроме того, еще не вечер. А завтра канун Нового года.

— Действительно.

Бармен поставил фужер с шампанским на полированную деревянную стойку перед ней. Алли подняла бокал.

— За новые начинания.

Хадсон чокнулся об ее бокал.

— За новые начинания, — сказал он, удерживая ее взгляд, пока она отпивала игристое вино.

— Так какие у нас планы на канун Нового года?

— Я собирался тебя удивить, но теперь боюсь, что ты будешь разочарована, раз тебя так восхищает перспектива перецеловать каждого гребаного итальянца, — сказал он с усмешкой.

Алли улыбнулась поверх бокала.

— Ты знаешь, что я тебя просто дразнила.

Хадсон выгнул бровь, намекая на непреднамеренную двусмысленность ее ответа(34), и Алли покраснела.

— Скажи мне, пожалуйста.

— Не надо делать щенячьи глазки, Алессандра, — Хадсон хихикнул. — Как будто я могу тебе в чем-то отказать.

— Я не делаю щенячьи глазки.

— О да, еще как делаешь, — он покачал головой. — И помоги мне Боже, это каждый раз работает.

Она отпила еще немного шампанского. Напиток был игристым и прохладным, пузырьки согревали изнутри.

— Ну и?

— Я запланировал для нас ночь на частной яхте на Темзе. Мы посмотрим на фейерверки над Лондонским мостом, а затем спустимся с палубы на остаток вечера.

— Лодка? Я начинаю улавливать смысл. Самолеты, поезда и автомобили?

— Полагаю, мы уже поставили галочки напротив самолетов и автомобилей...

— Так что остались только поезда, — сказала она, заканчивая мысль. Обещание, промелькнувшее во взглядах, которыми они обменялись, послало мурашки по ее коже.

— Мистер Чейз, ваш столик готов, — сообщил управляющий. Они проследовали за ним в зал Côte d'Azur, роскошную столовую, украшенную непрозрачными стеклянными панелями, созданными Рене Лаликом(35). Кто-то из них мог предложить или покончить с ужином побыстрее, или вовсе его пропустить. Но предвкушение ночи в сочетании с пониманием, что в их распоряжении не только вся эта ночь, но и все оставшиеся ночи в их жизни, действовало опьяняюще. Так что по молчаливому согласию они остались за столом, наслаждаясь друг другом, прекрасным ужином из четырех блюд изысканной кухни, отличным вином и долгими взглядами. Каждое движение Хадсона, начиная с того, как он поглаживал ножку бокала, и заканчивая тем, как он слизывал вино с губ, все сильнее очаровывало Алли. К моменту, когда был подан десерт, желание, заряжавшее воздух между ними, превратилось в осязаемую силу, окутывающую их пеленой, за которой не существовало никого и ничего, кроме их двоих, их сильного желания, их жажды.

— Готова идти? — наконец, спросил Хадсон.

— Да, — выдохнула она, едва способная говорить в таком распаленном состоянии.

Хадсон встал и предложил ей руку. Потемневшим взглядом он внимательно наблюдал, как она вложила руку в его ладонь и встала.

— Прекрасное платье, — сказал он. — Кажется, я забыл упомянуть это ранее.

Его взгляд блуждал по ее телу, и она знала, что он думает о том, как она выглядит под этим платьем, о шершавых напрягшихся сосках, о влажной и готовой плоти.

— Спасибо, — она подошла ближе, заслоняя собой руку, скользнувшую между их телами. Полувозбужденное достоинство Хадсона за секунды стало каменно-твердым.

Он выгнул бровь.

— Нашла что-то по душе? — спросил он тихим хриплым голосом.

Алли прислонилась к нему еще ближе, губами касаясь уха.

— Кое-что, что хотела бы ощутить внутри себя, — выдохнула она, обвивая пальцами его длину. И когда он дернулся у нее в руке, она невольно улыбнулась. Ей нравилось осознавать свою власть над ним, и что он бессилен контролировать свою реакцию.

Низкий стон зародился в глубине его груди.

— Пошли, — прорычал он.

Обняв Алли за талию, он провел ее по коридорам поезда до их вагона. Пока Хадсон возился с ключом, Алли прижалась к его спине, рукой поглаживая его через брюки костюма.

— Проблемы с замком? — спросила она, даже не пытаясь скрыть смехок.

Хадсон издал смехок.

— Возможно, если бы меня так не отвлекали, — за звуком поддавшегося замка немедленно последовал скрип открывающихся дверей. — Да вы нахрен издеваетесь?! — практически заорал он.

Алли выглянула из-за плеча Хадсона. Как и было обещано, Эндрю превратил вагон в уютную спальню. Лампа с бахромчатым абажуром, стоявшая на небольшом столике, заливала комнату мягким оранжевым светом, из антикварного радиоприемника лилась классическая музыка. На взбитых перьевых подушках лежали небольшие шоколадки, роскошные льняные простыни были слегка откинута, приглашая гостей в постель. Единственная проблема была в том, что место для ночлега состояло из двух кроватей в пультмановском стиле, расположенных друг над другом.

Алли вошла вслед за Хадсоном в вагон и закрыла дверь.

— Все хорошо, — произнесла она, пытаясь успокоить вулкан, который вот-вот должен быть извергнут. — Аутентичный опыт.

Хадсон отреагировал на ее ободряющую улыбку ошарашенным взглядом.

— Ничего не хорошо, Алли. Это что угодно, но не хорошо, — он раздраженно провел рукой по волосам. — Это должно было быть романтической поездкой на поезде по Европе, и мне едва удалось провести с тобой наедине пару минут. Чаепитие, туры и проклятые планы рассадки гостей. И посмотри на это, — он раскинул руки. — Достаточно того, что мне приходится бегать в соседний вагон, чтобы пописать, но гребаные двухъярусные кровати?!

Резким рывком ослабляя галстук, он направился в прилегающую комнату к раковине и, споткнувшись о багаж, выругался себе под нос.

— Кто сказал, что нам нужна кровать? — промурлыкала она.

Хриплый соблазнительный тон ее голоса остановил Хадсона на полпути. Он повернулся, наблюдая, как ее руки медленно расстегивают боковую молнию на платье. Она стянула ткань с плеч и ниже по рукам, так что платье соскользнуло с ее тела, собравшись у ног облачком бежевого шелка. Под платьем Алли была одета в парчовый корсет цвета слоновой кости и такие же кружевные стринги.

Хадсон резко втянул воздух, когда она переступила через платье. Его голодный взгляд жадно шарил по каждому дюйму ее тела, но он ничего не сказал. Он просто наблюдал за ней потемневшими от желания глазами. И стоя перед ним, одетая лишь в ленточки, кружева и головокружительно высокие шпильки, тогда как он был полностью одет, Алли чувствовала себя сексуальной, похотливой и безоговорочно принадлежащей ему. Одна лишь мысль о том, каково это будет, когда он наконец-то возьмет ее, заставила ее сжать бедра в жалкой попытке облегчить пульсирующую боль.

— Я так понимаю, ты одобряешь? — прошептала она, уже зная ответ. Его затвердевшая эрекция заметно распирала ширинку.

Встретившись с ней обжигающим взглядом, он медленно кивнул.

— Не останавливайся.

Сердце Алли бешено колотилось, пока она развязывала шнуровку спереди корсета. Мягкими рывками она поочередно вытягивала ленту из петель, пока наконец ткань не упала на пол. Глаза Хадсона вспыхнули при виде ее затвердевших сосков, и он облизнул губы.

Вибрации едущего поезда отдавались во всем ее теле, подстегивая желание до почти невыносимого уровня. Она до дрожи хотела его. И хоть он стоял на другом конце вагона, она чувствовала притяжение, пульсировавшее между ними, как и во время их первой встречи на пляже много лет назад, магнетическое влечение, тянувшее ее к нему. Но она боролась с ним,

вместо этого позволяя моменту немного затянуться и ожидая его хода.

Его руки сжались в кулаки, но в остальном Хадсон остался неподвижным.

— Это будет не бережно, — предупредил он.

Резкий, точно едва сдерживаемый тембр его голоса заставил ее естество содрогнуться от алчного предвкушения. Она любила его нежным, но диким любила даже больше. Потому что в эти моменты Алли знала: он желает ее с таким же непреодолимым желанием, какое она чувствовала к нему; знала, что он нуждается быть с ней, на ней, внутри нее больше, чем в следующем вздохе. И это знание лишь усиливало ее чувства к нему. Оно позволяло целиком и полностью доверять ему.

Она вздернула подбородок.

— Сделай это.

Хадсон достиг ее за два шага, обеими руками зарываясь в ее волосы и наклоняя ее голову под нужным углом. Накрыв ее губы своими, он глубоко вторгся своим умелым языком, изучая и доминируя. Она вцепилась в его волосы, целуя в ответ, стискивая его так, точно он мог испариться в воздухе.

— Слишком много одежды, — выдохнула Алли между отчаянными поцелуями. Она стащила его пиджак с плеч, он прижал ее к стене вагона. Но когда она потянулась к пряжке его ремня, он схватил ее за запястье и завел за голову, удерживая их одной рукой, а другой забираясь меж ее ног. Одним рывком он разорвал кружево и глубоко проник в ее двумя пальцами. С низким стоном Алли запрокинула голову, ударяясь об окно. Она закрыла глаза, сосредотачиваясь на ощущениях. Ритмичный стук колес по рельсам, вой ветра, ударяющегося о стекло, и пальцы Хадсона, быстро и жесткодвигающиеся в ее содрогающейся плоти.

— Ты хочешь меня, — грубо произнесенные слова были скорее утверждением, нежели вопросом, но она все равно ответила.

— Да. Сейчас, — выдохнула она.

Он развернул ее, прижимая своим весом к холодному стеклу, и она задохнулась от ощущений. Снаружи было темно и ничего не видно, но в лунном свете проступали контуры пейзажа. И никто их не видел. Но все же мысль о том, как они, должно быть, выглядели, когда тело Хадсона прижимало ее к стеклу, послала дрожь по ее телу.

— Попроси меня, — прорычал он.

— Пожалуйста, Хадсон, трахни меня. Жестко.

Расстегнув ширинку, он тут же впился пальцами в ее бедра и подался вперед, наполняя ее одним мощным тяжелым ударом. Он застонал, отступая и вновь возвращаясь глубокими толчками. Как и обещано, секс был жестким и быстрым. Как раз то, что ей нужно было. Все это время его хриплый голос шептал ей на ухо о том, как здорово входить в нее членом, что он никогда не был настолько твердым, и сколько бы раз он ни трахал ее, этого никогда не будет достаточно.

Его рука обвила ее тело, кончики пальцев потеряли сокровенное местечко. И все же Алли хотелось большего. Безумно нуждаясь в оргазме, она выгнулась, прижимаясь к стеклу, чтобы равномерное постукивание поезда отдавалось в его руке, ласкавшей клитор. Ее ноги задрожали, пальцы бессильно скользнули по стеклу, безуспешно пытаясь зацепиться и удержать равновесие, и она затряслась в оргазме, пронзившем все ее тело.

Рука Хадсона на ее талии напряглась, удерживая ее вес, он в последний раз вдолбил ее в нее по самое основание и застыл.

— Алли! — он выкрикнул ее имя в страстной мольбе, проливаясь внутрь нее. Он уронил голову ей на плечо, тяжело дыша на ухо. Алли спиной чувствовала, как бешено колотится его сердце.

Будучи не в состоянии пошевелиться, Алли прильнула к стеклу, наблюдая, как оно запотеваает от ее дыхания. Немного собравшись с силами, она повернула голову и поцеловала его в висок.

— Ты все еще одет, — промурлыкала она, касаясь его влажной кожи.

Низкий смешок зародился в его груди.

— Что ж, — сказал Хадсон, разворачивая ее в своих объятиях. — Чего же ты ждешь?

(34) В оригинале Алли использует идиоматическое выражение *yanking your chain*, что дословно переводится как 'дергала тебя за поводок/цепь'.

(35) Рене Лалик — французский ювелир и стеклянных дел мастер, один из выдающихся представителей *ар нуво*.

(36) Джордж Пульман — американский фабрикант и изобретатель спальных вагонов.

Солнечный свет, проникающий через окно, разбудил Алли ранним утром. Открыв глаза, она осознала, где находится — слишком узкая двухэтажная кровать в небольшой комнатушке, пол, заваленный официальной одеждой, которую разбросали в отчаянной спешке, и тяжелый аромат пота и жесткого секса, повисший в воздухе. Медленная сонная улыбка появилась на ее губах. Более порочно прекрасной обстановки она и придумать не могла.

Хадсон все еще спал, положив голову на ее грудь, одной рукой властно обхватив ее талию и переплетя их ноги. Алли любила эти тихие моменты до его пробуждения. Она редко просыпалась первой, но когда это случалось, ей предоставлялась возможность наслаждаться лишь ощущением его тела, теплом его кожи, спокойным дыханием, ровным биением сердца, и ничем больше.

— Хмм, — издав низкий гортанный звук, Хадсон пошевелился. Крепче обняв ее за талию, он носом уткнулся в ее груди. — Должен признать, у тесных апартаментов есть свои достоинства.

Алли погладила его по спине.

— Доброе утро. Хорошо спалось?

— На удивление да, — пробормотал он, все еще утыкаясь в ее кожу. Голос был хриплым спросонья, но тело его уже проснулось — внушительная эрекция пульсировала у бедра. Ладонь накрыла ее правую грудь, большой палец принялся кружить вокруг одного соска, а губы и язык занялись другим. Алли выгнулась всем телом, когда его зубы прикусили, а пальцы сжали и потянули. Она застонала от сладких ощущений, эхом отдающихся в ее естестве. Он проснулся пару минут назад, а она уже тает в его руках.

Крепкое тело Хадсона нависло над ней, и Алли раздвинула ноги, желая ощутить его внутри, несмотря на болезненную чувствительность, оставшуюся с прошлой ночи.

Затем в дверь постучали, и Алли замерла. Хадсон приподнялся на одной руке, готовый заявить тому, кто бы там ни явился, убираться подальше. Но после второго стука стало ясно, что звук доносился из соседнего помещения.

— Минутку, — ответил приглушенный голос по ту сторону стены.

Хадсон посмотрел на нее, явно развеселившись.

— В ревушие двадцатые не очень заботились о звукоизоляции, да?

Алли ожидала, что Хадсон будет недоволен, раздосадован или даже зол. Но уж точно не весел. Она нахмурилась, сбитая с толку его реакцией, и тут ее озарило.

— Вот дерьмо! — она резко зажала рот рукой и прошептала: — Если мы слышим их, тогда... это значит, что они слышали...

Сверкнув голубыми глазами, Хадсон медленно кивнул.

Алли почувствовала, как лицо заливают жаром.

— Это унижительно.

Опустив голову, он мягко поцеловал ее в плечо.

— Возможно, они просто подумали, что ты очень религиозна, — его губы блуждали по ее шее, и она кожей ощущала его улыбку. — Все эти крики 'Боже', и все такое, — он усмехнулся.

Алли пихнула его в плечо.

— Это не смешно.

— Еще как смешно.

Она оттолкнула его, чтобы посмотреть в глаза.

— И это тебя ни капельки не волнует?

Через стену донесся звук скрипящих колес тележки и снова приглушенный разговор.

— Нет, но мысль о том, что наш дотошный стюард помешает нам со своим завтраком, меня беспокоит.

Ох, черт, как будто ей не хватало еще смущения. Меньше всего Алли нужно было, чтобы бедный Эндрю еще раз застал их 'на месте преступления'.

— Давай оденемся и пойдем в один из вагонов-ресторанов, — Алли ухитрилась выползти из-под Хадсона, но как только она попыталась выбраться из двухэтажной кровати, его рука обвила ее за талию, утягивая обратно.

— Не двигайся. Я наконец-то затащил тебя в эту крошечную постель. И выпускать не собираюсь.

Она открыла рот, чтобы запротестовать, но Хадсон заставил ее умолкнуть, прижав палец к губам.

— Я скажу стюарду, что ты еще спишь и тебя нельзя беспокоить. А сам пойду в один из вагонов-ресторанов и принесу тебе завтрак в постель.

— Завтрак в постель? — она посмотрела на крохотную раскладушку. — Тут не очень-то много места для тарелок.

В глазах Хадсона мелькнула порочная искорка.

— А кто говорит о тарелках? — он провел кончиками пальцев по ее животу, и она задрожала. — Думаю, попрошу шефа приготовить блинчики с клубникой и побольше взбитых сливок.

Алли наблюдала, как он грациозно выбирается из двухэтажной кровати.

— Не двигайся, — он вытащил из чемодана джинсы и натянул их без нижнего белья, затем надел футболку и ботинки. Закончив одеваться, Хадсон наклонился и обхватил ее лицо руками. — Я серьезно, — добавил он, запечатлевая быстрый поцелуй на ее губах. — Не вылезай из этой постели.

Спустя считанные минуты после его ухода, телефон Алли издал сигнал о входящем сообщении. Она скатилась с постели и достала из бисерного клатча, с которым ходила вчера, телефон. На экране высветилось сообщение от Хадсона.

Эндрю приказано тебя не беспокоить.

Засмеявшись, она напечатала ответ.

После вчерашнего это, наверное, стало для него облегчением.

Точно.

Вслед за этим сообщением вновь показались точки, говорящие о том, что он печатает. Алли забралась обратно в кровать и стала ждать ответа.

Я сказал тебе не вылезать из постели.

Она закатила глаза.

Тогда зачем прислал смс-ку?

Тест.

Похоже, я его провалила. Она лежала на матрасе, глупо улыбаясь телефону. У меня неприятности?

Определенно, мисс Синклер.

Воу, мисс Синклер. Алли точно знала, к чему это ведет, и осознание заставило ее прикусить губу во время чтения следующего сообщения.

Теперь ты дважды кончишь для меня прежде, чем я поделюсь с тобой блинчиками.

Святой ад, он в этом хорош. Алли приподнялась на локте, пытаясь придумать сексуальный ответ, который хоть как-то конкурировал бы с его. Но все, что приходило на ум, напоминало дешевые пикап-фразочки. Она печатала и удаляла три раза, пока не остановилась на:

Поторопись, не то начну без тебя.

Алли положила телефон на пол рядом с кроватью и стала ждать, убежденная, что Хадсон вот-вот придет. Но с другой стороны, подумала она, может и не придет. Как-то раз он рассказал о своей фантазии — наблюдать, как она ласкает себя. Если он решит, что его неспешность подтолкнет ее, то может нарочно задержаться.

Волна горячего наслаждения устремилась прямо между ног, когда Алли представила, как Хадсон входит и видит ее лежащей на кровати, погружившей пальцы между бедер. Она сдвинула простынь ниже, представляя, что это Хадсон оголяет ее тело, и глубоко вздохнула. Ее рука скользнула по мягкой коже живота, бедра непроизвольно выгнулись, когда она коснулась своего естества, уже влажного от предвкушения.

Закрыв глаза, Алли слышала его голос, низкий и мягкий, приказывающий ей. Раздвинь ноги шире. Покажи мне, какой влажной ты становишься от мысли о моем члене. Она представляла выражение его лица, язык, увлажнивший губы, пальцы, поглаживающие ее шелковые складочки. Она чувствовала на себе его руку, его палец, скользнувший между бедер,двигающийся внутри нее. Вот так, Алли, кончи для меня.

Телефон на полу пиликнул.

Распахнув глаза, Алли инстинктивно сжала бедра. Она настолько погружилась в фантазии о Хадсоне, что едва не кончила до его прихода. С пылающим лицом она села и потянулась за телефоном.

Но вместо очередной пошлой смс-ки от Хадсона экран показал входящее сообщение от неизвестного номера. Открыв его, Алли увидела зернистое черно-белое изображение двух

мужчин, стоящих рядом возле третьего, лежавшего на полу. Нахмурившись, она вглядывалась в экран телефона, и внезапно он зазвонил. Звонок шел от того же номера, который послал загадочное фото.

— Алло, — сказала она тихо и осторожно.

— Доброе утро, Алессандра, — промурлыкал голос с французским акцентом.

Алли резко задержала дыхание. Джулиан.

— Наслаждаешься поездом? Лично я нахожу обстановку весьма убогой.

Все ее тело напряглось, сердце бешено заколотилось, разгоняя по венам адреналин. Она подтянула простынь выше и тяжело сглотнула.

— Что ты хочешь? — выдавила она.

— Полагаю, ты получила мое сообщение? — спросил он, игнорируя ее вопрос. — Знаю, тяжело разглядеть, что там происходит. На видео куда лучше видно.

Затылком Алли ощутила укол опасения.

— На каком видео?

— На том, которое разоблачает злодея в твоём рыцаре на белом коне.

— Катись к черту, Джулиан, — процедила она, стиснув зубы. — Я думала, что ясно дала понять — я не хочу иметь с тобой ничего общего.

На другом конце линии с издевкой усмехнулись.

— Ну-ну, *ma petite chérie*(37), разве можно так разговаривать со своим женихом?

— Мы больше не помолвлены.

— Только потому, что ты не сдержала свою часть сделки, — она явственно слышала злость в его голосе.

— Я никогда не была ее частью, и ты знаешь это.

— Нет, но обещания были даны. И теперь Ингрэм в руках имбецилки и ее любовника-убийцы, — его слова повисли в воздухе. — Что такое, *mon amore*(38), язык проглотила, как вы выражаетесь?

Она знала, что он пытается подловить ее, вызвать реакцию. Но ничего не могла поделать. Она должна была узнать, что он задумал.

— О чем ты говоришь, Джулиан?

— Посмотри поближе на фото, Алессандра. Уверен, ты узнаешь двух мужчин, стоящих над безжизненным телом.

Алли увеличила фото и невольно ахнула. Изображение сделалось еще более зернистым, но на снимке явно были Хадсон и Ник.

— Отдам ему должное, — сказал Джулиан. — Он сумел замести следы. По большей части. Благодаря деньгам дело оформили как трагическую случайность. Неприятно будет, если это все всплывет. Уверен, многие журналисты с удовольствием вцепятся в эту историю.

Алли стиснула телефон.

— Конечно же, стоит только начать копать, и они найдут не только этот скелет, — сказал он снисходительно. — По одному только братику материала хватит на целую газету.

Каждый фибр ее души отреагировал на угрозу в адрес любимого мужчины. Но вмешивать сюда еще и Ника? Ее сердце болело всякий раз, когда она думала об его детской травме, об оковах, от которых он только-только начал избавляться. Суд или, хуже того, тюремный срок неизбежно разрушат его жизнь. Она пойдет на что угодно ради защиты Ника. И тут Алли осознала, что Хадсон сделал ровно то же самое. Что бы ни случилось с мужчиной на фото, Хадсон стал бы прикрывать это только по одной причине. Чтобы

защитить Ника.

И теперь Джулиан угрожал навредить им обоим из-за извращенного желания отомстить ей.

— Ты шантажируешь меня? — спросила она, хотя на самом деле это было скорее утверждение, нежели вопрос.

— А ты сообразительная, Алессандра. Конечно, ты же знакома с этими принципами. Припоминаю, как ты провернула то же самое, чтобы вышвырнуть меня из Ингрэм.

— Ты напал на меня, — едва слышно произнесла она.

— Семантика.

Кровь Алли взбурлила от его небрежного тона. Но она понимала, что должна сохранять спокойствие, должна думать о Хадсоне и Нике. Должна вышвырнуть Джулиана из их жизней раз и навсегда. Она сделала глубокий вдох.

— Чего ты хочешь?

— Мое кольцо.

— Что?

— Кольцо, которое я тебе дал. Оно по праву мое. Я хочу его назад.

Так вот из-за чего все? Из-за дурацкого кольца? Алли выдохнула с облегчением. Она знала, что Джулиан был помешан на бриллианте в двенадцать карат, который Луи XIV даровал первому маркизу Лорену. Но она будет только рада никогда больше его не видеть, не говоря уж о том, чтобы носить на пальце. Но может ли она рассчитывать, что Джулиан сдержит свою часть сделки?

— Откуда мне знать, что ты отдашь мне единственную копию файла?

— Я дам тебе оригинал. Копии легко фальсифицировать и потому опровергнуть. Они бесполезны.

— Ладно. Я пошлю тебе кольцо.

— Пошлешь? — он издал резкий смешок. — Ты не посмеешь послать почтой бесценную семейную реликвию, — на том конце у самого динамика телефона раздался щелчок зажигалки. — Твой поезд прибывает на Восточный вокзал в Париже. Отмени последнюю точку назначения и принеси кольцо в мой замок сегодня вечером.

— У меня нет его с собой.

— Тогда, полагаю, придется принять соответствующие меры.

— Когда я вернусь в Чикаго, я отправлю его с моим ассистентом самолетом.

— Не пойдет. Ты доставишь его лишь. Сегодня.

— Сегодня? Мне нужно больше времени, Джулиан.

— Срок до полуночи, Алессандра. И все, ни минутой больше. И если я узнаю, что ты хоть что-то сказала тому ублюдку, с которым трахаешься, сделка отменяется.

В ее голове метались сотни вопросов, и не раздумывая, она выпалила несколько вслух.

— Как я должна так быстро получить кольцо... и под каким предлогом сойти с поезда?

— Не мои проблемы, — она услышала, как он тяжело выдохнул густой дым. — Тик-так, Алессандра. Времени у тебя до завтра. Потом этот маленький фильм попадет в сеть.

Звонок завершился.

— Кто это был?

Алли резко вскинула голову и увидела Хадсона, стоящего в дверном проеме с блюдом под серебряной крышкой.

— Эм, никто, просто проверяю голосовую почту, — она опустила взгляд, не смея

смотреть ему в глаза. Как ей проверить все это, если маленькая ложь насчет звонка уже выбивает ее из колеи?

Хадсон вошел в комнату и закрыл за собой дверь.

— Все в порядке?

Алли подняла голову и ободряюще улыбнулась.

— Абсолютно, — она заставила себя выдержать его взгляд, сохраняя улыбку. Хадсон знал ее лучше всех. Если он заподозрит неладное, то непременно задаст вопросы, на которые она не сможет ответить.

Изучая ее лицо, он опустил еду на маленький столик и сел на кровать рядом с ней.

— Кажется, ты хочешь что-то сказать.

Проклятье. Она не могла облажаться. Она должна была убедить его, что все в порядке. Ей не хотелось лгать, но зная правду, он ни за что не позволит ей встретиться с Джулианом. И тогда все полетит к чертям, и это будет ее вина. Она не могла этого допустить.

— На самом деле, хочу, — к ее огромному облегчению голос прозвучал ровно.

— Так скажи мне.

— Я думала о Париже, — сказала Алли как можно более беспечно.

Его бровь приподнялась.

— Вот как?

— Мммхммм. Как ты смотришь на то, чтобы провести там ночь вместо того, чтобы сразу отправиться в Лондон? Канун Нового года в Городе Огней?

Теплая улыбка осветила его лицо.

— Все что угодно для твоего счастья, Алли.

— Я хочу, чтобы ты тоже был счастлив, Хадсон.

— За исключением, возможно, коллективного поцелуя, — усмехнулся он, — с тобой я буду счастлив где угодно, — он наклонился вперед и поцеловал ее за ухом.

Несмотря ни на что, Алли улыбнулась, частично от того, что вспомнила его реакцию на праздник в Венеции, частично из-за ощущения его губы и языка, посасывающих и целующих чувствительную кожу.

— Нет, никаких коллективных поцелуев под Эйфелевой башней, обещаю, — ее руки забрались в его волосы, а его губы скользнули ниже по ее горлу.

— Хмм, лучше кровать кинг-сайз с видом на Эйфелеву башню.

Потянув за волосы, Алли заставила его посмотреть ей в глаза.

— Ты уверен? — спросила она. — Мы упустим замечательный вечер, который ты запланировал на Темзе.

— Мы можем арендовать лодку на следующей неделе, если хочешь.

— Хочу. Очень хочу, — при мысли о романтическом круизе с Хадсоном на следующей неделе ее лицо осветила искренняя улыбка. К тому времени все неприятности с Джулианом будут позади, и они смогут вновь наслаждаться новой жизнью, которую строят вместе.

— Тогда решено. Я дам знать кондуктору и договорюсь, чтобы наши вещи сгрузили на следующей остановке, — он встал и вытащил из джинсов телефон. — Пентхаус в отеле Георга Пятого подойдет?

Она улыбнулась.

— Звучит идеально.

Подняв серебряную крышку с блюда, Хадсон стащил кусочек бекона и вышел из комнаты, прижимая телефон к уху. Едва дверь за ним закрылась, как Алли уже набирала

номер Харпер.

Кажется, на том конце ответили только после дюжины гудков.

— Алло, — голос прозвучал так тихо, что на мгновение Алли решила, что ошиблась номером.

— Харпер?

— Кто это, детка? — низкий, хриплый спросонья голос спросил где-то рядом с телефоном. Алли глянула на время. В Чикаго было немного за полночь.

После обмена несколькими приглушенными фразами Харпер вернулась к звонку. Обычно Алли стала бы задавать вопросы, требуя подробностей о загадочном мужчине, но сейчас не время.

— Привет, ты разве не должна потягивать шампанское во французском пригороде?

— Мне нужна твоя помощь, — тон Алли, должно быть, выдал всю срочность вопроса и нервозность, которую она ощущала, потому что Харпер тут же проснулась.

— Секундочку, — сказала она своему ночному гостю, затем раздалось шуршание. — Что случилось?

Тревога в голосе подруги вновь обрушила на Алли реальность всей ситуации. Она зажмурилась, пытаясь сдержать слезы.

— Это Джулиан, — выдавила она сквозь ком в горле.

— Что этот мудака натворил на этот раз?

— Он хочет, чтобы я вернула кольцо, и угрожает устроить неприятности, если я этого не сделаю.

— Ты сказала Хадсону? — Харпер решительно фыркнула. — Уверена, он покажет Джулиану новое значение слова 'неприятности'.

Алли больше всего на свете хотела рассказать все Хадсона. Он бы лучше всего справился с Джулианом. Но хуже всего было лгать ему. Секреты и ложь разлучили их. Меньше всего она хотела, чтобы что-то еще встало между ними. Но в этот раз все иначе. Речь идет о защите Хадсона и Ника.

— Я не хочу втягивать Хадсона. Джулиан — моя проблема. Я отдам ему его драгоценное кольцо, и он исчезнет из моей жизни. Навсегда.

— Ты не можешь ему доверять.

Нет, не может. Но он не оставил ей выбора.

— Ты привезешь мне кольцо?

— В Париж? — взвизгнула Харпер.

— Да. Я обо всем позабочусь. Тебе нужно будет только забрать кольцо из моей квартиры и приехать в аэропорт О'Хара с паспортом. Думаю, рейс Британских Авиалиний отправляется где-то в пять тридцать.

— Сегодня?

— Да, завтра в девять утра ты окажешься в аэропорт де Голля. Я тебя там встречу.

— Воу, притормози. Поверь мне, я бы с радостью метнулась во Францию. И ты знаешь, что я для тебя сделаю что угодно. Но я не уверена, что это хорошая...

— Я бы не просила, будь у меня другой выход, — прервала Алли дрожащим от эмоций голосом. — Пожалуйста.

На мгновение между ними повисла тишина.

— Говори, что нужно делать, — сказала Харпер.

Алли быстро объяснила, где лежит кольцо, взяла клятву держать все в секрете и, бурно

поблагодарив, повесила трубку, чтобы сделать нужные приготовления. Закончив, она быстро оделась и упаковала все их вещи. Застегнув молнию, Алли гадала, удастся ли ей справиться со следующими тридцатью часами. Хадсон так хорошо знал ее, ее настроения, ее выражения лица. Черт, будет почти невозможно вести себя так, будто ничего не случилось. Она глубоко вздохнула. Надо как-то выкрутиться. Необходимо. От этого зависят жизни Ника и Хадсона.

(37) Моя маленькая дорогуша (франц.)

(38) Любовь моя (франц). Хотя строго говоря, *mon* — 'мой' по-французски, а *amore* — 'любовь' по-итальянски. То ли авторы напутали, то ли что.

Париж не испытывал недостатка в роскошных отелях, но в 'Георге Пятом' определенно стоило остановиться. Восьмиэтажная достопримечательность в считанных минутах ходьбы от Елисейских полей была воплощением элегантно изысканности. И после вынужденной ночевки в крошечном вагоне с гребаными двухэтажными кроватями, Хадсон был более чем счастлив — нет, даже поражен — сменить уникальные в своем роде впечатления от европейского пригорода на кровать размера кинг-сайз с простынями, в которых ниток столько же, сколько долларов во внешнем долге США. Не говоря уж о том, что здесь не нужно выходить в прихожую, чтобы пописать.

Их немедленно встретил консьерж, быстро зарегистрировав и поручив коридорному проводить их в их номер. Частный лифт с защищенным доступом мгновенно доставил их в пентхаус. Сама комната оказалась даже лучше, чем в рекламе, прямо из огромной роскошной кровати открывался прекрасный вид на новогодние фейерверки. Но пока тянулся день, даже пятьдесят квадратных метров начали ощущаться как обувная коробка.

Утро перетекало в послеобеденное время, затем с темнотой пришел вечер, а Алли, казалось, отстранилась. Она стала более замкнутой, выдавая лишь то, что казалось ему натужными смешками и натянутыми улыбками. Что-то было не так. Логика подсказывала ему, что все в норме, что это лишь его восприятие. Но узел в животе говорил об обратном.

Хадсон поборол это чувство и сделал глубокий вздох, стараясь расслабиться.

Черта с два ему это удалось.

В ванной он уперся левой рукой в мрамор, а правой покрутил краны холодной и горячей воды. Хлынув из крана, вода начала заполнять огромную ванну в центре комнаты. Повернувшись, Хадсон увидел Алли в гостиной, смотрящую на двойные двери, за которыми открывалась терраса, дававшая 360 градусов обзора на город. Но Алли, казалось, не замечала ночного неба, янтарного сияния гудящего вниз города, мигающей огоньками Эйфелевой башни. Ее взгляд напоминал человека, застрявшего между двумя полюсами, на чем-то упорно сконцентрировавшегося и в то же время пытающегося от этого убежать. Хадсон был хорошо знаком с этим; он был профессионалом в отгораживании от внешнего мира, когда тот приближался слишком близко.

Уровень воды поднялся, и от ванны пошел пар. Хадсон прокрутил в памяти последние несколько часов, потом последние несколько дней, пытаясь понять, что он мог сказать или сделать, чтобы вызвать такую отстраненность. В поезде он пошел за десертом с взбитыми сливками, а когда вернулся, настроение и атмосфера между ними изменилась.

Это не имело смысла.

Вообще.

Когда дело казалось ее, все его чувства обострились. Но сейчас он не мог выявить причину ее сдержанности.

— Алли?

Ее голова повернулась. Боже, она была прекрасна, единственная женщина, которую он всегда желал. В белом халате, с распущенными по плечам светлыми волосами, она поражала его до оупения.

Хадсон пересек комнату. Свечи, которые он зажег, заколебались от его движения, но

ничуть не развеивали холодок, повисший в воздухе. Без слов он обвинил ее талию. Она повернулась, скользнув руками по его плечам и обнимая его за шею. И когда ореховые глаза встретились с ним взглядом, в них светилась самая настоящая искренность. Взяв ее лицо в ладони, Хадсон склонил ее голову и запечатал губы поцелуем. Язык ленивыми движениями скользнул между ее губ, пытая, дожидаясь ответа. И когда она наконец ответила, когда наконец отдалась ему, он застонал, упиваясь ее вкусом.

— Прими со мной ванну, — прошептал он ей в губы.

— Ладно, — ее едва слышный голос дал ему зеленый свет. Крепко обняв, Хадсон поднял ее на руки. Его член пульсировал, привлекая внимание, пока он нес ее в ванную. Вода все еще бежала, и в комнате будто воцарились тропики, но запотевшие зеркала не скрывали их отражения.

Уверенными движениями он поставил ее на ноги, развязал поясok и стянул ткань с ее кремовых плеч, позволяя халату упасть к ногам. Она была чертовски прекрасна. Хотя и не в современном стиле, где все сводилось к излишку — слишком много макияжа, накладные ногти и чрезмерные увеличения отдельных частей. Алли обладала натуральной красотой, мягкими чертами, напоминавшими Грейс Келли.

Он развернул ее лицом к зеркалу над двумя раковинами. Все ее тело купалось в свете свечей, отражавшемся от скошенной поверхности. Подняв руку, Хадсон костяшками пальцев провел по ее ребрам, затем вдоль изящного склона груди. Ее взгляд метнулся к его руке, прослеживая движения. Напряжение ее тела было нестерпимым, она казалась тревожной.

— Посмотри на меня. Не опускай взгляд, — он опустил голову, но продолжал смотреть ей в глаза, языком касаясь ее плеча. Кожа ее под ласками его рук и языка была мягкой и гладкой, точно атлас, и постепенно Хадсон начал чувствовать, как напряжение покидает ее мышцы.

Опустив руку между ее бедер, он гортанно застонал. Боже, она была влажной. Он имел власть над ее телом, но хотел иметь власть и над разумом. Скользнув средним пальцем в нее, он отступил и вновь вернулся мгновение спустя.

Алли застонала и толкнулась навстречу его руке.

— Хадсон, — шепнула она.

Его язык пробежался по венке, пульсировавшей на шее.

— Я знаю, чего ты хочешь, но должен услышать это, — он был каменно-твердым и умирал от желания оказаться внутри нее, ощутить ее горячее, влажное естество, скользящее вокруг его члена. Но несмотря на жар, разливавшийся по ногам и паху, он сдерживался, желая, чтобы она догнала его. Он продолжал вынимать пальцы и тут же возвращать их нежным толчком.

— Скажи это, Алли.

— Возьми меня, — выгнув спину, Алли конвульсивно сжала его пальцы. В этот момент он знал, что она нуждалась в этой связи не меньше его.

Хадсон потянулся к поясу своего халата и вырвал его из петель. Ткань распахнулась, и его член гордо вздыбился, мощный и твердый. Обхватив себя рукой, он скользнул головкой между ее влажных губ. Первое прикосновение к ее естеству едва не заставило потерять контроль.

За секунду напряжение в комнате сменилось яростной похотью. Он стиснул ее бедра, впиваясь пальцами в нежную плоть и ощущая желание привязать их к этому месту, удержать их в этом моменте. Зашипев, он вошел в нее мощным ударом, его тело шлепнулось об ее

задницу. Алли вскрикнула, вцепившись в край тумбы. Он вышел по самую головку и вернулся резким ударом. Изданный им стон волной вибрации прошел через все тело, и она резко выдохнула.

Пар увлажнил их кожу, звук воды, переливавшейся через края ванны, смешался с их стонами. Глянув в сторону, Хадсон заметил их отражение. Он наблюдал, как его бедра перекатываются и вминаются в нее, как напрягаются и расслабляются, пока она со всех сторон обхватывала его член.

— Посмотри на нас, — прорычал он, подчеркивая каждое слово жестким толчком. — Смотри, как я тебя трахаю.

Ее взгляд метнулся от одного зеркала к другому, и к следующему, и он знал, что она с разных углов видит, что он делает с ней. Они представляли собой призму обнаженных тел,двигающихся вместе, слившихся воедино. Сладкий ад, оргазм уже собрался в головке его члена, по позвоночнику медленно начинал разливаться обжигающий жар.

— Дай мне свой рот, — прорычал он. Алли вскинула голову, и задрав ее подбородок, он безжалостно захватил ее рот, обрушиваясь на ее губы в отчаянной попытке запечатать трещину между ними, разраставшуюся в гребаный каньон. Его язык ласкал ее рот умелыми движениями, бедра продолжали беспощадно двигаться.

Почувствовав, как ее естество начинает стискивать его член в подступающем оргазме, он обхватил Алли рукой и потер клитор пальцами.

— Пожалуйста, — взмолилась она.

— Я держу тебя, — стиснув зубы, Хадсон положил руку себе на поясницу, чтобы поддерживать ровный ритм. — Посмотри на себя. Посмотри, как ты прекрасна. Смотри на то, что вижу я, когда ты кончаешь.

Алли выгнула спину, и тут же ее накрыло волной освобождения.

— Хадсон, — умоляюще выкрикнула она его имя. Одышка в ее голосе подстегнула его нужду, и его тело взяло верх. Не осталось ничего медленного и легкого, он начал брать ее жестко и грубо.

— Вот так. Отдай то, что принадлежит мне, — схватив ее за бедра, он резко насадил ее на всю свою длину, чувствуя, как она пульсирует вокруг его ствола, трахая ее с желанием стереть все и вся, что угрожало встать между ними.

Сосредоточившись на ощущении, как член скользит внутрь и наружу, Хадсон почувствовал, как волна наслаждения поднимается по ногам и вибрирует в яйцах. Но в то же время он ощутил смену ее настроения, когда она уронила голову, пряча глаза. Погладив ее по спине, он намотал ее волосы на кулак и бережно потянул наверх.

— Не смей нахрен отворачиваться, я вот-вот кончу для тебя.

Их глаза встретились в зеркале, но у него оставалось чувство, будто он продирается сквозь туман, пытаясь дотянуться до нее.

— Проклятье, — с криком он начал кончать, выгнувшись всем телом и глубоко вминаясь в нее. Алли рухнула на локти, и Хадсон придержал ее за талию. Наклонившись, он поцеловал ее между плеч, и мгновение они стояли молча, слышал лишь собственное тяжелое дыхание, отражавшееся от холодного мрамора.

Наконец, Хадсон заговорил.

— Я никогда тебя не отпущу, — промурлыкал он в ее кожу. — Никогда.

Всю ночь Алли провела, уставившись в потолок пентхауса. Она выучила каждую деталь орнамента на карнизе и то, как висят хрустальные капельки на люстре. Но к тому моменту, когда через шелковые занавески начало проглядывать солнце, она все равно не придумала свой план.

Под каким предлогом она может оставить Хадсона одного в самом романтичном городе мира? Это их первая совместная поездка. При других обстоятельствах ничто не заставило бы ее отойти хоть на шаг. Но обстоятельства были далеки от нормальных. И хоть она ненавидела саму мысль о том, чтобы покинуть Хадсона на полдня и тем более врать ему, Джулиан не оставлял ей выбора. Он угрожал навредить ее любимому мужчине. Если доставка кольца в замок Джулиана будет значить, что Хадсон в безопасности, она сделает это.

От Алли не ускользнула ирония места, выбранного Джулианом для обмена. Если бы они поженились, как планировалось, то сейчас как раз направлялись бы в трехнедельный медовый месяц. Насыщенный маршрут путешествия последним своим пунктом предполагал недельное пребывание в его замке, и кульминацией всего этого стал бы прием, который ее мать планировала устроить для многочисленного семейства Джулиана и своих друзей из Европы, которые сумеют приехать на церемонию

Многие из списка гостей не смогли бы приехать из-за праздников или слишком скоропалительного объявления о свадьбе, но Алли подозревала, что истинная цель матери заключалась не в развлечении далеких родственников Джулиана, а в том, чтобы произвести впечатление на Бернадетт Бюшон. Бернадетт была маминой соседкой по комнате в колледже Вассар. И хоть фамилия Ингрэм часто упоминалась в одном ряду с Вандербитами, Кеннеди и Рокфеллерами, ей не доставало родословной, насчитывавшей сотни лет благородства и богатства. И организация бала в загородном имении ее дочери, новой маркизы Лорен, без сомнения подтянула бы этот пункт. Это обеспокоило бы Алли, но мотивы матери насчет вечеринки в замке Джулиана меркли по сравнению с тем, из-за чего родители вообще затеяли ее брак. Хотя все это уже неважно. Ее родители мертвы, а вместе с ними умерло и негласное соперничество с Бернадетт Бюшон.

И тут Алли озарило. Бернадетт была идеальным предлогом, чтобы ускользнуть на несколько часов.

Стараясь не побеспокоить Хадсона, Алли потянулась к телефону. Она напечатала Бернадетт быстрое сообщение и как раз положила телефон обратно на тумбочку, как Хадсон зашевелился.

— Я знаю, что ты делаешь, — пробурчал он позади нее.

Алли застыла.

— Правда?

— Хмм, — Хадсон потянулся к ней, рукой обхватывая талию и прижимая ее спиной к своей груди. — Ты проверяешь почту, а я же говорил, что это запрещено делать в постели. И кроме того, выходные на дворе. Ничего срочного, — он прижался губами к ее плечу, и она ощутила его улыбку. Небольшое движение бедрами, и сзади в нее уперлась внушительная эрекция. — За исключением этого.

Возбуждение затопило все ее тело. Всего пару слов и ощущение его кожи на своей — и она уже влажная и готовая. Стоит лишь немного подвинуть бедра, и он окажется внутри, наполняя ее и растягивая. Алли до боли хотела его, как и всегда, ее тело было его рабом. Больше всего она жаждала стать с ним единым целым на самом интимном уровне. Но нужно было принять меры и встретить самолет.

Пусть так и будет. Потому что какой бы прекрасной ни была ночь, ближайшее будущее лежало на душе тяжким грузом, и Алли знала, что Хадсон это заметил. Он чувствовал ее настроение, напряжение, которое излучало ее тело. И хотя он все же смог пробиться и коснуться той части ее, которой мог касаться только он, это далось нелегко и принесло с собой лишь грусть. Она должна была разобраться с Джулианом. Как только он покинет их жизнь, все вернется к норме.

Уткнувшись носом в ее шею, Хадсон принялся теревить и потирать ее соски двумя пальцами. Зажмурившись, Алли сопротивлялась волне наслаждения, собираясь с силами оттолкнуть мужчину, которому она принадлежала телом и душой.

— Это было не по работе.

Хадсон куснул и пососал чувствительную кожу за ушком.

— Ну, какая бы катастрофа не случилась у Харпер с ее последним ухажером, это тоже может подождать.

Потребовалась каждая капля ее самоконтроля, но Алли все же как-то сумела накрыть руку Хадсона своей, останавливая его чувственную атаку.

— На самом деле, это была подруга мамы. Она мне как тетя, — нелепое преувеличение, но она должна была выдумать правдоподобную историю.

Алли села, заворачиваясь в простыню, и подвинулась к краю постели.

— Она не смогла приехать на похороны, поэтому когда Бен сказал ей, что я в Европе, она стала писать мне с просьбами встретиться, — пристальный взгляд Хадсона заставил ее осознать, как быстро она тараторит. Она вздохнула, чтобы успокоиться и сделать быстрые подсчеты. Если рейс прибудет вовремя, Харпер должна приземлиться незадолго до девяти. Плюс прохождение таможи, затем поездка к замку Джулиана через весь город, значит, она должна оказаться на станции к двум. Едва ли у них с Джулианом состоится милая беседа за чаем.

— В общем, я подумала, может, я увижусь с ней за поздним завтраком, а потом встретимся на станции?

Хадсон свесил ноги с другой стороны кровати.

— Я пойду с тобой.

— Не глупи, — она бросилась на другой конец комнаты, поднимая с полу одежду и подходя к открытым чемоданам, лежавшим на полке для багажа. — Я бы ни за что не подвергла тебя ланчу с Бернадетт. В смысле, я люблю ее как члена семьи, но она как моя мама, только еще хуже, — она нервно хихикнула. — И с сигаретой и ужасным акцентом.

Хадсон весьма раздраженно посмотрел на нее через всю комнату.

— Думаю, я сумею вытерпеть один ланч.

— Я ценю твое предложение, но правда не нужно. Наслаждайся ленивым утром, сходи в спортзал отеля, прочти почту, в которую постоянно заглядываешь украдкой, — она улыбнулась ему через плечо. — Встретимся на станции в два, и к коктейльному времени мы будем уже в Лондоне, — взяв чистую одежду, Алли направилась к ванной, на мгновение задержавшись возле Хадсона. — Но все равно спасибо, — сказала она, быстро целуя его в

губы.

Когда она отвернулась, Хадсон поймал ее за запястье.

— Ты же не думаешь, что я отпущу тебя, как следует не попрощавшись, — сказал он, резко притягивая к себе на колени. Одной рукой Хадсон накрыл ее затылок, удерживая на месте и запечатывая рот страстным поцелуем. И на один блаженный момент все мысли о Джулиане, угрозах и шантаже вылетели из головы, и Алли ответила на поцелуй. Как будто кроме них не существовало больше ничего.

— Теперь можешь одеваться, — он поставил ее на ноги и шлепнул по заднице. — Я бы присоединился к тебе в душе, но тогда бедная тетя Бернадетт будет есть свои круассаны в одиночестве, — добавил он с понимающей улыбкой.

Алли приняла душ и оделась, Хадсон тем временем позвонил в обслуживание номеров. Завтрак доставили как раз тогда, когда она собралась уходить, но ее меньше всего волновала еда. Она думала лишь о том, как добраться до аэропорта. Согласно сайту авиалиний, рейс Харпер прибывал вовремя. Если повезет, она быстро пройдет таможеню, и Алли не выбьется из расписания. Джулиан дал ей не так много времени, но если все пойдет по плану, через несколько часов все будет кончено.

— В столовую, *s'il vous plaît*(39), — Хадсон придержал дверь, пока молодой человек закатывал тележку, укрытую льняной скатертью. Алли оказалась рядом прежде, чем он успел закрыть дверь.

— Хотел бы я, чтобы ты передумала и взяла с собой Макса, — сказал он, пока она надевала пальто.

— Меня устроит машина и водитель от отеля, — Алли улыбнулась с притворной беспечностью. — И так Макс сможет доставить тебя и весь наш багаж на станцию вовремя.

Хадсон запахнул ее пальто и начал застегивать пуговицы.

— Ты действительно придаешь новый смысл фразе 'путешествовать налегке'. Уверен, консьерж вчера подумал, что прибыла делегация ООН, — его тон дразнил, но глаза были полны беспокойства. — Никаких отклонений. После ланча с тетей сразу на станцию.

— Со мной все будет хорошо, Хадсон. Не беспокойся так.

Меж его бровями собралась глубокая складка. Ее нервировало то, как внимательно он на нее смотрел, и на какой-то момент Алли даже испугалась, что он насквозь видит ее жалкое оправдание.

— Я буду беспокоиться, пока ты не окажешься в моих руках, — наконец, сказал он, наклоняясь и нежно касаясь ее губ. — Ты моя жизнь, Алессандра. Я что угодно для тебя сделаю. Только попроси.

У Алли сдавило грудь.

— Я знаю, — прошептала она ему в губы. — Скоро увидимся.

Проходя по длинному коридору, она не отводила взгляда от лифта. Хадсон все это время наблюдал за ней, стоя в дверях номера. Она чувствовала это. И понимала, что стоит ей обернуться, как она побежит обратно, кинется ему на шею и расскажет все. Но Джулиан был непреклонен — она должна разобраться с этим в одиночку, и именно это она собиралась сделать.

Все что угодно для их безопасности.

По дороге в аэропорт и в зале ожидания, нервно поглядывая на часы, Алли вновь и вновь прокручивала в голове эти слова. Когда в дверях наконец-то появилась Харпер, Алли протолкнулась сквозь поток выходящих пассажиров и кинулась обнимать подругу.

— Воу, я тоже тебя рада видеть, — засмеялась Харпер.

Алли обняла ее еще крепче.

— Спасибо тебе.

— Да не за что. Никогда не проводила канун Нового года на высоте в 10 километров. Не совсем то, что я планировала, но...

Чувство благодарности захлестнуло Алли, смешавшись с напряжением, бурлившим внутри, и с ее губ сорвалось сдержанное рыдание.

Харпер отстранилась, чтобы посмотреть на нее.

— Эй, все в порядке, — она стерла слезинку со щеки Алли. — Хотя могу я в миллиардный раз сказать, что встречаться с Джулианом плохая идея?

— Я знаю. Но так надо, — люди спешили мимо них, торопясь увидеться с членами семьи или успеть на пересадку. — Пойдем, давай выберемся из этой суматохи, — схватив Харпер за руку, она вывела ее к сиденьям у окна. — Сложно было найти?

Харпер покачала головой.

— Нет, оно лежало там, где ты и сказала. Но путешествовать с этим камушком было страшно, — она вытащила кожаную коробочку из сумки и вложила ее в дрожащие руки Алли. — Как, черт побери, ты расхаживала с ним на руке? Я бы боялась, что кто-нибудь мне палец отрежет вместе с кольцом.

Этот образ только усилил тошноту, узлом свернувшуюся в животе Алли, но она сосредоточилась на деле.

— Внизу меня ждет водитель от отеля 'Георга Пятого', но он отвезет тебя в Риц Карлтон. Я сняла там тебе номер, потому что с моей удачей ты обязательно наткнешься на Хадсона в холле.

— Он знает, где ты сейчас?

Алли нахмурилась.

— Я сказала, что встречаюсь с подругой мамы.

— Я бы столькими способами могла доказать тебе, что это плохая идея, что ложь уже разлучила вас однажды, и что Джулиан как змея в траве, и что Хадсон с ума сойдет, когда узнает... — Харпер помолчала и выражение ее лица смягчилось. — Но думаю, ты уже и так это знаешь.

Алли кивнула, сглатывая вставший в горле ком. И когда она заговорила, с губ сорвался лишь шепот.

— Он угрожает навредить Хадсону. И Нику.

Глаза Харпер расширились.

— Все из-за этого кольца? То есть да, это та еще штука, но разве он не может себе позволить дюжину таких?

— Может, но по его словам это кольцо бесценно.

— Боже, как хорошо, что я этого не знала во время полета.

— По-моему, хорошо будет избавиться и от кольца, и от его хозяина, — она запихнула кольцо в сумку и протянула Харпер большой конверт. — Здесь все, что тебе нужно. Регистрация в отеле на твое имя, но я дала им номер своей кредитки, так что соверши набег на мини-бар, сходи в спа, закажи еду в номер, что хочешь.

Харпер заглянула в конверт.

— Ты не обязана это делать.

— Нет, должна. Ты бросила все и практически сразу же бросилась в Париж. Меньшее,

что я могу сделать — это позаботиться, что ты хорошо проведешь время.

— Так какой у тебя план?

— Так себе. Я собираюсь взять такси, которое отвезет меня к Джулиану, затем заглянуть к Бернадетт на обратном пути к Хадсону на станцию, — Алли была ужасной лгуньей. Если сложится, ей действительно придется быстренько выпить чая с маминой подругой. — Если повезет, все будет кончено через два часа.

— Позвонишь по дороге на поезд?

— Будет сделано, — после прощального объятия Алли поспешила к ближайшей стоянке такси. Во время поездки она смотрела, как городская суэта сменяется живописными пейзажами, и готовила себя к неизбежному. Она надеялась никогда больше не видаться с Джулианом Лореном, и на какой-то короткий промежуток времени это казалось реальным. Но теперь они не только увидятся, но и останутся наедине.

От воспоминаний об их последней встрече кольнуло сердце, и выступил холодный пот. Алли видела его лицо, искаженное злобой, ноздри, вздувавшиеся от ярости. Она чувствовала кислую вонь алкоголя, смешивавшуюся со сладким запахом его туалетной воды. Она ощущала на себе его руки, ощущала кровь, стекавшую по лицу. Но лучше всего она слышала его. Рычание, хрипы, резкие вздохи, когда он перегнул ее через диван и раздвинул ноги.

— Мы на месте, Mademoiselle.

Алли потрясенно замерла.

— Pardonnez-moi?(40)

Водитель кивнул на железные ворота перед машиной.

— Дальше машина не проедет. Дорога слишком узкая.

— Слишком узкая?

— Oui, Mademoiselle. Ее строили для лошадей, не для автомобилей.

Алли выглянула в окно. За воротами располагался мощный булыжником мост, нависавший надо... ровом? Она не могла поверить своим глазам. Она знала, что семья Джулиана владела замком с 16 века, но настоящий ров? Хоть она и ожидала, что замок будет таким же показно-хвастливым, как и все в жизни Джулиана, но все равно не ожидала такого.

— Вы хотите, чтобы я подождал?

— Несомненно. Это займет несколько минут, — она бросила 50 евро на переднее сиденье и выбралась из машины.

Теперь железные ворота казались еще более дурным знаком. Они возвышались над ней изобилием завитков и переплетавшихся волнистых линий, в середине образовывавших гигантскую букву Л. Глубоко вдохнув, она как-то сумела шагнуть вперед на подкашивавшихся ногах.

Шагая меж обветрившихся камней, Алли осматривалась по сторонам. Вода под мостом шла мелкой рябью, слабое течение покачивало лилии и водоросли. Вдали она различила тщательно подстриженные кусты, разбросанные по саду, а за ними — огромную конюшню и небольшие домики, в которых, должно быть, жили слуги. Но настоящим центром всего был сам замок. Массивное трехэтажное здание маячило перед ней точно в сцене фильма. Со всеми этими башнями, шпилями и флагами оно напоминало настоящий замок, а не просто особняк. Приблизившись к входу, она безучастно подумала, что при других обстоятельствах это место показалось бы ей родом из сказки, а не из худшего ночного кошмара.

Как только она подошла ближе, огромная деревянная дверь распахнулась. Алли поднялась по лестнице и увидела Джулиана, появившегося в дверном проеме. Он держал

хрустальный бокал, наполненный явно чистой водкой, и был одет в коричневые брюки и синюю рубашку с закатанными рукавами.

— Алессандра, — губы его сложились в нечто, напоминавшее больше усмешку, чем улыбку. Жестом он пригласил ее внутрь и отступил, давая пройти и отпивая спиртного. — Добро пожаловать домой, — пробормотал он.

Алли вошла в темное тускло освещенное фойе. Она едва успела осмыслить его слова, как тяжелая дверь позади нее закрылась с оглушительным грохотом.

(39) Пожалуйста (франц.)

(40) Прошу прощения (франц.)

Хадсон чувствовал, что вот-вот взорвется. Уже четверть третьего, а Алли все еще не появилась. Как только она вышла из номера отеля, его фитиль зажегся. Ее опоздание послужило детонатором.

Он прошелся вдоль платформы, пытаясь избавиться от нервозности, прожигавшей огромную дыру в животе. Как бы не так. Не позвонить и даже не написать смс-ку, что опаздывает — это на нее не похоже. И это не пропавшая впустую бронь столика — их поезд вот-вот отправится. И она прекрасно знала, что он беспокоится за ее безопасность. Она ни за что не оставалась бы вне зоны доступа так долго.

Слишком долго. Охренительно долго.

Хадсон выругался и снова стал мерить шагами платформу, пока не дошел до последнего вагона. Отсюда он отлично видел двойные двери, ведущие к терминалу, а за ними такси и легковые авто, высаживавшие пассажиров на обочину. Он немного ободрился мыслью, что сейчас она пронесется через двери, светлые кудри рассыпались по плечам, лицо покраснелось, с губ уже срываются слова извинения.

Проведя рукой по волосам, он, должно быть, в сотый раз посмотрел на часы и опустил руку, позволяя рукаву рубашки и пальто спуститься на место.

Двадцать минут третьего.

Его инстинкты бушевали. В этой ситуации ничего не было правильно. Нет, вычеркните, все было охренеть как неправильно. И с каждой минувшей секундой его настроение все сильнее скатывалось в дерьмовое.

Он вытащил телефон из нагрудного кармана черного шерстяного пальто и вновь попробовал набрать Алли. Звонок сразу ушел на голосовую почту. Через быстрый набор он вызвал Макса. Один гудок... второй... Затем он отменил вызов, вспомнив, что не Макс вез ее на место назначения.

Проклятье. Почему, черт побери, он выпустил ее из виду?

Он позвонил в отель. Они обычно записывали информацию о пассажирах, хотя бы для того, чтобы поживиться его черной Американ Экспресс.

— *Bon après-midi, le Four Seasons George V. C'est...*

Хадсон резко оборвал ее любезности.

— Мне нужно знать, куда один из ваших водителей отвез постояльца сегодня утром.

— *Pardon?*

Возьми себя в руки, подумал он. Хадсон заставил себя успокоиться и глубоко вдохнул через нос. Наконец, он сумел заменить тревогу трезвым здравым смыслом.

— Это Хадсон Чейз, — голос его был спокойным и ровным, в отличие от руки, державшей телефон. — Я оставался у вас на ночь, в пентхаусе, с мисс Алессандрой Синклер, — его горло сдавило. — Ваш водитель отвез ее в резиденцию сегодня утром. Мне нужен адрес.

— Конечно, мистер Чейз, одну минуту, — женщина перешла на английский, но как будто не сумев полностью избавиться от родного языка, добавила, — *s'il vous plaît*.

Дальнейших вопросов и ответов не потребовалось. В конце концов, он был частым путешественником по делам бизнеса, и множество летних милей это подтверждали. И он

останавливался в 'Георге Пятом' всякий раз, когда дела приводили его в Париж. Правда, не в пентхаусе. Ему не нужно было столько места для ноутбука и нескольких костюмов.

Он слышал, как рядом с телефоном застучали клавиши. Каждый щелчок отдавался в его голове барабанной дробью, вторившей биению его сердца. Да сколько времени нужно, чтобы напечатать чертово имя?

Он снова посмотрел на часы. Два тридцать. Дерьмо. Поезд отправлялся через десять минут.

— Вы получили адрес? — его нетерпение скользило в каждом слоге, гудение и шипение двигателя поезда только подстегивало.

— Еще проверяю. Подождите, пожалуйста, — на линии раздалась музыка.

Хадсон стиснул зубы, каждый мускул на подбородке напрягся. Он не отводил взгляда от входа на станцию, мечтая, чтобы она прошла через эти ворота, и сцены их совместного вечера вставали перед глазами. Клубившийся пар, затуманивший десятки зеркал, их слившиеся воедино тела, отражавшиеся под каждым углом, их крики наслаждения, рикошетом отскакивавшие от мраморных стен. Он думал, что дотянулся до нее, но этим утром глубокий каньон, через который он перебросил мост, вновь вернулся. Она оставалась замкнутой, вырывалась из его объятий, хотя ее тело отвечало, отделялась отговорками и даже прикрывалась простыней. Обычно она не стеснялась перед ним своей наготы. Что беспокоило ее? Что изменилось?

Кондуктор прокричал пятиминутное предупреждение. Сукин сын. Где, черт подери, она пропадала? Страх окутал воздух вокруг него — последствия желания, нужды, любви к кому-то — удваивая нервозность. Проклятье, угодил в свой худший ночной кошмар.

Музыка резко оборвалась, и он тут же выпалил:

— Что-нибудь есть?

— Oui, Monsieur. Водитель отвез мадмуазель Синклер в аэропорт Шарля де Голля.

— Что? — внезапно весь воздух покинул его легкие. — Вы уверены?

— Oui.

— Были другие остановки?

— Мне жаль, месье Чейз, но у меня пока нет дополнительной информации. Возможно, когда вернется водитель.

Хадсон повесил трубку. Вся кровь отлила от головы и конечностей, собираясь в груди, у сердца, просто чтобы поддерживать его биение.

Он набрал Макса, тот немедленно ответил.

— Мистер Чейз.

— Сообщи пилоту, что я вылечу из Парижа вместо Лондона.

— Конечно, сэр. Когда бы вы хотели отправиться?

— Еще не уверен. Держи его наготове. И мне нужно, чтобы ты сделал стандартную проверку на Бернадетт Бюшон.

— Да, сэр. Еще что-нибудь?

— Нет, но информация мне нужна как можно скорее. Два часа.

— Я сделаю это за час.

— Напомни мне повесить тебе зарплату, когда вернемся.

— Да, сэр. Спасибо, сэр.

Хадсон бросил трубку, но телефон из рук не выпустил. Кондуктор выкрикнул требование всем подняться на борт, и последние оставшиеся пассажиры поспешили зайти в

вагоны.

Проклятье. Она бросала его.

Когда поезд тронулся со станции, Хадсон почувствовал себе так, будто живет в секунде от автокатастрофы, и время неумолимо ползет вперед.

(41) Добрый день, отель 4 сезона Георга Пятого... (франц)

Продолжение следует...

Больше книг на сайте - Knigolub.net